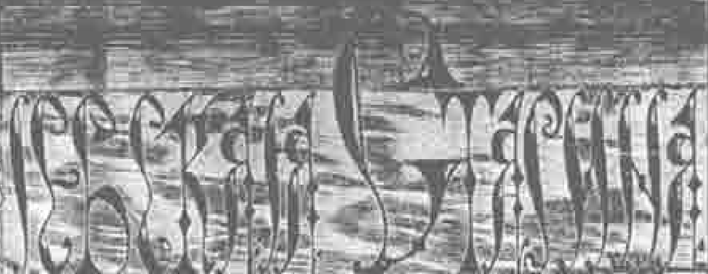

Русская Старина

Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАЙ
1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

Іюнь, 1883 г.

стр.

Іюль, 1883 г.

Августъ 1883 г.

стр.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

МАЙ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го апрѣля 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Россіи

(историко-этнографическія замѣтки).

ВВЕДЕНІЕ.

Территорія, которой касаются наши историко-этнографическія замѣтки, — это страна, заселенная южноруссами или малоруссами (они-же русины, русняки, рутенцы, хохлы, черкассы и т. д.). Трудно при современномъ состояніи русской этнографіи точно обозначить предѣлы поселеній малорусской народности. Съ одной стороны ни языкознаніе, ни антропологія, ни этнографія не указали еще всей суммы признаковъ, которыми рѣзко и несомнѣнно *малоруссъ* отграничивается не только отъ *великорусса* и бѣлорусса, но даже отъ *поляка* (въ привислянскомъ краѣ и Галиція), словака (въ Венгріи) и пр.; съ другой стороны въ мѣстахъ смежнаго поселенія двухъ племенъ всегда одно племя врѣзывается въ предѣлы другаго, и довольно широкая пограничная полоса обыкновенно состоитъ изъ смѣшаннаго населенія. Единственнымъ критеріумомъ, устраняющимъ хотя отчасти затрудненіе втораго рода при опредѣленіи территоріальнаго разселенія народности, служитъ статистическій матеріалъ. И вотъ, основываясь на данныхъ статистики [1]), мы можемъ сказать, что южноруссы занимаютъ своими поселеніями

---

[1]) По статистическимъ цифрамъ малоруссы составляютъ большинство населенія въ слѣдующихъ областяхъ Россіи и Австро-Венгріи: 1) въ міусскомъ и донецкомъ округахъ земли Войска Донскаго; 2) въ бирючскомъ, богучарскомъ, острогожскомъ, въ западной половинѣ валуйскаго и юго-западной трети павловскаго уѣздовъ, воронежской губерніи; 3) въ грайворонскомъ, новооскольскомъ, въ половинѣ суджанскаго и въ трети бѣлгородскаго и путивльскаго уѣздовъ курской губерніи; 4) въ харьковской губ.; 5) въ полтавской губ.; 6) въ черниговской (кромѣ су-

отношенія разныхъ народностей недостаточно, чтобы характеризовать этнографическій составъ населенія въ такомъ сравнительно обширномъ краѣ, какъ южная Русь [1]). Въ этомъ отношеніи болѣе матеріала дадутъ намъ частныя цифры распредѣленія населенія въ разныхъ частяхъ Малороссіи. Частей, на которыя можетъ быть раздѣлена Малороссія по характеру группировки въ ней разныхъ національностей, шесть: 1) *Сѣверо-западная полоса южной Россіи* [2])*) —въ ней кромѣ малоруссовъ остальное населеніе распредѣляется главнымъ образомъ между *евреями, поляками* и отчасти *нѣмцами;* 2) *юго-западная полоса* [3]); отличіе ея: значительный процентъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *молдованъ;* 3) *сѣверная полоса* [4]) характеризуется присутствіемъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *бѣлоруссовъ;* 4) *восточная полоса* [5]), гдѣ послѣ малоруссовъ главное населеніе составляютъ великоруссы; 5) *южная полоса* [6]) выдается смѣсью народностей инородческихъ, безъ особеннаго преобладанія какой-нибудь изъ нихъ и наконецъ 6) *центральная полоса* [7]), которая отли-

---

[1]) Слѣдующія страны Европы менѣе южной Россіи: а) *По пространству:* Австро-Венгрія (1880 г.), Германія (1880 г.), Франція (1876 г.), Испанія (1876 г.), Швеція (1878 г.), Норвегія (1875 г.), Великобританія (1881 г.), Италія (1878 г.), Турція съ восточной Румеліей, Румынія, Боснія и Герцоговина (1873 г.), Болгарія, Сербія (1876 г.) и Черногорія (смот. *Суворинъ,* «Русск. календарь» на 1882 г.); b) *по населенію:* Испанія (1877 г.), Турція съ восточной Румеліей, Бельгія (1878 г.), Румынія, Швеція (1878 г.), Португалія (1878 г.), Нидерланды (1878 г.), Швейцарія (1880 г.), Болгарія, Норвегія (1875 г.), Греція (1879 г.), Сербія (1876 г.), Боснія и Герцоговина и Черногорія (смот. ibid.).

[2]) Ее составятъ: восточная Галиція, малор. уѣзд. люблинск. губ., сѣдлецкая и гродн. губ., волынская, кіевская и подольская губ., кромѣ уѣздовъ балтскаго и ольгопольскаго.

*) Основаніемъ для дѣленія Малороссіи на полосы служитъ преобладаніе той или другой изъ инородческихъ націй.

[3]) Ее составятъ: малорос. провинціи Буковины, хотинскій уѣздъ, Бессарабія, балтскій и ольгопольскій уѣзды, подольской губ.

[4]) Пинскій и мозырскій уѣзды, минской губ.

[5]) Новозыбковскій и стародубскій уѣзды, черниг. губ.; константиноградскій уѣздъ, полтав. губ., малор. части курской, воронеж. губ. и земли Войска Донскаго и харьковская губ.

[6]) Аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, херсонская и екатериносл. губ. и три сѣверные уѣзда таврич. губ.

[7]) Полтавская губ. (кромѣ константиногр. уѣз.) и черниговская губ., кромѣ уѣздовъ суражскаго, новозыбковскаго и стародубскаго.

Полосы	Малоруссы. число.	%	Евреи.	Велико-руссы.	Пол	мцы.	Румыны.	Греки.	Болгары.	Бѣлоруссы.	Армяне.	Цыгане.	Сербы.	Чехи.	Татары.	Проч.	Итогъ по полосамъ.
I Сѣверо-западная	7,675,800	$76,_{76}$	(13,10) 1,390,700	(0,50) 50,600	(8, 801,	,61) ,250	(0,01) 1,650	»	»	»	(0,02) 2,400	(0,02) 2,070	»	(0,07) 7,100	(0,01) 900	(0,05) 5,050	9,998,770
II Юго-западная. .	643,600	$76,_{33}$	(8,00) 67,800	(0,70) 6,450	(2,0 17,1	,21) ,600	(9,87) 83,000	»	»	»	(0,31) 2670	»	»	(0,001) 100	»	(0,16) 1350	840,670
III Сѣверная . . .	109,000	$78,_{23}$	(7,85) 10,950	?	(9,13 12,72	,21) 300	»	»	»	(4,52) 6300	»	»	»	»	(0,01) 10	»	139,285
IV Восточная . . .	2,600,200	$73,_{32}$	(0,26) 9,350	(25,74) 914,500	(0,09 3,500	,11) 975	»	»	»	(0,34) 12,380	(0,001) 50	(0,05) 1950	»	»	(0,006) 210	(0,006) 225	355,234
V Южная	2,362,600	$69,_{41}$	(6,06) 171,900	(9,97) 339,460)	(1,53) 62,300	,78) 6,875	(4,42) 150,500	(2,05) 70,450	(2,02) 69,000	(0,25) 8850	(0,78) 26,850	(0,10) 3,460	(0,22) 7575	»	(0,02) 850	(0,03) 1050	3,403,720
VI Центральная . .	3,027,800	$95,_{93}$	(2,53) 80,100	(0,90) 28,550	(0,18) 5,900	,12) 850	»	(0,01) 365	»	(0,26) 8700	(0,0001) »	(0,01) 600	»	»	(0,002) 135	(0,006) 200	3,156,205
Итогъ по народностямъ[1])	16,425,000		1,730,800	1,331,600	902,775	4,850	235,150	70,800	69,000	36,230	31,975	8,000	7575	7,200	2145	7825	

[1]) Итогъ данной таблицы не вполнѣ сходится съ цифрами общей таблицы (с[redacted]аше) потому, что источникомъ для этой таблицы служилъ главнымъ образомъ Риттихъ, тогда какъ при составленіи первой приняты во вниманіе и др. источники.

чается незначительностью примѣси инородческаго населенія. Такимъ образомъ, группируя населеніе по отмѣченнымъ шести полосамъ, мы получаемъ особо прилагаемую при семъ таблицу *).

Изъ данныхъ таблицы мы видимъ, что кромѣ *малоруссовъ* изъ прочихъ народнотей по всей странѣ, хотя и не въ одинаковой пропорціи, живутъ еще *евреи, поляки, нѣмцы* и *великоруссы*; отчасти это можно сказать и о татарахъ, армянахъ и цыганахъ. При этомъ основное населеніе—южно-руссы составляютъ не одинаковый процентъ обитателей во всѣхъ частяхъ страны: самый высокій процентъ оно даетъ въ центральной полосѣ, гдѣ на долю малоруссовъ приходится до 95,93%; къ периферіямъ-же % его падаетъ, причемъ уменьшеніе % малоруссовъ къ востоку обратно пропорціонально возрастанію великоруссовъ, къ сѣверу — бѣлоруссовъ, къ сѣверо-зап.—главнымъ образовъ поляковъ и евреевъ, къ юго-зап.—румыновъ, и къ югу—разныхъ инородцевъ, между которыми выдаются значительностью процента румыны и нѣмцы. Совершенно иначе понижается процентъ у инородцевъ, живущихъ по всей южной Руси, именно: a) *у евреевъ и поляковъ* % понижается съ запада на востокъ; b) *у великоруссовъ*—съ востока на западъ; c) *у нѣмцевъ* съ юга на сѣверъ (рѣзче на сѣверо-востокъ и постепеннѣе на сѣверо-западъ). Что касается прочихъ народностей, то изъ нихъ 1) *татаръ, армянъ и цыганъ* можно встрѣтить повсюду въ странѣ, но вездѣ въ ничтожномъ количествѣ; 2) *бѣлоруссовъ* въ сѣверной, а также въ восточной, центральной и южной полосахъ, *румыновъ* лишь въ юго-зап. и южной полосахъ и въ ничтожномъ количествѣ въ сѣверо-западной; 4) *грековъ*—въ южной полосѣ и въ ничтожномъ числѣ въ центральной (именно въ нѣжинск. у. черниг. губ.); 5) *чеховъ* въ сѣверо-зап. полосѣ, 6) *болгаръ и сербовъ* лишь въ южной полосѣ. Если мы прибавимъ еще замѣчанія о системѣ поселенія разныхъ иногородцевъ въ краѣ, то получимъ всѣ основныя свѣдѣнія, какія мы можемъ извлечь изъ статистическихъ данныхъ объ этнографическомъ составѣ населенія южной Руси. Въ этомъ отношеніи инородческое населеніе представляетъ три категоріи: 1) *татары, армяне и евреи* (за ничтожнымъ исключеніемъ) живутъ совмѣстно съ малоруссами, 2) *сербы, чехи, болгары* и въ большинствѣ случаевъ *нѣмцы, румыны и греки* живутъ въ отдѣльныхъ поселеніяхъ или колоніяхъ, 3) поселенія-же *великоруссовъ*,

бѣлоруссовъ и поляковъ бываютъ перваго и втораго типа, причемъ преобладаютъ отдѣльныя поселенія.

Совмѣстная жизнь на одной территоріи разныхъ народностей, въ силу экономическихъ, соціальныхъ и культурныхъ побужденій, само собою разумѣется, ведетъ къ національному взаимодѣйствію, а послѣднее всегда отражается на измѣненіи типа взаимо-дѣйствующихъ націй, такъ что изъ картины разселенія народностей въ странѣ южно-руссовъ можно теоретически заключить, что типъ кореннаго обитателя—малорусса въ разныхъ частяхъ территоріи различенъ, и что модификація типа произошла, какъ подъ вліяніемъ не идентичности въ физико-географическихъ и историко-политическихъ условіяхъ, такъ и чрезъ отраженіе на немъ свойствъ различныхъ націй, именно: къ востоку—великоруссовъ, къ сѣверу—бѣлоруссовъ, къ западу—поляковъ, къ сѣверо-западу—румыновъ и т. д. Но было-бы неосторожно думать, что типъ южнорусса варьируется лишь подъ вліяніемъ народностей, имѣющихъ многочисленныхъ представителей въ странѣ: въ этомъ отношеніи играетъ роль не одна численная величина національности, но и внутреннія богатства ея. Тоже нужно думать и объ обратномъ дѣйствіи основнаго населенія: національныя черты и особенности малоруссовъ такъ или иначе отразились на свойствахъ всѣхъ прочихъ народностей. Понятно отсюда, что этнографическое изученіе края не должно ограничиваться кореннымъ населеніемъ страны—южноруссами, но должно въ равной степени коснуться и всѣхъ прочихъ національностей, имѣющихъ своихъ представителей на постоянномъ жительствѣ въ странѣ. Но достигнется-ли даже ближайшая цѣль этнографіи—пониманіе и объясненіе современныхъ этнологическихъ особенностей, наблюдаемыхъ въ населеніи края, если мы ограничимся изученіемъ національныхъ особенностей лишь въ современный намъ моментъ?

Между племенами, народами и національностями при ихъ взаимодѣйствіи происходитъ та же борьба, „борьба за существованіе", что и въ мірѣ животномъ и растительномъ. Племя, народъ и національность въ своемъ историческомъ ростѣ зависитъ не только отъ физико-географическихъ и историко-политическихъ условій, но и отъ взаимнаго вліянія народностей, отъ ихъ взаимной борьбы. Самый племенный и національный ростъ какъ качественный, такъ

и количественный нужно понимать не въ смыслѣ только (прогрессивнаго или регрессивнаго) развитія природныхъ индивидуальныхъ особенностей племени или народа, но и какъ воспріятіе особенностей посторонних (вліяющихъ) народностей, какъ своего рода постороннее напластованіе въ національномъ организмѣ. При этомъ, какъ въ сферѣ растеній и животныхъ, и здѣсь не происходитъ, можно думать, безслѣднаго абсолютнаго исчезновенія не только народностей, но даже отдѣльныхъ свойствъ. Смерть народности это такое-же относительное явленіе, какъ и смерть человѣческаго индивидуума, или растительнаго объекта: прекращается существованіе въ смыслѣ опредѣленной народности, но исчезнувшая народность продолжаетъ жизнь или въ видѣ новыхъ народностей, въ которыя первая модифицировалась, или на которыя она диференцировалась, или-же наконецъ въ видѣ отдѣльныхъ чертъ постороннихъ народностей, поглотившихъ уничтоженную. На глазахъ исторіи произошло безчисленное количество „исчезновеній" и „поглощеній" народностей. Кромѣ уничтоженія разныхъ первобытныхъ народовъ и племенъ при встрѣчѣ съ болѣе развитыми племенами, гдѣ гибель племенъ шла очень быстро (такъ гибли индійцы въ Америкѣ, туземцы Полинезіи и Африки при встрѣчѣ съ европейцами), мы имѣемъ цѣлый рядъ медленнаго, постепеннаго исчезновенія народностей. Уже въ историческую эпоху совершился процессъ поглощенія кельтовъ англо-саксами въ Великобританіи, славянъ полабскихъ—германцами, литовцевъ, финновъ, разныхъ тюркскихъ народцевъ славяно-руссами и т. д. Въ концѣ прошлаго столѣтія и даже въ началѣ нынѣшняго число сербовъ въ Новороссіи Скальковскій считаетъ до 100,000, между тѣмъ въ 1875 г. Риттихъ находитъ сербовъ около 7000, а о пребываніи тамъ 100,000 сербовъ говоритъ лишь имя „Новой Сербіи", не имѣющее этнографическаго значенія, такъ какъ здѣсь совершился уже процессъ сліянія сербской народности съ южно-руссами [1]) за такой короткій періодъ. Но народности поглощенныя оставили въ живущихъ народностяхъ неизбѣжно и свое вліяніе. Такъ наши историки давно сдѣлали предположеніе и признаютъ, что племена, поглощенныя русско-славянскою народ-

---

[1]) *А. С. Будиловичъ*; «Статист. таблицы распредѣленія славянъ». Спб. 1875 г.

ностью, слившіяся съ ней, обрусѣвшія, не могли не участвовать въ образованіи типа, который существуетъ теперь на мѣстахъ ихъ прежнихъ жилищъ, что примѣсь литовскихъ, финскихъ и тюркскихъ элементовъ произвела въ восточномъ отдѣлѣ славянства тѣ особенности, которыя развили потомъ отличія между бѣлоруссами, великоруссами и малоруссами. Но еще болѣе доказательствъ въ этомъ пунктѣ взаимодѣйствія племенъ дастъ намъ языкознаніе.

Сравнительная филологія путемъ изслѣдованія современныхъ языковъ открыла цѣлый рядъ народностей, которыя въ разное время, нерѣдко уже въ доисторическое, потеряли свое индивидуальное существованіе, но наслѣдство которыхъ, въ видѣ элементовъ языка, продолжаетъ жить въ современныхъ намъ живыхъ языкахъ. Путемъ сравнительнаго языкознанія: а) возстановленъ общій праязыкъ, а, понятно, и пранародъ для всей индо-европейской или арійской семьи; b) указанъ праязыкъ для языковъ романскаго отдѣла; с) предполагается одинъ языковый предокъ для всѣхъ современныхъ намъ славянскихъ языковъ и т. д.[1]). Такой-же языкъ родоначальникъ научно указанъ и для современныхъ намъ трехъ вѣтвей восточныхъ славянъ, и живое существованіе его отнесено уже въ историческую эпоху, не позже XIII—XIV в.[2]). Такимъ путемъ изслѣдованія сравнительное языкознаніе съ очевидностью утвердило положеніе, что элементы языковъ вымершихъ народностей продолжаютъ существовать въ языкахъ живыхъ народовъ и что между языками постоянно происходитъ своего рода эндосмосъ. Къ тому-же выводу приводятъ и сравнительныя изслѣдованія миѳологіи, религіи, наконецъ бытовыхъ учрежденій, и надобно думать, что воздѣйствіе какъ поглощенныхъ народностей, такъ и живыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, не только по языковымъ элементамъ, но и по физическому типу, и по культурнымъ свойствамъ"[3]).

Въ указанныхъ выводахъ науки находится косвенное основаніе и для гипотезы въ области этнографіи, что вообще этнологическія оригинальности одной народности отражаются такъ или иначе на сосѣднихъ народностяхъ, и что даже прекратившія инди-

---

[1]) *Пыпинъ*; «Вѣстникъ Евр.», 1875 г., № 11.

[2]) *П. Житецкій*; «Очеркъ звук. исторіи малор. нарѣчія», стр. 31, 34—38.

[3]) *Пыпинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр.

видуальное существованіе народности не исчезли абсолютно, но оставили живой слѣдъ въ другихъ народностяхъ.

На перемѣну особенностей въ извѣстной націи, а равно и на ея ростъ и смерть, какъ мы уже сказали выше, оказываютъ вліяніе, конечно, не въ одинаковой степени, *всѣ окружающія* національности безъ различія ихъ количественной силы, племеннаго родства и культурнаго развитія: въ этомъ случаѣ интенсивность вліянія не всегда пропорціональна количественной силѣ народности, а зависитъ отъ качественныхъ ея особенностей, ея этнологическаго богатства, ея живучести и самой сущности особенностей націи. Примѣровъ для иллюстраціи высказаннаго положенія весьма достаточно. Сравнительно малочисленная народность Лаціума въ древнемъ мірѣ подчинила своему культурному вліянію всѣ окружающіе народы, достигла высокой степени развитія своихъ силъ и, оставивъ этнологическое наслѣдство Европѣ въ романскихъ національностяхъ, исчезла сама, какъ отдѣльная этнографическая особь. Разновидность французской національности—провансальское населеніе до нашихъ дней не только живетъ со своими особенностями, вопреки ассимилирующему вліянію многочисленной и высоко-культурной государственной народности, но еще болѣе или менѣе вліяетъ на послѣднюю. Въ нашей исторіи поляне не были количественно большее племя, чѣмъ сѣверяне, волыняне и др., тѣмъ не менѣе они оказывали преобладающее вліяніе. И обратно: еврейское племя численно превосходитъ всѣ прочія народности среди южно-руссовъ и живетъ здѣсь почти тысячелѣтіе, но нельзя сказать, чтобы евреи импонировали на послѣднихъ въ этнологическомъ смыслѣ болѣе, чѣмъ менѣе численные народы, какъ теперь нѣмцы, молдоване, въ средніе вѣка литовцы, а въ удѣльный періодъ ассимилированные черные клобуки, берендеи и пр.

Съ такой точки зрѣнія каждая національность въ данный моментъ, по словамъ г. Пыпина, „безъ сомнѣнія есть опредѣленный типъ съ отличительными свойствами, въ значительной степени наслѣдственными, родовыми, но... этихъ отличительныхъ свойствъ данной минуты невозможно распространить на цѣлую исторію націи, или даже на какой-либо обширный историческій періодъ“. При этомъ *измѣняемость* національнаго типа „бываетъ столь обширна, что начальныя и конечныя ступени развитія на обыкновенный взглядъ

представляютъ нерѣдко совершенно разныя формы, единство которыхъ объясняетъ только наука, именно тѣмъ, что указываетъ промежуточныя ступени" [1]). Отсюда выводъ, кажется, единственный, что полное опредѣленіе національнаго типа не заключается въ одной данной или настоящей его формѣ, а во всемъ его историческомъ развитіи [2]). Слѣдовательно, этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело его къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отчего онъ сложился такъ, а не иначе. „Нельзя иначе уразумѣть состоянія народовъ, говоритъ г. Костомаровъ, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія; всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются, какъ продуктъ предъидущаго развитія народныхъ силъ" [3]). Такимъ образомъ при изученіи южно-русскаго края въ этнографическомъ отношеніи, нельзя принимать наблюдаемые теперь въ немъ національные типы, какъ готовые въ данный моментъ, только съ тѣми свойствами, въ тѣхъ отношеніяхъ, какія они теперь имѣютъ. Напротивъ, эти типы должны быть изучаемы во всей своей исторіи и исходная точка для ихъ опредѣленія должна быть тамъ, гдѣ только исторія можетъ услѣдить первые ихъ слѣды [4]).

Этнографическое изученіе южной Руси началось лишь въ послѣднее время, лѣтъ 20—30 тому назадъ, когда произошло измѣненіе во взглядахъ русскихъ ученыхъ на исторію народа. Теорія государственности въ исторіи, представленная такими крупными историками, какъ Карамзинъ и Соловьевъ, была оставлена за свою односторонность: при этой теоріи исторія занималась главнымъ образомъ политико-административною стороною государства и охватывала лишь высшіе слои общества.

Подъ вліяніемъ иныхъ взглядовъ въ западно-европейской исторической наукѣ и подъ давленіемъ вновь открывающихся истори-

---

[1]) *Пыпинъ*, ibid. стр. 100—101.

[2]) Ibid.

[3]) *Костомаровъ*; «Истор. моногр.», т. 3-й, стр. 356, 359.

[4]) *Пыпинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 103.

ческихъ матеріаловъ и критической ихъ разработки созрѣло новое требованіе отъ исторіи и у насъ. Историкъ ставилъ задачею историческаго знанія жизнь всего человѣческаго общества, а слѣдовательно и народа, и такимъ образомъ, въ кругъ исторіи вошла и нетронутая государственниками „жизнь народныхъ массъ съ ихъ общественнымъ и домашнимъ бытомъ, съ ихъ привычками, обычаями, понятіями, сочувствіями, привычками и стремленіями“ [1]). Ученіе о необходимости русскому историку имѣть на первомъ планѣ народъ, а не государство, явилось прежде всего у славянофиловъ 40-хъ годовъ, развито-же оно было главнымъ образомъ г. Бестужевымъ-Рюминымъ въ критическихъ статьяхъ по русской исторіи и г. Ешевскимъ, который между другими русскими историками внимательнѣе другихъ относился къ изученію народа [2]). Но окончательно утвержденъ принципъ народности въ исторической наукѣ и разработанъ въ деталяхъ такъ называемою „федеративно-областною“ школою, центральнымъ представителемъ которой служитъ г. Костомаровъ, за которымъ слѣдуетъ довольно многочисленная и свѣтлая плеяда ученыхъ областниковъ, какъ проф. Антоновичъ, гг. Корсаковъ, Зубрицкій, Шараневичъ, Дашкевичъ и начинающіе ученые гг. Багалѣй, Голубовскій и др. Новая постановка вопроса въ исторической наукѣ родила понятную потребность знать *современное положеніе* русскаго народа, и такимъ путемъ вызвана была на свѣтъ русская этнографія вообще и южно-русская въ частности. Культурное движеніе, выразившееся у западныхъ славянъ національнымъ возрожденіемъ, а у насъ появленіемъ кружка славянофиловъ и группы украинскихъ народниковъ, а также реакція противъ общаго соціальнаго недуга — крѣпостничества, помогли русской наукѣ о народѣ пріобрѣсть живой интересъ среди интеллигентнаго русскаго общества и родить себѣ довольно многочисленныхъ ученыхъ адептовъ. Но указанныя обстоятельства имѣли и свою невыгодную сторону: они вліяли на то, что этнографія получила съ первыхъ шаговъ одностороннее направленіе; она фактически объявила своимъ предметомъ не народъ, а лишь простонародье, и притомъ простонародье господствующей національности — русской, въ трехъ ея

---

[1]) *Костомаровъ.* «Ист. моногр.» т. 3,, стр. 356.

[2]) *Ешевскій.* «Русская колонизація сѣверо-зап. края» и др.

развѣтвленіяхъ: великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Изъ трехъ указанныхъ славяно-русскихъ національностей до сихъ поръ болѣе полной разработкѣ подверглась малорусская національность [1]).

Но и южно-русская этнографія, понятно, не избѣжала указанной односторонности: она не вышла за предѣлы малорусскаго простонародія, и такимъ образомъ отъ взоровъ южно-русскихъ этнографовъ почти совсѣмъ ускользали, во 1-хъ, всѣ другіе слои русскаго населенія, кромѣ простонародія, и во 2-хъ, остальныя народности, обитающія среди малорусскаго населенія. Между тѣмъ изъ всего сказаннаго уже очевидно, что на измѣненіе этнологическихъ свойствъ воздѣйствуютъ не только сталкивающіяся между собою націи, но даже и всѣ общественные слои этихъ націй, хотя конечно не въ одинаковой степени, и это нужно сказать не только относительно современнаго намъ момента, но и относительно всей исторической жизни народа. Достаточно припомнить вліяніе въ исторической жизни южноруссовъ такихъ факторовъ, какъ княжескаго дружиннаго класса и духовенства въ до-монгольскій періодъ, „панства“ въ литовско-польскій періодъ, козацкой старшины и самаго козачества, а равно и духовенства въ періодъ козацкій, чтобы согласиться, что на этнологическую физіономію южно-русскаго народа накладывали и накладываютъ свои краски и всѣ существовавшіе и существующіе въ немъ самомъ сословія и классы: черезъ нихъ, между прочимъ, прежде всего шла и идетъ ассимиляція

---

[1]) Прежде всего крупный вкладъ въ южно-русскую этнографію сдѣланъ въ видѣ изданій разнообразнаго этнографическаго матеріала, какъ отдѣльными лицами (кн. Цертелевъ, гг. Максимовичъ, Головацкій, Закревскій, Номисъ, Кистяковскій (по обычному праву) и особенно г. Кулишъ), такъ и учеными обществами: имп. р. геогр. общ. («Труды Чубинск.»), юго-зап. отд. геогр. общ. «Историч. пѣсни» гг. Антоновича и Драгоманова, «Малор. преданія» Драгоманова, «Пѣсни Буковинскаго народа» Купчанко и пр. Въ послѣднее время можно ожидать изданій этногр. матеріаловъ отъ «кіевск. юрид. общ.» съ открытіемъ при немъ отдѣленія по обычному праву. Однако изданіемъ матеріала изъ сферы «простонародія» и ограничивалось дѣло до сихъ поръ; научной обработкѣ по малор. этнографія подлежали лишь вопросы изъ области языкознанія (въ трудахъ гг. Срезневскаго, Потебни, П. Житецкаго и др.); по другимъ-же вопросамъ въ нашей литературѣ можно встрѣтить лишь нѣсколько рефератовъ и брошюръ (рефераты гг. Русова и Ващенко въ юго-зап. отд. геогр. общ.; г. Драгоманова на 3-мъ археолог. съѣздѣ).

южно-руссовъ съ другими національностями, не говоря уже о другихъ вліяніяхъ.

Такимъ образомъ предметомъ южно-русской этнографіи должны быть всѣ безъ исключенія народности, связанныя съ ея территоріей, какъ въ наше время, такъ и во всю историческую жизнь Южной Руси, начиная съ того момента, который въ состояніи схватить наука. Мы уже констатировали въ началѣ статьи тѣ народности, какія въ наше время обитаютъ на территоріи южной Руси, теперь является другой вопросъ: какія народности обитали во весь періодъ, доступный въ наукѣ, въ предѣлахъ теперешней южной Россіи (въ періодъ съ VI-го в. до Р. Х. и по первую половину включительно XIX в.)? Отвѣтъ на поставленный вопросъ и составитъ задачу нашихъ историко-этнографическихъ замѣтокъ подъ заглавіемъ: *„Смѣна народностей въ южной Россіи“*.

I.

Доисторическій періодъ.

Древняя эпоха въ исторіи южной Руси до сихъ поръ очень темна. Довольно сказать, что для всего періода до VIII в. въ исторической литературѣ имѣется 5—6 извѣстій, раздѣленныхъ между собою цѣлыми столѣтіями [1]). На разстояніи шести вѣковъ, съ V в. до Р. Х. и по II в. послѣ Р. Х., намъ извѣстны три главныя историческія указанія о населеніи въ южной Руси, именно: 1) Геродотъ (460—444 до Р. Х.), 2) Плиній (350—336 до Р. Х.) и 3) Птоломей (175 и 182 по Р. Х.). Съ этого историческаго момента данныя по заселенію юга Россіи умножаются, и между ними первое мѣсто занимаютъ: „Певтингерова карта“ (ок. 422 г.), из-

[1]) Это—извѣстія греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ; они малочисленны, отрывочны, не страдаютъ деталями, не блещутъ научною отчетливостью, но миновать ихъ нельзя: иначе пришлось бы начать исторію заселенія края съ IX—X вв., т. е. съ того періода, когда югъ Россіи уже вступилъ въ историческій, государственный періодъ. Между тѣмъ такой соціальной организаціи населеніе страны добивается путемъ долгой предшествующей жизни. Объ этой жизни и можно судить хотя гипотетически лишь на основаніи упомянутыхъ извѣстій грековъ и римлянъ.

вѣстія Іорнанда и Прокопія (VI в.) и др. Мы прежде всего извлечемъ главныя и болѣе вѣроятныя данныя о населеніи южной Руси изъ указанныхъ источниковъ. Въ эпоху Геродота сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей и сѣверо-вост. послѣдняго усѣяно было *греческими* колоніями—факторіями. Такъ у устья р. Днѣстра, гдѣ теперь г. Аккерманъ, находилась греческая колонія Тирасъ; у устья р. Буга, вблизи теперешняго г. Николаева—Ольвія, самая важная и цвѣтущая факторія. Въ промежуткахъ между указанными рѣками было еще до 30 колоній: Мелитополисъ, Никоніумъ, Фискъ, гавань Исіаковъ (гдѣ теперь Одесса), гавани Истріанъ, Одессосъ, Скопули и проч. На азовскомъ побережьѣ Пантикапея, около Керчи, Фанагорія—подлѣ Тамани. Двѣ послѣднія принадлежали къ „Босфору Киммерійскому", который представлялъ изъ себя полу-греческое царство, раскинувшееся отъ восточнаго берега Азовскаго моря, вдоль Чернаго моря, до Малой Азіи. Греческими-же колоніями было усѣяно прибрежье Азовскаго моря у устьевъ р. Дона, близь Таганрога и Маріуполя. Въ сосѣдствѣ съ греческими поселеніями у Чернаго моря, преимущественно на западъ отъ Днѣпра, по р. Бугу (Гипанису) обитали *Каллипиды* (Κηλλιπίδαι), смѣсь грековъ со скиѳами, какъ предполагаетъ Шафарикъ [1]). Подвигаясь далѣе на сѣверъ, на всемъ пространствѣ отъ р. Дона до Днѣстра (конечно, выше карпатскихъ отроговъ), доходя на сѣверѣ до устьевъ р. Псла и верховьевъ рр. Буга и Днѣстра, обитали скиѳы, подъ разными названіями. Такъ, между Дономъ и Днѣпромъ Геродотъ помѣщаетъ *кочевыхъ* скиѳовъ, подъ двумя именами: a) *скиѳы кочующіе* (νομάδες Σκύθαι) и b) *царскіе скиѳы* (βασιλήιοι Σκύθαι), именно: первыхъ въ части ногайско-таврической степи, разстилающейся между нижнимъ Днѣпромъ на югѣ отъ впаденія р. Конскія воды (или Пантикапеи) и таврическимъ полуостровомъ [2]), а вторыхъ—въ странѣ *Герросъ*, т. е. по побережью р. Днѣпра въ теперешней екатериносл. губерніи, далѣе на востокъ въ степяхъ между Донцомъ и Дономъ (не далѣе вершины его) и по Дону до самаго Азовскаго моря. На остальномъ пространствѣ южной Россіи отъ Днѣпра до Карпатъ Геродотъ помѣ-

---

[1]) «Славянскія древности», т. II, стр. 8—10.

[2]) Ibid., стр. 7.

щаетъ *осѣдлыхъ* скиѳовъ, именно: а) *скиѳы-земледѣльцы* (Σκύθαι γεωργοί), на сѣверъ отъ царскихъ скиѳовъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра до устья р. Псла (при этомъ можно думать, что указанные скиѳы жили только на небольшомъ разстояніи отъ берега [1]). b) *скиѳы пахари* (Σκύθαι ἀροτῆρες), они-же борисѳениты, жили по правую сторону Днѣпра, отъ Нижняго Днѣпра до вершины Буга и Днѣстра, с) третья отрасль скиѳовъ пахарей, называвшаяся *алозонами* (Ἀλαζόνες), жила по среднему теченію р. Буга и, можно думать, далѣе на западъ въ Галицію, къ Карпатамъ.

За Днѣстромъ, въ Бессарабіи, а слѣдовательно и въ теперешнемъ аккерманскомъ у., кромѣ прибрежья, а равно въ хотинскомъ у. Бессарабіи и вѣроятно въ Буковинѣ жили, *по Геродоту, геты* или *даки*, въ зависимости отъ скиѳовъ, отчего, можетъ быть, Бессарабія вмѣстѣ съ Добруджею и получила названіе „Малой Скиѳіи" [2]).

На сѣверо-западѣ, въ мѣстахъ теперешнихъ поселеній въ привислянскомъ и сѣверо-западномъ краѣ, по рр. западному Бугу и Нареву, на сѣверъ отъ истоковъ рр. южнаго Буга и Днѣстра (это польская „нурская земля") обитали *невры* или *нуры*, сосѣди на востокъ у Днѣпра, можетъ быть въ минско-кіевскомъ и черниговскомъ полѣсьяхъ (въ полт. и черн. губ.), съ *будинами* или *вудинами*, жилища которыхъ простирались на востокъ до р. Дона на сѣверъ отъ изворота его вблизи р. Волги [3]), гдѣ Геродотъ помѣщаетъ также *андрофаговъ, меланхленовъ* и *фисагетовъ*. Такимъ образомъ, слѣдуя указаніямъ Геродота, мы видимъ, что въ V—VI в. передъ Р. Х. вся южная Русь уже была заселена; онъ не даетъ намъ данныхъ лишь для опредѣленія населенія сѣверо-восточной части Малороссіи, что выше устьевъ р. Псла (въ теперешней харьковской, отчасти полтавской, курской и воронежской губерніяхъ).

Отъ Геродота и до Птоломея, который послѣ него даетъ первыя извѣстія о жителяхъ южной Россіи, проходитъ около 630 лѣтъ, и въ эти шесть вѣковъ мы можемъ уловить только два движенія чуждыхъ народностей въ предѣлы Малороссіи: съ запада *геты* или

---

[1]) *Соловьевъ.* «Исторія Россіи», т. 1, стр. 29.

[2]) *Брунъ.* «Черноморье», сборникъ изслѣдованій по историч. геогр. южн. Россіи, ч. 1, Одесса, 1879 г., стр. 33.

[3]) *Забѣлинъ.* «Исторія русской жизни съ древн. врем.», т. 2, часть 2, стр. 492—494.

даки переходятъ Днѣстръ, разоряютъ греческія факторіи, между прочимъ Ольвію и др. и доходятъ до Днѣпра [1]), вѣроятно по берегу Чернаго моря, а на сѣверо-западъ до Карпатъ; это случилось въ I в. до Р. Х., и тогда-же даки подпадаютъ подъ владычество *римлянъ,* которые при Троянѣ овладѣваютъ Дакіей (Румынія) и Панноніей (Венгрія) до Карпатскихъ горъ, гдѣ они сталкиваются съ карпіанами, а на югѣ переходятъ рѣку Днѣстръ [2]). Предѣлы римскихъ владѣній на востокѣ отмѣчены такъ называемыми Трояновыми валами (какіе римляне часто дѣлали для удаленія иноплеменныхъ народовъ); восточный отрогъ такого вала замѣчается по нынѣ въ южной части Бессарабіи, къ сѣверу отъ Гирлъ Дуная. Приводимая между прочимъ у Шафарика гипотеза объ остаткахъ Троянова вала въ нынѣшней подольской губерніи, идущаго яко-бы отъ Днѣстра къ Сбручу, по уѣздамъ ушицкому, каменецкому и проскуровскому и переходящаго въ самую Галицію, нынѣ оставлена нашими учеными, какъ несостоятельная, и мы не приводимъ ее, не найдя для подкрѣпленія оной какихъ либо новыхъ данныхъ [3]). Въ Дакію, какъ и во всѣ завоеванныя римлянами страны, явились, конечно, и римскіе колонисты [4]). На встрѣчу *гетамъ*, а потомъ и римлянамъ *съ востока,* изъ-за Дона, двигались *сарматы* [5]) (Σαβρομάται)—народъ кочевой [6]). Во время Геродота сарматы жили на восточной сторонѣ р. Дона, въ сосѣдствѣ съ кочевыми скиѳами; обезсиливъ послѣднихъ, они заняли ихъ мѣсто въ южной Руси, и страна, вмѣсто Скиѳіи, начинаетъ именоваться Сарматіей [7]), а всѣ народы, въ ней обитающіе, преимущественно-же южные—сарматами [8]). Подъ такимъ названіемъ находитъ южно-русскую страну Птоломей во II в. по Р. Хр. Изъ 50-ти слишкомъ народовъ, перечисленныхъ этимъ писателемъ, къ жителямъ южной Руси можно отнести: 1) *сарматы-роксоляне* по Меотійскому заливу (Азовск. м.)

---

[1]) Шафарикъ. «Слав. древн.», т. II, стр. 316, 317.

[2]) Ibid., стр. 393—394.

[3]) *Шафарикъ*. «Слав. древн.», т. II, стр. 393—394.

[4]) *Брунъ*. «Черноморье», стр. 246.

[5]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 110.

[6]) Ibid , 107.

[7]) *Шмидтъ*. «Матеріалы для геогр. и стат. Россіи» (херс. губ.), ч. I, стр. 7.

[8]) *Забѣлинъ*, 7, 2, стр. 37.

между Дономъ и Днѣпромъ [1]); 2) *северы*—сѣверо-восточнѣе роксолянъ [2]); 3) *навары* и 4) *бодины*, очевидно Геродотовы невры и будины, на старыхъ мѣстахъ [3]); 5) *бастарны* въ южныхъ отрогахъ Карпатъ [4]), а также, можно думать, въ Седмиградіи до самаго Днѣстра [5]), а слѣдовательно, въ Буковинѣ и хотинск. уѣздѣ Бессарабіи. Тамъ-же указываются еще 6) *певны* или *певкины* [6]), 7) *бессы*, въ восточной Галиціи надъ Карпатами, можетъ быть, въ той части Карпатъ, которая и теперь называется бескидами [7]); 8) *траномонтаны*—въ Карпатахъ, это очевидно *загорцы* (горалы) въ римскомъ переводѣ [8]); 9) *карпіаны*—подъ Карпатами [9]); 10) *тиранцты*, въ сосѣдствѣ съ бастарнами, по Днѣстру (древн. Тирасъ), вѣроятно въ верхнемъ и среднемъ теченіи; 11) *сабоки* въ восточной-же Галиціи въ окрестностяхъ р. Санока [10]); 12) *сарматы-языги* въ нынѣшней Бессарабіи, Валахіи и отчасти Венгріи [11]). Въ остальныхъ названіяхъ народовъ у Птоломея очень трудно оріентироваться, и такимъ образомъ для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ, даже по названіямъ, населеніе центральной Малороссіи во II-мъ в. по Р. Хр., хотя несомнѣнно эта часть въ то время была заселена.

Къ концу II в. по Р. Хр. южная Русь вмѣсто Сарматіи дѣлается извѣстна подъ именемъ *страны готовъ*. Около этого времени въ южно-русскую равнину изъ нынѣшняго привислянскаго края двинулось германское племя *готы* (готѳы) [12]), сопровождаемые другими одноплеменными народцами—герулами, бургундами, гепидами и пр. и утвердились подъ именемъ *остъ-готовъ* между Днѣпромъ и Дономъ и подъ именемъ *вестъ-готовъ* далѣе на западъ въ Да-

[1]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 201; *Соловьевъ*, «Ист. Россіи», т I, стр. 36, 37.

[2]) *Голубовскій*, «Исторія сѣверской земли до половины XV стол.», Кіевъ, 1881 г., стр. 3.

[3]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 340.

[4]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 36, 37.

[5]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 201.

[6]) Ibid.

[7]) Ibid., 343—357.

[8]) Ibid.

[9]) Ibid.

[10]) Ibid.

[11]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 36, 37.

[12]) Его-же, т. I, стр. 82.

кіи [1]); на сѣверо-зап. власть готовъ охватывала вендовъ и литовско-чудскія племена, какъ *Эстіи* [2]). Владычество готовъ окончательно разрушило и истребило всѣ греческія колоніи по побережью Чернаго и Азовскаго морей [3]). Можно думать, что готы властвовали надъ всѣми народностями въ предѣлахъ южной Россіи.

Не прошло и трехъ столѣтій, какъ владычество европейскаго народа, какимъ были готы, снова замѣнилось властью надъ страной кочеваго азіатскаго народа—*гунновъ*. Они двинулись къ намъ въ IV в. изъ за р. Дона [4]), разлились по южной Россіи, Венгріи и Польшѣ [5]) и бродили здѣсь до начала V в., и южная Русь, по обитавшимъ тамъ гуннамъ, стала называться иногда *Гунигардъ* (или Хунигардъ) [6]); при этомъ само имя гунновъ, по выраженію г. Котляревскаго, „утратило точность этнологическаго чекана, вывѣтрилось и стало нарицательнымъ": гуннами тогда называли и собственно гунновъ, и подвластныхъ имъ славянъ, готовъ и др. нѣмецкія племена, позже тѣмъ-же именемъ называли аваровъ, мадьяръ и пр. [7]), хотя уже во второй половинѣ V-го в. остатки гунновъ можно найти только въ кочевомъ состояніи, по р. Дону и Азовскому морю [8]). Послѣ гуннскаго нашествія южно-русскія страны опять стушевались для исторіи, какъ и послѣ скиѳовъ-сарматовъ.

Къ ближайшему времени эпохи гунновъ относятся указанія Певтингеровой карты, по которой между бастарнами, обитающими въ Карпатскихъ горахъ, отъ верхней Тисы и Днѣстра [9]), финнами и Чернымъ моремъ обитали народы *венедскаго поколѣнія* [10]), которые Птоломеемъ указаны по всему Венедскому заливу [11]). Въ VI в. ве-

---

[1]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 247, 272—333.

[2]) Ibid. 249.

[3]) *Шмидтъ*, ч. I, стр. 7.

[4]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 88—89.

[5]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 86—96.

[6]) Ibid.

[7]) *А. Котляревскій*; «Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ. Забѣлина. Критическая оцѣнка». Кіевъ, 1851 г., стр. 21.

[8]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 94—95.

[9]) Его-же, т. II, стр. 196.

[10]) Ibid., т. I, стр. 212.

[11]) Ibid., стр. 200—201.

недами оказывается занята южная Русь отъ Днѣстра до Днѣпра и даже Дона [1]) и на сѣверъ до Вислы: такъ, по Іорнанду и Прокопію, венеды или анты жили въ указанномъ пространствѣ, мѣняя имена, „по различію племенъ и мѣстопребыванія“ [2]) *).

Въ томъ-же вѣкѣ (558 г.) изъ-за Волги явились *авары* (обры) и напали на антовъ; они быстро переходять въ Угрію и утверждаются въ зап. части ея, т. е. по обѣимъ сторонамъ р. Дуная, но по пути въ Угрію, черезъ Галицію, одна отрасль аваровъ останавливается между Бугомъ и Стыремъ и „примучаша Дулѣбы, сущая славяны“ [3]).

Слѣдуя отрывочнымъ, краткимъ и неяснымъ указаніямъ греческихъ и римскихъ писателей (Геродотъ, Птоломей, Плиній и Прокопій), единственныхъ для насъ пока свидѣтелей о населеніи южной Россіи въ тѣ отдаленныя времена, мы подошли къ VIII—IX в., когда этнографическая картина юга Россіи можетъ быть набросана съ большей отчетливостью и детальностью, при помощи, главнымъ образомъ, мѣстныхъ источниковъ—лѣтописей. Конечно свѣдѣнія наши о до-лѣтописномъ періодѣ скудны, и при такомъ состояніи нашихъ знаній о древнѣйшемъ населеніи юга Россіи нельзя и думать объ отчетливомъ исполненіи требованій историко-этнографеческой науки, именно: *представить послѣдовательныя перемѣны въ составѣ населенія страны и постепенныя измѣненія быта отдѣльныхъ племенныхъ группъ.* Но мы можемъ, благодаря указаніямъ классическихъ писателей и еще болѣе благодаря счастливой аналогіи съ событіями болѣе ясной исторической эпохи, именно съ IX по XIV в., дать себѣ общій отчетъ объ этнографическихъ явленіяхъ

---

[1]) Ibid., т. III, стр. 35.

[2]) Ibid., стр. 34, 35.

*) Анты, по Прокопію, получили отъ Юстиніана (545 г.) г. Турисъ (по мнѣнію г. Бруна, Турисъ—это Тирасъ, едва-ли не антами названный «Бѣлымъ городомъ» и переименованный турками въ Аккерманъ, стр. 167)—съ условіемъ защищать границу имперіи; слѣдовательно антами называется здѣсь по-днѣстрянское населеніе. Но, какъ думаетъ г. Костомаровъ, имени антовъ придавали тогда «пространнѣйшее географическое значеніе» («Моногр.», т. I, стр. 59), относящееся не только къ жителямъ по Днѣстру, такъ что можно думать, что Поднѣстровье было только западною границею антовъ.

[3]) *Шафарикъ*, т. III, стр. 93, 94, 95.

на югѣ Россіи, и прежде всего разгруппировать ихъ по этнологическому родству и идентичности быта на тѣ народности, о которыхъ выше мы дали краткія свѣдѣнія.

Намъ кажется, что за все время отъ Геродота до Нестора мы имѣемъ дѣло съ четырьмя племенными группами: 1) *народами греко-италійской вѣтви*—греками и римлянами; 2) *народами алтайской группы*, какъ скиѳы, сарматы, гунны и авары; 3) *народами германскаго корня*—даки (или геты) и готы (или готѳы) и 4) народностями, которыхъ естественнѣе всего назвать *аборигенами* юга Россіи и, какъ увидимъ, отнести *къ славянской вѣтви*. О населеніи первой группы у насъ болѣе всего свѣдѣній: несомнѣнно, что греки, именно іоняне, въ VIII в. до Р. Хр. [1]) были уже на черноморскомъ и азовскомъ побережьяхъ, какъ они были и на всѣхъ побережьяхъ Средиземнаго моря. Явились въ южную Русь греки, какъ и повсюду, по побужденіямъ исключительно коммерческо-промышленнаго характера: колоніи ихъ служили рынками для мѣны греческихъ произведеній на продукты туземцевъ. Болѣе многочисленны и вліятельны они были, кромѣ таврическаго полуострова, въ такъ называемомъ Босфорскомъ царствѣ, въ предѣлахъ теперешней Кубанской области, у устьевъ рѣкъ Днѣпра, особенно-же Буга и Днѣстра. Находясь на несравненно болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ населеніе юга Россіи, съ которымъ грекамъ приходилось сноситься, и выселяя въ свои колоніи главнымъ образомъ представителей торговаго класса, греки конечно не могли здѣсь подпасть чуждому вліянію, но едва-ли этимъ торговымъ факторіямъ слѣдуетъ приписывать значительное вліяніе на населеніе юга Россіи: греки, по замѣчанію Мишле, всегда держали себя въ сторонѣ при сношеніяхъ съ варварами. Ихъ вліянію могло подпасть развѣ самое близкое сосѣднее населеніе, привлеченное, можетъ быть, сюда на поселеніе изъ-внутри страны экономическими выгодами сожительства съ греками-колонистами. Таковы и были вѣроятно *каллипиды*—эти эллино-скиѳы, по замѣчанію Геродота. Только искусство грековъ проникало далѣе, вглубь страны: такъ археологія открываетъ въ „скиѳскихъ могилахъ“ предметы роскоши, вышедшіе несомнѣнно изъ рукъ греческихъ художниковъ, а исторія показы-

[1]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 25.

ваетъ между скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ греческими женщинами и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію [1]). Цвѣтущее время греческихъ колоній—это скиѳская эпоха; вслѣдъ за нею начинается паденіе ихъ и наконецъ въ III в. по Р. Хр. полное ихъ исчезновеніе.

Такое-же окраинное положеніе занимали и *римляне*. Послѣдніе явились, какъ мы видѣли выше, въ восточную Европу съ оружіемъ въ рукахъ и не подвинулись собственно далѣе р. Днѣстра, т. е. едва коснулись страны, ставшей впослѣдствіи территоріею малорусскою. Трудно, хотя съ приблизительною вѣроятностію, предположить, на какихъ мѣстахъ оной могли быть поселенія римскія; несомнѣнно одно, что гдѣ они были, тамъ оставляли по себѣ болѣе глубокіе и продолжительные слѣды, нежели поселенія греческія. Вообще характеръ римскихъ поселеній былъ другого типа, чѣмъ греческихъ. Вслѣдъ за войсками въ покоренную страну — Дакію шло, какъ и въ другія римскія провинціи, римское населеніе не только торговое, но и земледѣльческое. Дакія сдѣлалась органическою частью римской имперіи; туда постоянно прибывало новое, свѣжее римское населеніе, и потому романизація въ той или другой формѣ туземнаго населенія была неизбѣжна, и слѣды такого вліянія не исчезли и до сихъ поръ, какъ это мы можемъ видѣть на теперешнихъ румынахъ.

Что касается народностей второго порядка (скиѳы, сарматы и пр.), то хотя и до сихъ поръ не окончились еще споры объ ихъ этнологическомъ происхожденіи [2]), болѣе вѣроятнымъ намъ кажется мнѣніе, которое причисляетъ всѣ эти народы къ урало-алтайскому племени [3]); во всякомъ случаѣ бытовая обстановка очень идентична съ таковою у половцевъ, печенѣговъ и особенно у монголовъ. Всѣ народы второй категоріи являются въ южно-русскую страну съ

[1]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 30.

[2]) Такъ скиѳовъ одни ученые считаютъ монголами (Нибуръ, Нейманъ), другіе—финнами (Эйхвальдъ), третьи кочевниками арійскаго племени (Гриммъ, Берговъ, Гильфердингъ, Пыпинъ) и т. д. Такое-же разногласіе и относительно сарматовъ, гунновъ, аваровъ и пр.

[3]) *Котляревскій*, «О книгѣ Забѣлина», стр. 20, 21.

Волги и Дона: степи Азіи постоянно выкидываютъ на нашу равнину кочевыя племена. Рядъ этихъ кочевниковъ, начавшійся скиѳами, закончился монголами [1]), и появленіе каждаго изъ этихъ народовъ (скиѳовъ, сарматовъ, гунновъ и пр.) стоитъ въ несомнѣнной этнологической связи съ періодическимъ движеніемъ народовъ съ востока, составляя только одно кольцо въ цѣпи движеній урало-алтайскихъ племенъ на западъ [2]), кольцо того-же типа, какое мы наблюдаемъ въ исторіи, въ лицѣ венгровъ, печенѣговъ, хазаръ и монголовъ. Такимъ образомъ движенія восточныхъ народовъ непрерывно шли съ VIII в. до Р. Хр., т. е. въ теченіи 20-ти столѣтій, и были всегда болѣе или менѣе идентичны, болѣе или менѣе однородны; разница между ними скорѣе количественная, чѣмъ качественная. Всѣ эти народы отъ скиѳовъ до монголовъ были кочевники; они стремительно врывались въ южно-русскую страну, разрушительнымъ ураганомъ проносились по ней, но потомъ централизовались въ полосѣ степной, болѣе пригодной для ихъ быта, оставляя жителей другихъ частей южной Руси въ положеніи своихъ данниковъ. Таковою страною кочевниковъ и была южная степная половина Малороссіи между отрогами Карпатовъ, пересѣкающихъ ее съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и Чернымъ и Азовскимъ морями, а также юго-восточная часть ея. Только нѣкоторые изъ нихъ достигали, благодаря счастливымъ историческимъ обстоятельствамъ, нѣкоторой степени культуры, какъ въ древнѣйшее время часть скиѳовъ (царскіе), въ болѣе позднее—хазары (въ Саркелѣ) и монголы въ Сараѣ; остальные-же пребывали въ первобытномъ состояніи. Обыкновенная судьба кочевой орды была такова: вслѣдъ за удаленіемъ въ степную полосу кочевники начинали подпадать вліянію своихъ данниковъ, какъ болѣе культивированныхъ, ассимилироваться съ ними и терять грозную силу дикой орды, отчего послѣдующая волна новой азіатской народности оказывалась гибельною для предшествующей: часть послѣдней уничтожалась въ дикой борьбѣ съ новымъ пришельцемъ, другая сливалась съ нимъ, *третья ассимилировалась окончательно съ аборигенами страны.* Такъ исчезли скиѳы подъ натискомъ сарматовъ, сарматы подъ напоромъ гунновъ,

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, «Р. И.», стр. 4.

[2]) *Котляревскій*, ibid.

послѣдніе—слѣдующихъ движеній и т. д. до монголовъ. Такъ что въ этнологическомъ отношеніи вліяніе народовъ алтайской группы выражалось, главнымъ образомъ, въ ассимиляціи съ туземцами, въ привнесеніи своихъ свойствъ въ типъ послѣднихъ, но главное значеніе азіатскихъ ордъ для туземцевъ состояло въ томъ, что онѣ являлись задерживающею силою въ размноженіи и распространеніи мѣстнаго населенія на югѣ и юго-востокѣ южной Россіи.

Есть нѣкоторое сходство между народностями 2-й группы и 3-ей (геты и готы): это—періодичность появленія и временность вліянія, но и только. Движенію гетовъ (даковъ) и готовъ, особенно послѣднихъ, въ южную Русь мы можемъ найти аналогію скорѣе всего въ движеніи въ историческое время норманнъ и въ основаніи рюриковаго государства. Мы и здѣсь не останавливаемся на вопросѣ о происхожденіи какъ готовъ, такъ и даковъ, и относительно ихъ въ исторической литературѣ существуютъ пока одни непримиримыя мнѣнія [1]). Относительно ихъ одно несомнѣнно, что эти народы явились въ южно-русскую область изъ западной Европы, а по одному этому они уже не могли быть въ кочевомъ бытѣ. Трудно сказать, въ какой фазѣ бытоваго строя были даки, относительно-же готовъ можно утверждать съ большою вѣроятностью, что они представляли изъ себя рядъ военныхъ дружинъ, аналогичныхъ тѣмъ, какими изобиловала тогда центральная Европа, и проникали на сѣверо-востокъ до Уральскаго хребта. Спустились они въ предѣлы южной Руси изъ Балтійскаго поморья главнымъ образомъ по нѣмано-днѣпровскому пути, завладѣли этимъ основнымъ торговымъ путемъ [2]), подчинили себѣ постепенно всѣ почти народности южной Руси и основали „готское царство", достигшее при Германарихѣ тѣхъ обширныхъ размѣровъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей [3]), и павшее подъ натискомъ гунновъ. Готы передвинулись въ это время далѣе изъ предѣловъ южной Руси на юго-западъ, оставивъ конечно свои слѣды на туземномъ населеніи.

Но готы и геты, греки и римляне, и всѣ народности алтайскаго порядка были, какъ мы видѣли, пришельцы: они являлись въ

[1]) Гетовъ признаютъ то за германцевъ, то за кельтовъ, литовцевъ, славянъ или причисляютъ ихъ къ «Ѳракійской вѣтви» (Брунъ, стр. 256, 257, 265).

[2]) *Забѣлинъ*, II, 40.

[3]) *Соловьевъ*, II, 83.

южную Русь временно и потомъ исчезали, въ странѣ-же оставалось постоянное населеніе, съ которымъ пришельцы становились въ мирныя или враждебныя отношенія. Уже у Геродота мы находимъ свѣдѣнія объ аборигенахъ южной Руси. Геродотъ разсказываетъ намъ, что берега Азовскаго и Чернаго морей, обращенные къ сѣверу, покрыты были многочисленными торговыми цвѣтущими поселеніями, а это уже предполагаетъ обширную торговлю. Главными предметами вывоза для грековъ съ сѣвернаго берега былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовали: рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади, рабы [1]). Если лошади, шерсть, кожи и т. под. продукты животнаго царства могли вымѣниваться греками на ввозимыя ими въ страну выдѣланныя кожи, одежду, масло, вино и произведенія искусствъ у сосѣднихъ кочевниковъ-скиѳовъ, то остальные предметы, какъ воскъ, медъ, мѣха, особенно-же *хлѣбъ* непремѣнно шли изъ болѣе отдаленныхъ странъ, такъ какъ ихъ не могла дать природа степей, потому что предметы эти предполагаютъ обязательно земледѣльческое населеніе, какое трудно тогда было предполагать въ тѣхъ степяхъ, гдѣ оно явилось лишь въ послѣднее столѣтіе. Земледѣльческое населеніе въ ту эпоху могло быть только въ сѣверной половинѣ южной Россіи, по ту сторону Карпатскаго отрога, гдѣ и природа благопріятствовала земледѣльческой культурѣ и населеніе было болѣе безопасно отъ разграбленія кочевниками. На это указываетъ и то обстоятельство, что греческія факторіи располагались главнымъ образомъ у устьевъ сплавныхъ рѣкъ, при посредствѣ которыхъ и шла торговля грековъ съ населеніемъ, обитавшимъ на побережьяхъ этихъ рѣкъ по ту сторону степной полосы. Подтвержденіе высказанному предположенію даетъ намъ и Геродотъ, помѣщая, напримѣръ, на побережьѣ Днѣпра двѣ народности: *скиѳовъ пахарей* и *скиѳовъ земледѣльцевъ*. Нельзя думать, чтобы такія искусственныя названія были собственными именами жителей; очевидно, что они созданы самими-же греками и означаютъ, что это населеніе было подвластно кочевникамъ-скиѳамъ и занималось земледѣліемъ. Греки всю южно-русскую страну называютъ Скиѳіей, т. е. именемъ властнаго въ то время народа, съ которымъ имъ приходилось болѣе всего сталкиваться, какъ съ самымъ близкимъ

[1]) Ibid., 39—40.

сосѣдомъ по поселеніямъ; имъ также было извѣстно, что и дальше на сѣверъ живетъ населеніе, подвластное скиѳамъ, но уже не кочевое, а производящее *хлѣбъ*, главный предметъ греческой торговли, и вотъ названіе готово—*скиѳы пахари* и *скиѳы земледѣльцы*. По свойствамъ природы, географическому положенію и по размѣщенію греческихъ факторій, можно предполагать земледѣльческое населеніе въ южной Руси, на западъ отъ Днѣпра (переходя на лѣвый берегъ развѣ узкой полосой) [1]) и до Карпатъ, т. е. земледѣліемъ тогда уже занимались, какъ скиѳы-пахари и скиѳы-земледѣльцы, такъ и алазоны, агафирсы, невры, будины и т. д. Такимъ образомъ вся сѣверная половина Малороссіи уже въ V—VIII в. до Р. Хр. была занята населеніемъ земледѣльческимъ или, по крайней мѣрѣ, переходнымъ, которое, хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его, какъ предметъ выгодный для торговли [2]); къ югу оно могло опускаться ниже Карпатскихъ отроговъ, по р. Днѣпру и особенно по рр. Бугу и Днѣстру, даже до моря. Распространеніе земледѣлія показываетъ, что степень культуры населенія была уже довольно значительна. Разъ населеніе какой-нибудь страны достигло той высоты культуры, которая характеризуется присутствіемъ земледѣлія, бытъ племени получаетъ большую прочность, населеніе теряетъ потребность и даже способность къ массовому передвиженію и разстается со своей родиной лишь побуждаемое какими-нибудь особенными катастрофами природы, какъ наводненія, геологическіе перевороты, наконецъ истощеніе почвы и т. п. Даже политическія перемѣны, въ родѣ завоеванія ихъ страны, рѣдко сопровождаются выселеніемъ: скорѣе земледѣлецъ дѣлается рабомъ побѣдителя, чѣмъ оставляетъ свою родину. Поэтому, если мы отъ времени Геродота и до VII—VIII в. и не находимъ прямыхъ доказательствъ относительно идентичности, или, по крайней мѣрѣ, родственности земледѣльческаго населенія юга Россіи временъ Геродота съ населеніемъ временъ Птоломея, Плинія и позже Прокопія и Іорнанда, и еще позже—Константина Багрянороднаго и Льва Діакона, то на основаніи такихъ двухъ крупныхъ данныхъ, какъ: а) существованіе земледѣлія въ южной

---

[1]) *Соловьевъ*, I, 29.

[2]) Его-же.

Россіи въ V в. до Р. Хр. и потомъ b) жительство здѣсь огромнаго земледѣльческаго славянскаго населенія въ VII—VIII в. по Р. Хр., есть возможность построить гипотезу, что при Птоломеѣ, когда южная Русь называлась, по имени новыхъ своихъ азіатскихъ завоевателей, Сарматіей, подъ особыми именами, каковы бастарны, бессы, траномонтаны, карпіане, тирагеты, сабины, сарматы-роксоляне, саверы, навары, бодіане, нужно разумѣть коренное земледѣльческое населеніе южной Руси. При готахъ и гуннахъ мы не знаемъ, помимо имени завоевателей, частныхъ названій для этого населенія; но въ V в. на Певтингеровыхъ картахъ общимъ именемъ для нихъ служитъ имя *Венеды*, тогда какъ въ томъ-же вѣкѣ Прокопій населеніе южной Руси именуетъ „безчисленнымъ антскимъ народомъ". Генеалогія славяно-русскихъ народностей лѣтописнаго періода съ венедами, антами, а также спорами (или сербами Льва Діакона)— фактъ общепризнанный въ славянской исторіи и филологіи; но были-ли и Птоломеевы саверы, траномонтаны и т. д., а тѣмъ болѣе Геродотовы скиѳы-оратаи, невры, будины и пр.—славяне, вопросъ открытый. Несомнѣнно въ этомъ случаѣ одно, что указанные народы у Геродота и Птоломея отличаются не только отъ греко-италійскихъ народовъ, но и отъ алтайскихъ народностей, равно какъ отъ гетовъ и готовъ. Есть нѣсколько въ матеріалахъ по этому вопросу фактовъ, наводящихъ на утвердительное рѣшеніе въ пользу признанія славянъ за туземцевъ въ сѣверной половинѣ южной Руси. Къ такимъ даннымъ прежде всего нужно отнести тождество въ названіяхъ и въ топографіи поселенія народовъ, раздѣленныхъ между собой цѣлыми столѣтіями, такъ: 1) *невры* у Геродота, *навары* у Птоломея, *nerivani*—у землеописателя баварскаго въ XI ст. и наконецъ „Нурская земля" польскаго королевства, по рр. Нареву и Нурчику; 2) *будины*—Геродота и *будіаны* Птоломея, 3) *карпіане* Птоломея и *хърваты* (хръбаты) отъ VII—X в. у Карпатскихъ горъ, 4) *саверы* Птоломея, Саврика Певтингеровыхъ картъ и лѣтописные *сѣверяне* и т. д. Далѣе не только въ IX в., но и ранѣе двумя-тремя вѣками [1])

[1]) Первыя извѣстія о славянахъ начинаются не ранѣе первыхъ вѣковъ по Р. Хр. Для Плинія или Птоломея славянскія страны были такъ отдалены, славянскія имена такъ неправильны (и притомъ ихъ такъ мало умѣли тогда передавать), что выводы, извлекаемые изъ нихъ свѣдѣній, остаются слишкомъ мало доказательными. Историки римской имперіи, въ разсказахъ о борьбѣ Рима съ варварами, ка-

южную Русь мы находимъ занятою уже славянскими народами, какъ туземцами и полными господами земли: количество ихъ, занятіе земледѣліемъ и наконецъ расчлененность на отдѣльныя племена (таковое расчлененіе видимо произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ природы, т. е. подъ давленіемъ такого фактора, для ощутительнаго дѣйствія котораго нужны столѣтія и даже тысячелѣтія), все это говоритъ за весьма продолжительное уже проживаніе славянъ въ предѣлахъ указанной страны. Наконецъ къ доводамъ за давнее пребываніе славянъ въ равнинахъ Руси нужно отнести и отсутствіе какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній о времени пришествія славянъ въ эту страну (лѣтописной легендѣ о разселеніи славянъ, конечно, нельзя придавать научнаго значенія), какъ ихъ нѣтъ и о всѣхъ туземцахъ Европы: финнахъ, литовцахъ, германцахъ, кельтахъ, греко-италійцахъ и пр. Можно допускать, что славяне не ворвались въ страну бурнымъ потокомъ, какъ гунны, авары, монголы и др., не взяли страну съ оружіемъ въ рукахъ, какъ римляне, не пришли, наконецъ, въ видѣ готскихъ и норманскихъ дружинъ, а овладѣвали территоріей тѣмъ мирнымъ и медленнымъ путемъ, какимъ русскіе славяне позже, въ историческое время, заняли финскія страны въ теперешней Великороссіи и еще позже—Сибирь. Дѣйствительно предположеніе послѣдняго рода заслуживаетъ болѣе всего вѣроятія (хотя, какъ увидимъ ниже, въ исторіи славянъ есть факты, указывающіе на иной способъ заселенія, наприм. заселеніе хорватами изъ-подъ Карпатъ ихъ теперешней родины на Балканскомъ полуостровѣ въ VII в.), но въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть два мнѣнія: или славяне густою массою вселялись въ южно-русскую страну не позже VI-го вѣка, и тогда фактъ этотъ едва-ли не былъ бы замѣченъ сосѣдями, какъ замѣтили здѣсь появленіе готовъ и др.; и кромѣ того рядомъ съ славяно-руссами въ лѣтописное время непремѣнно обитали-бы большіе или меньшіе остатки туземцевъ не-

саются и племенъ славянскихъ, но этимъ историкамъ не было большой надобности различать варварскія народности, и новѣйшіе изслѣдователи съ трудомъ отыскиваютъ у нихъ то, что относилось къ славянству. Первыя опредѣленныя извѣстія начинаются у писателей VI-го вѣка, у грековъ: у Прокопія, Агафія, Менандра, Маврикія; у латинскихъ писателей—начиная съ Іорнанда. Съ этихъ поръ не прекращаются свѣдѣнія о славянахъ у византійцевъ и лѣтописцевъ западныхъ (Пыпинъ, «Вѣс. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 121).

славянъ, или-же заселеніе края славяно-руссами шло путемъ медленной колонизаціи, но тогда потребовались-бы цѣлыя столѣтія, чтобы въ VI в. огромную южно-русскую равнину заполнили „безчисленные антскіе народы" Прокопія. Въ Сибирь стало являться русское населеніе въ XV в., прошло такимъ образомъ около пяти столѣтій русской колонизаціи здѣсь, а славянскимъ населеніемъ занята въ наше время сравнительно незначительная часть и для полной колонизаціи края потребуются еще цѣлыя столѣтія. А между тѣмъ южная Русь, по крайней мѣрѣ въ VII в., была уже такъ заселена славянами, что колонизировала своимъ населеніемъ отдаленныя отъ нея мѣста. Такъ въ VII ст. (приблизительно около 630 г.) хорваты, по разсказу Константина Багрянороднаго, были призваны греческимъ императоромъ Цимисхіемъ изъ-за своихъ хърбовъ (или карпатъ) въ Далмацію и противопоставлены аварамъ, и здѣсь они образовали хорватское государство [1]). Фактъ переселенія хорватовъ, переданный намъ Константиномъ Багрянороднымъ, невполнѣ ясенъ по своимъ деталямъ, но смыслъ его понятенъ: славянское населеніе при-карпатскихъ странъ уже въ VII ст. достигло той степени густоты, когда является потребность выселять изъ страны значительное количество населенія. Нѣкоторую аналогію хорватамъ VII ст. мы находимъ въ антахъ XI-го, которымъ византійскій императоръ около 545 г. поручилъ защищать границы своей имперіи на р. Днѣстрѣ [2]). Далеко ранѣе изъ предѣловъ Россіи, этого „первоначальнаго гнѣзда славянскаго племени" [3]), по выраженію г. Пыпина, славяне начинаютъ двигаться все далѣе на западъ и югъ. Первыя движенія славянства замѣчаются уже съ конца II и III в. по Р. Хр. Сначала среди другихъ племенъ, потомъ и самостоятельными группами они являются въ Дакію, на Дунаѣ и за Дунаемъ. Въ V, VI и VII в. совершаются передвиженія, и славяне окончательно утверждаются въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, доходятъ до

---

[1]) *Смирновъ*, «Судьбы Червонной или Галицкой Руси», стр. 12, *Пыпинъ*, «Исторія славянск. литер.», т. I, стр. 139.

[2]) *Брунъ*, «Черноморье», 167.

[3]) Г. Пыпинъ считаетъ вмѣстѣ съ др. учеными славистами первоначальнымъ мѣстомъ поселенія славянъ въ Европѣ территорію «между верховьями Дона и Днѣпромъ и за Днѣпръ, къ восточному берегу Балтійскаго моря и къ средней Вислѣ, и на югъ не далѣе Припяти». *Пыпинъ*, «Вѣстн. Евр.», 1875 г., № 11.

Ѳессаліи, Эпира и Пелопонесса [1]). Около того-же времени, т. е. съ V—VII в., хорваты и сербы, вышедшіе изъ своихъ *старыхъ* жилищъ „Бѣлохорватіи“ (западная часть Галиціи) и „Бѣлой Сербіи“ (Бѣл. Хорватіи, при источникахъ Днѣстра и Прута) утверждаются въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, въ Илліріи и Далмаціи. Тогда-же, приблизительно около V-го в., занята была славянами, двигавшимися все съ востока, Богемія, Моравія, а на сѣверо-западѣ все Балтійское поморье, гдѣ крайнія поселенія славянъ доходили до береговъ Нѣмецкаго моря и Голландіи [2]).

Приведенныя нами страницы изъ исторіи разселенія славянъ, думаемъ, доказываютъ высказанное нами выше предположеніе, что славянское племя уже въ первые вѣка по Р. Хр. достигло громаднаго количественнаго роста и переполнило территорію русской равнины. Не нужно забывать еще и того обстоятельства, что славяне заняли въ восточной Европѣ страну, покрытую лѣсами и перерѣзанную рѣками, и первоначальная очистка почвы и постепенное расширеніе ихъ области должно было занять неопредѣленно продолжительное время, тѣмъ болѣе, что въ мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселеній они встрѣтили безъ сомнѣнія туземныя племена и должны были имѣть время на борьбу съ ними. Конечно всѣ приведенныя нами соображенія не позволяютъ рѣшать хронологическій вопросъ о поселеніи славянъ въ южной Руси въ положительномъ смыслѣ, но они даютъ намъ основаніе признавать наиболѣе достовѣрнымъ то мнѣніе, которое считаетъ историческимъ пунктомъ, когда славянъ можно признавать обитателями южной Россіи или правильнѣе ея сѣверной, не степной половины V-й вѣкъ до Р. Хр. [3]). А въ такомъ случаѣ славянъ мы можемъ предполагать и въ земледѣльческомъ населеніи эпохи Геродота и, тѣмъ болѣе, Птоломея.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

---

[1]) *Пыпинъ*, «Вѣстн. Евр.», № 11, 123.
[2]) Ibidem.
[3]) *Пыпинъ*, ibid., стр. 117.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческія судьбы Херсонеса представляютъ въ маломъ видѣ прошлое всего Крымскаго полуострова въ его характернѣйшихъ чертахъ. Начало ихъ вскрывается чужой легендою, и легенда эта связывается съ преданіемъ о троянской войнѣ. Дочь аргосскаго царя, знаменитаго предводителя грековъ Агамемнона, Ифигенія, обрекается на жертву оскорбленной богинѣ Артемидѣ; хитро-умный Одиссей обманомъ уводитъ ее отъ матери и вотъ Ифигенія— въ гавани Авлидѣ, въ воинскомъ станѣ, и жрецъ Калхасъ заноситъ уже надъ нею ножъ... но шевельнулась жалость и въ сердцѣ строгой богини: Ифигенія, одѣтая облакомъ, переносится на далекій сѣверъ, а ударъ жертвеннаго ножа поражаетъ, вмѣсто нея, лань, которая чудеснымъ образомъ замѣнила царевну. Ифигенія — въ Крыму, въ Тавридѣ, обитаемой кровожадными, страшными дикарями таврами; она во власти царя тавровъ, Тоаса, оторванная отъ семьи, вдали отъ роднаго, сіяющаго радостью неба, вдали отъ яркаго, веселаго солнца, почти безъ надежды воротиться или хотя-бы свидѣться съ близкими. Всякаго грека, по несчастному случаю попадавшаго въ Крымъ, тавры предавали смерти, принося въ жертву какой-то богини. Ифигенію, однако, обошли. Она произвела такое обаяніе на свирѣпаго Тоаса, что онъ, сохранивъ ея жизнь, назначилъ даже жрицей богини. Воспитанная въ семейномъ кругу, кроткая Ифигенія всѣми силами души вооружилась противъ изувѣрства и старалась смягчить варваровъ... напрасно! Такъ тянулись годы; война съ троянцами кончилась; Агамемнонъ воротился домой и тамъ былъ убитъ; сынъ его, братъ Ифигеніи, Орестъ, не вынесъ насильственной смерти отца и отплатилъ за нее также убійствомъ. Запятнанный преступленіемъ, мучимый угрызеніями совѣсти, гонимый безжалостными эвменидами, онъ съ другомъ своимъ Пиладомъ по-

падаетъ въ Тавриду; по требованію боговъ, для того чтобы смягчить свое наказаніе, онъ долженъ вывезти оттуда ту самую статую богини, которой служитъ его несчастная сестра Ифигенія. Но вотъ они открыты таврами на морскомъ берегу, и сестра Ореста должна принести въ жертву и брата и его друга... Однако судьба выручила ихъ изъ этого страшнаго положенія: они покинули счастливо чужую варварскую страну и воротились на родину.

Промчались столѣтія, но далекій край не забывался неустрашимыми моряками греками. Черное море, прежде называвшееся негостепріимнымъ (и называвшееся такъ не безъ причины), съ теченіемъ времени въ понятіи ихъ явилось уже гостепріимнымъ (эвксинскимъ) моремъ. Въ VI и VII ст. до Р. Х. на крымскихъ берегахъ являются одна за другою греческія колоніи; не страшась варварскаго сосѣдства, греки твердой рукою водружаютъ въ крымскую почву знамя своей образованности; одна партія колонистовъ, вышедшая изъ г. Геракліи, основалась близь нынѣшняго Севастополя, на полуостровѣ, получившемъ названіе Гераклійскаго [1]). Это поселеніе и названо было Херсонисъ или Херсонесъ. По преданію Херсонесъ основанъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ когда-то давно Ифигенія служила жрицей таинственной богини, которая греками отождествлялась съ Артемидою и будто-бы даже храмъ ея долгое время былъ въ сохранности. Но мы не будемъ вдаваться въ безплодныя гаданія и смѣшивать легенду съ былью. Скажемъ прямо: не знаемъ, былъ-ли такой храмъ и что за народъ тавры,—не знаемъ, греки-ли познакомились съ культомъ Артемиды у тавровъ или тавры у грековъ; этого мало: при настоящемъ состояніи науки, не можемъ сказать съ увѣренностью, почему Херсонесъ основанъ близь Тройной бухты, а не ближе къ балаклеевской или севастопольской, представляющихъ неизмѣримо больше удобствъ для мореходцевъ. На это ученыя изслѣдованія отвѣчаютъ: колонистами руководили жрецы и выбрали мѣсто по религіознымъ побужденіямъ, близь храма Артемиды. Но почему-же такъ? Неужели же жрецы дѣйствительно водили грековъ какъ стадо, неужели сами жрецы, тоже греки, могли проглядѣть, что мѣсто мало удобно? неужели,

---

[1]) Гераклія понтійская лежала на сѣверномъ берегу Малой Азіи, къ востоку отъ константинопольскаго пролива, и заселена выходцами изъ г. Мегари. Гераклійскій полуостровъ ограниченъ бухтами севастопольской и балаклавской.

наконецъ, пять столѣтій могли греки оставаться въ неудобномъ мѣстѣ прежде, чѣмъ выселились въ другое?...

Дѣло въ томъ, что отъ этихъ пяти столѣтій языческой жизни Херсонеса не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Болѣе посчастливилось въ наукѣ изслѣдованію соперницы Херсонеса Пантикапеи, лежавшей въ керченскомъ проливѣ: тамъ можно прослѣдить интересное взаимодѣйствіе культуръ греческо-іонійской и варварско-сарматской, вплоть до того момента, когда для первой пробилъ роковой часъ. Правда находили греческія издѣлія въ скиѳскихъ могилахъ разныхъ мѣстностей юга Россіи, но какъ рѣшить: что изъ нихъ относится на долю Херсонеса, а что на долю другихъ колоній, хотя-бы Пантикапеи или Ольвіи? Думаемъ только, что не слѣдуетъ преувеличивать вліянія грековъ на южно-русскій варварскій міръ, а вліянія херсонитянъ—въ особенности.

Приблизительно около начала христіанской эры херсонитяне переселяются и занимаютъ мѣстность между теперешними Карантинной и Круглой бухтами, верстахъ въ трехъ отъ нынѣшняго Севастополя; какая была причина этой перемѣны мѣста и выбора новаго, опять таки не знаемъ: карантинная бухта хотя и довольно обширна, но севастопольская куда-же лучше... Переселеніе совершилось не вдругъ, а происходило постепенно, при чемъ новый городъ строился изъ стараго матеріала, и вотъ почему отъ прежняго Херсонеса осталось такъ мало слѣдовъ, что самое мѣсто, гдѣ онъ находился, подвергалось спору.

Послѣднее столѣтіе языческой эры ознаменовалось въ исторіи Херсонеса не однимъ перенесеніемъ города на новое мѣсто. Оно вообще было временемъ серьезнаго кризиса, и кризисъ этотъ, незадолго до Р. Х., окончился утратою независимости Херсонеса. Полагать надо, что и раньше этого времени варварскіе сосѣди не оставляли Херсонеса въ покоѣ и что ему приходилось вести упорную борьбу съ ними. Для защиты отъ варваровъ, херсониты выстроили каменную стѣну, на протяженіи 8 верстъ, по перешейку между гаванями—севастопольской и балаклавской, отгородивъ этимъ Гераклійскій полуостровъ отъ крымскаго материка [1]). Эта борьба съ варварами наполняетъ исторію Херсонеса и составляетъ характер-

[1]) Время построенія стѣны неизвѣстно.

нѣйшую черту ея. Вмѣстѣ съ этимъ приходилось ему выносить соперничество другой греческой колоніи, столицы босфорскаго царства, сильной и богатой Пантикапеи. Соперничество дорійцевъ и іонійцевъ въ самой Греціи, породившее тамъ пелопонесскую войну, вызвавшее и развившее колонизацію, не забывалось и колонистами, и въ нашемъ Крыму происходили своего рода пелопонесскія войны; противники—херсониты и босѳоряне—заключали иногда перемиріе, даже помогали другъ другу, но камень за пазухой держали всегда. Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Херсонесу приходилось считаться съ царемъ скиѳовъ, Скилуромъ. Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, а именно у балаклавской бухты, построилъ онъ крѣпость и отсюда постоянно тревожилъ грековъ; херсониты, не въ состояніи будучи собственными средствами избавиться отъ нападенія Скилура, вынуждены были обратиться къ царю босфорскому, знаменитому Митридату. Тотъ охотно отправилъ войско подъ начальствомъ Діофанта, и Скилуръ былъ разбитъ, а скиѳы прогнаны изъ Крыма. Но спасеніе было куплено для Херсонеса дорогой цѣной: Митридатъ оставилъ въ немъ свой гарнизонъ и назначилъ намѣстника; такимъ образомъ Херсонесъ лишился самостоятельности. Однако противъ Митридата пришли римляне; онъ былъ разбитъ, но и тутъ Херсонесъ не воротилъ своей свободы, а только перемѣнилъ зависимость, подпавъ власти Рима. Впрочемъ это было скорѣе покровительство Рима, чѣмъ полное подчиненіе. Херсониты имѣли свой собственный сенатъ и своихъ старшихъ или протевановъ; протеваны предсѣдательствовали въ сенатѣ и командовали войсками; зависимость выражалась въ уплатѣ римлянамъ дани и въ содержаніи римскаго гарнизона. Зависимость эта пошла въ пользу Херсонеса. За одно съ Римомъ херсониты ведутъ войны съ варварами и басарнами и весьма успѣшно. Такъ въ царствованіе Діоклитіана они разбили сарматовъ и заняли Пантикапею, а въ награду за это римляне освободили ихъ отъ налоговъ.

Къ этому времени относится разсказъ о поступкѣ одной херсониской женщины, Гикіи, имя которой послѣ увѣковѣчено было статуями и дошло до времени императора Константина Багрянороднаго, который и записалъ преданіе о событіи. Одно время херсониты и босѳоряне заключили миръ. Для скрѣпленія мира херсониты рѣшили устроить свадьбу; сынъ босфорскаго царя женился на

Гикіи, дочери херсонисскаго протевана, обѣщавшись жить въ Херсонесѣ и не выѣзжать изъ него даже для свиданія съ отцемъ, подъ страхомъ смертной казни. Вскорѣ послѣ свадьбы мужъ Гикіи произвелъ хитрый замыселъ; вслѣдствіе его письма изъ Пантикапеи, время отъ времени присылали подарки и для врученія ихъ пріѣзжало каждый разъ человѣкъ по 10 босфорянъ; передавъ подарки, посланцы выходили изъ города, а потомъ, дождавшись ночи, потайнымъ ходомъ проникали въ домъ его и оставались тамъ въ секретномъ помѣщеніи—въ подпольи. Года въ два накопилось ихъ до 200 человѣкъ, и мужъ Гикіи рѣшилъ наконецъ уничтожить городъ. Временемъ выполненія этого намѣренія избранъ былъ день поминокъ отца Гикіи, Ламаха, который умеръ вскорѣ послѣ ихъ свадьбы. Подобные поминки справлялись въ Херсонесѣ чрезвычайно весело: жители пировали, веселились, плясали—даже на улицахъ, безпечное веселье и общее опьяненіе гражданъ должны были помочь заговору. Но къ счастію заговоръ былъ открытъ и случилось это слѣдующимъ образомъ. Служанка Гикіи, провинившаяся въ чемъ-то, была заперта въ особую комнату, подъ которой и помѣщались босфоряне. Занимаясь въ заключеніи пряжей, служанка уронила веретено, оно докатилось до стѣны и застряло въ щели; желая вынуть его, она приподняла кирпичъ и увидала заговорщиковъ; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, она узнала въ чемъ дѣло и тотчасъ разсказала объ открытіи госпожѣ; та позвала довѣренныхъ лицъ изъ гражданъ, передала имъ о замыслѣ мужа и просила ихъ, при помощи надежныхъ людей, ночью, въ день поминокъ, обложить ея домъ хворостомъ, облить хворостъ масломъ и потомъ зажечь. Назначенный день прошелъ такъ, какъ и слѣдовало; Гикія съ умысломъ выдала прислугѣ побольше вина, а сама не пила. Уложивъ спать своего мужа и убѣдившись, что онъ спитъ, она тихо вышла, заперла за нимъ дверь и приказала зажечь хворостъ, которымъ домъ ея былъ уже обложенъ. Хворостъ запылалъ, заговорщики спасались черезъ окно, но ихъ поражалъ народъ обступившій пожарище. Такъ Гикія спасла Херсонесъ.

Варварскія нашествія не прекращались съ переходомъ Херсонеса подъ зависимость Рима. Крымскій полуостровъ представляетъ что-то въ родѣ станціи, на которой непремѣнно останавливался всякій народъ въ своемъ движеніи изъ Азіи въ Европу, а

южная Россія съ ея равнинами, не представлявшими препятствій для передвиженія, можетъ быть названа по справедливости столбовой дорогой народовъ; благодатный климатъ Крыма, горная природа, дававшая возможность укрыться, а въ случаѣ нужды облегчавшая самозащиту, были причинами того, что эта станція обращалась въ ловушку и въ нее обязательно попадалъ всякій и задерживался иногда подолгу. Крупныя волны уходили дальше; имъ не было простора здѣсь, но осадокъ оставался всегда. Такимъ образомъ въ IV столѣтіи въ Крыму являются готы, въ V гунны, въ VII хозары... Всѣ эти народы причиняли вредъ и Херсонесу. Гунны даже держали его въ осадѣ, но взять не смогли. Наконецъ выступаютъ на сцену руссы и начинаютъ тревожить грековъ. Достойно вниманія косвенное упоминаніе объ этомъ въ договорѣ Игоря: а въ корсунской странѣ, сколько тамъ ни есть городовъ, не можетъ имѣть власти..., если русскіе увидятъ корсунскихъ рыбаковъ въ днѣпровскомъ устьи, то не должны имъ дѣлать зла; русскіе не имѣютъ права зимовать ни въ устьи Днѣпра въ Бѣлобережьи, ни у св. Еѳерія, а до того осенью возвратиться въ Русь; князь русскій обязывается не допускать нападеній черныхъ болгаръ: „пакостятъ странѣ той". Обѣщаніе не трогать корсунской страны повторяется и въ договорѣ Святослава.

Вопреки этимъ договорамъ, сынъ Святослава, Владиміръ, быть можетъ въ отместку за неудачи отца, произвелъ нашествіе, осадилъ Херсонесъ съ суши и съ моря и взялъ его. Такъ какъ это событіе связывается съ другимъ, несравненно болѣе важнымъ, а именно, съ принятіемъ христіанства, то своевременно сказать о распространеніи христіанства въ Херсонесѣ.

Впервые христіане появляются въ Херсонесѣ въ качествѣ ссыльныхъ. Сюда на работы въ каменоломни (своего рода каторжныя работы) сосланъ при императорѣ Троянѣ епископъ Климентъ, и здѣсь, за распространеніе христіанства, брошенъ въ море и потопленъ; сюда-же, и также за сочувствіе христіанству, отправлена племянница императора Домиціана Флавія Домицилла; далѣе сосланъ при сынѣ Константина Великаго Констансѣ епископъ Мартинъ, вслѣдствіе религіознаго несогласія съ строгимъ догматикомъ—императоромъ и др.

Впрочемъ, преданіе говоритъ, что Херсонесъ посѣтилъ апостолъ Андрей, отсюда направившійся далѣе по Днѣпру. Что-же касается правильной христіанской проповѣди въ Херсонесѣ, то начало ея относится къ IV в. Наканунѣ обнародованія миланскаго эдикта, въ 310 году здѣсь трудятся Ефремъ и Василій и принимаютъ мученическую смерть за евангельскую проповѣдь. Также не имѣли успѣха и были замучены пріемники ихъ Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ. Ко времени, слѣдовавшему за изданіемъ миланскаго эдикта, относятся труды св. Еѳерія, которые нашли дѣятельную поддержку въ самомъ Константинѣ Великомъ; отправляясь въ Константинополь благодарить императора, св. Еѳерій на пути былъ схваченъ язычниками и потопленъ. Преемникъ его, Капитонъ, имѣлъ болѣе успѣха; съ него начинается херсонесская епархія, и Корсунь становится епископскимъ городомъ. Впрочемъ глухая борьба противъ христіанства продолжалась здѣсь долго, и только въ VI—VII ст. выпускается въ Херсонесѣ первая монета съ христіанскимъ знакомъ. Такимъ образомъ отдаленный Херсонесъ упорнѣе держался національной религіи, чѣмъ центры Имперіи, и сложилъ оружіе лишь за 2, за 3 столѣтія до крещенія Руси. Здѣсь, на далекой окраинѣ, въ непрерывной борьбѣ съ варварскимъ міромъ, въ борьбѣ съ грубыми дикарями, постоянно стучавшимися въ дверь и угрожавшими разрушеніемъ, болѣе образованные греки тверже, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили увѣренность въ своемъ превосходствѣ, въ великихъ преимуществахъ своего великаго народа и крѣпче держались народныхъ особенностей и народной религіи; всякія уступки вели къ паденію, какъ и показала болѣе податливая іонійская Пантикапея, а между тѣмъ христіанство протягивало руку этимъ самымъ варварамъ, объявляя, что нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни іудей... Сюда, въ Херсонесъ, эту византійскую Сибирь, прежде ссылали христіанъ, какъ людей вредныхъ, сослали за это даже родственницу императора, а теперь хотѣли, чтобы онъ забылъ народность и принялъ проповѣдь о томъ, что и скиѳъ—тоже, что и грекъ, хотѣли, чтобы онъ забылъ свою исторію...

Какъ-бы то ни было, надо думать, что общее распространеніе христіанство получило въ Корсуни не ранѣе VII вѣка; но уже св. Кириллъ, посѣтивъ Херсонесъ, нашелъ здѣсь священное писаніе, написанное по-славянски; не можемъ умолчать о догадкѣ проф.

Григоровича относительно того, что это-то и была такъ называемая кириллица, изобрѣтенная, по мнѣнію его, именно здѣсь, въ Корсуни, для международныхъ сношеній, такъ какъ онъ былъ городомъ, гдѣ сталкивались разнообразнѣйшія и разноязычныя племена.

Теперь припомнимъ лѣтописный разсказъ о походѣ Владиміра и о крещеніи его.

Въ 988 году Владиміръ пошелъ на Корсунь; корсуняне затворились въ городѣ, а Владиміръ сталъ по ту сторону залива, на разстояніи выстрѣла; городъ сильно оборонялся, а Владиміръ обступилъ городъ; корсуняне изнемогли въ осадѣ, а Владиміръ говорилъ имъ: „если не сдадитесь, буду стоять болѣе трехъ лѣтъ", но они не слушали; Владиміръ снарядилъ воиновъ и велѣлъ возводить насыпь у города; но корсуняне по ночамъ, когда тѣ спали, подкопомъ выходили изъ города, уносили землю и ссыпали ее среди города. Однажды въ станѣ Владиміра упала стрѣла, пущенная корсуняниномъ Настасомъ, а на стрѣлѣ написано было: „за тобою, на востокѣ, есть водоемъ, изъ котораго по трубѣ идетъ вода въ городъ: перекопай водопроводъ". Услыхавъ это, Владиміръ взглянулъ на небо и сказалъ: „если это сбудется, крещусь", и повелѣлъ немедля копать поперекъ трубъ; воду переняли; корсунцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ съ войскомъ въ городъ и послалъ къ императорамъ Василію и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра дѣвушка; если не отдадите ее за меня, и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ этимъ". При этомъ извѣстіи, императоры опечалились и отвѣчали: „не достоитъ христіанку отдавать за язычника; если крестишься, и ее получишь, и царство небесное, если-же не хочешь сотворить этого, не можемъ отдать за тебя своей сестры". На это Владиміръ сказалъ посланнымъ: „скажите императорамъ, что крещусь; я раньше сихъ дней хорошо узналъ законъ вашъ, и люба мнѣ вѣра ваша и служеніе". Императоры были рады услышать такой отвѣтъ и послали къ сестрѣ съ извѣстіемъ, что Владиміръ проситъ ее выйти за него. Она отвѣчала: „не хочу я за язычника идти", но они возражали: „если ради тебя обратитъ его Господь, и ты просвѣтишь его и землю русскую, а насъ и городъ нашъ избавишь отъ плѣненій, то получишь себѣ вѣнецъ отъ Бога". И упросили сестру свою Анну, и послали къ

Владиміру сказать ему: „крестись, и тогда пришлемъ сестру къ тебѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „присылайте сестру и тогда крестите меня“. Императоры согласились, послали сестру, нѣсколько сановниковъ и пресвитеровъ. А она не хотѣла идти: „какъ въ полонъ, говоритъ, иду; лучше-бы умереть здѣсь“. Но братья уговаривали ее: „черезъ тебя Богъ обратитъ русскую землю къ покаянію, а греческую землю ты избавишь отъ лютой рати; видишь-ли, сколько зла сдѣлала Русь грекамъ? А теперь если не пойдешь, то же сдѣлаютъ и намъ“. Оба брата плакали, глядя на нее и видя ее въ унынiи и печали, и едва могли уговорить ее. Сѣвъ на корабль и поцѣловавъ со слезами родственниковъ, отправилась она въ путь. Прибыла въ Корсунь; корсуняне вышли съ привѣтствiями, ввели ее въ городъ и отвели для нея дворецъ. Въ это время Владиміръ заболѣлъ глазами и ослѣпъ; горевалъ сильно, не зналъ, что и дѣлать; а царевна послала сказать: „если хочешь позбыть болѣзни, скорѣе крестись, иначе не избыть тебѣ болѣзни“. Владиміръ, услыхавъ это, сказалъ: „если это будетъ подлинно такъ, то поистинѣ великъ Богъ христіанскій“, и велѣлъ крестить себя. Огласивъ его, епископъ корсуньскій съ священниками царевны, крестилъ его и, когда возложилъ руки на него, вдругъ Владиміръ прозрѣлъ. При такомъ внезапномъ исцѣленiи онъ прославилъ Бога и сказалъ: „въ первый разъ узналъ я Бога истиннаго“. Увидавъ это, крестились многіе изъ дружины его. Крестился Владиміръ въ церкви св. Василія, которая стоитъ посреди города, на торговой площади; дворецъ Владиміра, рядомъ съ церковью, цѣлъ и по сей день (говоритъ лѣтописецъ), а дворецъ царевны—за олтаремъ. Послѣ крещенія Владиміръ женился на Аннѣ. Роздана была большая милостыня убогимъ, нищимъ, странникамъ, сиротамъ и вдовамъ; по улицамъ ставили сосуды съ виномъ и медомъ, варево (перевары), мясо, рыбу и всякіе овощи: кто чего хотѣлъ, безъ всякихъ препятствій насыщался. Послѣ свадьбы, Владиміръ взялъ царицу, Настаса и священниковъ корсуньскихъ съ мощами Климента и Фива, ученика его, взялъ церковные сосуды и иконы и возвратился въ Кіевъ. Передъ отъѣздомъ онъ поставилъ церковь Іоанна Предтечи въ Корсунѣ, на горѣ, гдѣ ссыпали землю, унося съ насыпи; церковь эта цѣла и до сего дня, прибавляетъ лѣтописецъ. Покидая Корсунь, Владиміръ взялъ двѣ мѣдныхъ статуи и четыре мѣдныхъ коня, они

и нынѣ (замѣчаетъ лѣтописецъ) стоятъ за св. Богородицею въ Кіевѣ, и несвѣдущіе считаютъ ихъ мраморными. Корсунь отдалъ Владиміръ грекамъ, какъ вѣно за царицу. По возвращеніи въ Кіевъ, Настасъ и другіе корсунскіе священники стали служить въ церкви Богородицы, такъ называемой Десятинной, въ которую поступили сосуды, иконы и кресты, привезенные изъ Корсуня.

И такъ съ именемъ Херсонеса соединяются въ исторіи Россіи самыя высокія воспоминанія о принятіи христіанства, а съ нимъ— искусства, а, можетъ быть, также и грамоты. Борецъ и защитникъ цивилизаціи, онъ сослужилъ для нея историческую службу, ставши крестнымъ отцомъ великаго народа, усыновилъ его въ семьѣ народовъ культурныхъ.

Но замѣчательно, что именно этотъ моментъ, когда Корсунь и Византія дали свое благословеніе молодому народу на новую жизнь, для нихъ самихъ былъ началомъ упадка; старые мѣха не вмѣщали новаго вина. Автономіи Корсуня пробилъ часъ еще въ IX в., когда императоръ Ѳеофилъ, вмѣсто выборныхъ протевановъ, которыми Херсонесъ управлялся доселѣ, опредѣлилъ туда своихъ стратеговъ. Хотя вмѣстѣ съ этимъ Херсонесу дано было первенство надъ другими крымскими городами, но съ этого времени плохо онъ уживается со старой, брюзгливой Византіей. Торговое соперничество съ другими городами становится для Херсонеса затруднительнымъ. Херсониты жалуются своему патрону Константинополю, что Судакъ отбиваетъ торговые обороты, проситъ монополіи, облегченія налоговъ, но тамъ отказываютъ; тогда Корсунь поднимаетъ возстаніе, пользуясь тѣмъ, что императоръ Михаилъ Дука велъ войну съ болгарами; по просьбѣ императора, русскіе князья Владиміръ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ идутъ усмирять корсунцевъ, но извѣстившись о смерти его, возвращаются домой (1078 г.). Корсунцы отомстили русскимъ, захвативъ ихъ купеческіе корабли; Владиміръ Мономахъ съ Давидомъ Игоровичемъ и Ярославомъ Ярополковичемъ предпринялъ новый походъ, близъ Ѳеодосіи разбилъ корсунянъ, заставилъ возвратить корабли и уплатить убытки (1095 г.). На слѣдующій годъ Корсунь снова возсталъ противъ Византіи, выставивъ своего претендента на императорскій престолъ, какого-то солдата Діогена. Съ этимъ Діогеномъ отправились въ Константинополь половцы, но были разбиты и выдали его.

Своимъ чередомъ продолжались нашествія варваровъ: печенѣговъ, половцевъ и наконецъ явились татары и надолго осѣли въ Крыму.

Въ это же самое время, въ XIII ст. возникаютъ въ Крыму генуэзскія колоніи и мало по-малу высасываютъ послѣдніе соки изъ Херсонеса. Кафа, прежняя Θеодосія, вмѣстѣ съ Судакомъ, становятся господами черноморской торговли и наконецъ запираютъ грекамъ самый входъ въ Черное море, которое теперь въ другой разъ становится для нихъ негостепріимнымъ, аксинскимъ моремъ. Такъ изсякали послѣдніе признаки жизни у стараго Херсонеса, и во время нашествія турокъ онъ уже такъ былъ малолюденъ, что, появившись здѣсь, новые пришельцы ограничились расхищеніемъ его дорогихъ памятниковъ, которыми воспользовались для построекъ въ Константинополѣ.

Столѣтіе спустя, а именно въ 1578 г. посолъ Стефана Баторія, Мартинъ Броневскій нашелъ Херсонесъ въ развалинахъ. „Достойныя удивленія его развалины очень явно свидѣтельствуютъ, говоритъ онъ въ своемъ „Описаніи Крыма“, что это былъ нѣкогда великолѣпный, богатый и славный городъ грековъ, древнѣйшій на полуостровѣ, многолюдный и знаменитый своей отличной пристанью (sic)“. „У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые за четыре мили посредствомъ подземныхъ трубъ, высѣченныхъ изъ камня, проводили воду въ городъ; въ нихъ и теперь еще есть вода, очень чистая“ [1]). „Этотъ городъ уже не только много лѣтъ, но много вѣковъ стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ однѣ развалины и опустошеніе... Царскій дворецъ видѣнъ... съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами; но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпентина, которыхъ мѣста и теперь еще внутри видны, и огромные камни были взяты турками... не видно и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій; домы города лежатъ въ прахѣ и сравнены съ землей; большой греческій монастырь остался въ городѣ; стѣны храма еще стоятъ, но безъ кровли..., русскіе и польскіе лѣтописцы говорятъ, что какіе-то греки, взявши изъ этого монастыря двое

[1]) Трубы глиняныя, а не каменныя, какъ ошибочно пишетъ Броневскій; образчики ихъ хранятся въ христіанскомъ музеѣ, въ херсонесскомъ монастырѣ; работа замѣчательная по прочности: хотя сейчасъ закапывай снова, и онѣ прослужатъ еще лишнее тысячелѣтіе...

дверей изъ коринѳской мѣди, которыя православные греки называютъ царскими вратами, также и лучшіе образа, отвезли все это въ добычу къ Владиміру, великому князю русскому или кіевскому, и что будто потомъ Болеславъ второй, король польскій, перенесъ ихъ изъ Кіева въ Гнѣзно, гдѣ и теперь еще ихъ можно видѣть у входа въ большую церковь [1]).

Еще болѣе печальные развалины представлялъ Херсонесъ во время посѣщенія его Палласомъ (1793—1794 г.). За 10 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1783 г. Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи и въ томъ-же году, въ трехъ верстахъ отъ развалинъ Корсуня, заложенъ Севастополь. Появленіе новаго города дорого стоило Херсонесу, изъ котораго брали въ изобиліи и возили камень, пригодный для построекъ. Такимъ образомъ разрушеніе давало соки для жизни, зарождавшейся вновь. Но исторіи не было легче отъ этого. „Постройка Ахтіара (Севастополя), пишетъ Палласъ, была причиною уничтоженія этого древняго города. Прекрасные квадеры были выкопаны даже изъ фундаментовъ за тѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтіарѣ дома; даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ (замѣчаетъ Палласъ) таковые неизвѣстны... Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ старомъ Херсонесѣ, говоритъ онъ далѣе, доказывается тѣмъ, что изъ него вывезена прекрасная мраморная капитель колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринѳскаго ордена..., въ этихъ развалинахъ находили также много обработаннаго мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря (Архипелага)“. Площадь, занимаемую окружностью городскихъ стѣнъ, Палласъ опредѣляетъ въ 70—80 тыс. квад. саж. „Расположеніе улицъ и домовъ, замѣчаетъ онъ, различить болѣе нельзя, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено“. „Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, читаемъ мы далѣе, это доказываетъ находящееся, менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ города, восьми-угольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе, аршинъ на 5 внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку подземный

---

[1]) «Записки од. общ. ист. и др.», VI т., 1867 г. Извѣстіе о похищеніи бронзовыхъ дверей относится, вѣроятнѣе всего, къ Болеславу I. Храброму.

ходъ въ 15 саж. длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя, въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется; за этимъ колодцемъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, заключаетъ ученый путешественникъ, повидиму показываетъ, что указанные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода" [1]).

Въ 1827 г. найдены и самыя водопроводныя трубы; найдены онѣ въ двухъ мѣстахъ: на востокъ отъ развалинъ, на хуторахъ Панютина, Валявскаго и Рача, и въ восточной части города, на глубинѣ 4 футовъ. Главный источникъ, изъ котораго проведена была вода, находится верстахъ въ 8 къ юго-востоку отъ Херсонеса [2]), стало быть, согласно съ указаніемъ лѣтописи.

До послѣдняго времени открытія и раскопки въ Херсонесѣ производились безъ опредѣленнаго плана, любителями. Изъ отчетовъ одес. общ. истор. и древ. узнаемъ, что до 1835 г. производилъ раскопки лейтенантъ флота кн. Барятинскій. Въ 1853 году гр. А. С. Уваровъ открылъ великолѣпную, интересную базилику, въ сѣверной части города, на морскомъ берегу. Извѣстно, что базилика представляетъ, послѣ пещерныхъ церквей, самую раннюю форму христіанскаго храма, и что она заимствована христіанами прямо изъ языческаго искусства, представляя собою полное подобіе зданій, служившихъ для отправленія правосудія. Всякая базилика языческая и христіанская имѣетъ въ основаніи удлиненный четыреугольникъ и двумя рядами колоннъ раздѣляется на три продольныя части: среднюю, или корабль (нефъ) и боковыя галлереи; потолокъ плоскій; въ восточной части христіанскія базилики снабжены полукруглымъ выступомъ (абсида). Открытая гр. Уваровымъ базилика имѣетъ 16 саженей длины и 10 ширины, передъ входомъ въ самую церковь два притвора для оглашенныхъ и для кающихся. Полъ средняго нефа и алтаря вымощенъ мраморомъ, въ боковыхъ галлереяхъ—мозаичный. Средній нефъ отдѣляется отъ боковыхъ галлерей двумя рядами колонъ, по 11 въ каждомъ. Капители нѣкоторыхъ

---

[1]) «Зап. од. общ. ист. и др. XII, 1881 г.»; описаніе колодца Палласа напоминаетъ «колодезя», который указывалъ «перенять» Настасъ Владиміру.

[2]) Аркасъ, Опис. иракл. пам. въ «Зап. од. общ. ист. и др.», т. 11, 1848 г.

изъ нихъ относятся къ лучшей порѣ античнаго искусства, а иныя— византійскаго стиля, т. е. по сторонамъ представляютъ опрокинутыя трапеціи, съ крестами на нихъ. На самыхъ колоннахъ найдены надписи и также кресты. Алтарный помостъ, оканчивавшійся солеею, возвышался на одну ступень надъ уровнемъ пола. Передъ солеею— амвонъ, съ колоннами по бокамъ и съ мраморными плитами между ними. Иконостасъ, состоявшій изъ такихъ-же плитъ, вставленныхъ между колоннами, былъ не выше двухъ аршинъ. Изъ надписей, открытыхъ гр. Уваровымъ въ базиликѣ, особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ одна; она находится на карнизѣ изъ дикаго камня; карнизъ былъ вдѣланъ въ стѣну; въ ней упоминается о какомъ-то гражданинѣ Мокіаріѣ, который пожертвовалъ 3000 динаріевъ на построеніе храма Афродиты. Такимъ образомъ, изъ остатковъ языческаго храма, строился новый христіанскій. Неправильное правописаніе надписи послужило основаніемъ для отнесенія ея къ II—III в. христіанской эры. Что-же касается времени построенія самой базилики, то по найденнымъ въ ней монетамъ, гр. Уваровъ относитъ ее къ царствованію Константина Великаго, а извѣстно, какъ мало изъ этой эпохи уцѣлѣло подобныхъ памятниковъ [1])...

Крымская кампанія послужила новымъ несчастіемъ и для развалинъ Херсонеса. Между дѣломъ французы занимались расхищеніемъ памятниковъ его, и многіе изъ нихъ увезены въ Парижъ. Но вслѣдъ затѣмъ раскопки Херсонеса оживляются и наконецъ дѣло это организуется правильнымъ образомъ. Главное вниманіе при раскопкахъ обращалось на храмы, которыхъ въ Корсуни было очень много. Между прочимъ расчищенъ фундаментъ одного храма, описаннаго путешественниками раньше, а также площадь вокругъ храма. Положеніе его посреди города, на площади, украшенной, какъ оказалось, многими церквями и общественными зданіями сближало интересныя развалины съ лѣтописнымъ храмомъ св. Василія и связывало ихъ съ драгоцѣнными воспоминаніями о крещеніи св. Владиміра. Въ семидесятыхъ годахъ за дѣло раскопокъ взялось Одесское Общество исторіи и древностей при денежномъ пособіи

---

[1]) Гр. Уворовъ, «Нѣск. словъ объ археолог. разыск. бл. Симферополя и Севастополя». Пропилеи IV, 1854 г.

святѣйшаго синода, сначала въ размѣрѣ 500 р., а потомъ 1000 р. въ годъ. Трудъ непосредственнаго постояннаго надзора за раскопками взялъ на себя іеромонахъ Андрей, завѣдывавшій тогда херсонскимъ монастыремъ, а для указанія и руководства пріѣзжалъ по временамъ вице-президентъ общества, г. Мурзакевичъ. Изъ монументальныхъ памятниковъ, открытыхъ вновь, преимущественное вниманіе обращали на себя опять таки церкви—то въ формѣ базиликъ, то въ византійскомъ стилѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены отличные мозаиковые полы, но что касается стѣнъ, то живописныя и мозаиковыя украшенія ихъ почти совершенно пропали для науки, что очень жаль, такъ какъ извѣстно, что въ дѣлѣ живописи Корсунь имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на Русь, и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Россіи сохранилось довольное число иконъ корсуньскаго письма. Найденныя мозаики представляютъ сочетаніе геометрическихъ фигуръ и кресты, а изъ цвѣтовъ чаще другихъ повторяются черный, бѣлый и красный. Нѣтъ сомнѣнія, что неизмѣримо важнѣе для исторіи искусства были-бы мозаики стѣнныя, но придется подождать, пока онѣ будутъ открыты. Этотъ родъ искусства пришелся какъ нельзя болѣе по вкусу художникамъ греческаго вѣроисповѣданія, отлично отвѣчая требованіямъ роскоши и прочности; строгая красота кіевскихъ мозаикъ заставляетъ желать еще настойчивѣе, чтобы и въ Корсуни были открыты памятники этого рода, такъ какъ по времени они могутъ относиться къ лучшей порѣ православнаго искусства.

Замѣчательно, что большинство открытыхъ храмовъ сложено изъ матеріаловъ, бывшихъ ранѣе въ употребленіи; стѣны ихъ сложены изъ обломковъ колоннъ и капителей (иногда съ надписями), изъ камней, носящихъ слѣды желѣзныхъ скрѣпъ, черепицы даже; бокъ-о-бокъ съ такими почтенными, историческими инвалидами нашли себѣ мѣсто простые кругляки и щебень; иногда все это скрѣплено отличнымъ цементомъ, но чаще сложено на сухо, какъ попало...

Помимо церквей, разрыты также и жилья, и хозяйственныя помѣщенія; въ погребахъ найдены запасы хлѣбнаго зерна и рыбы, сушеной и истолченной въ порошокъ; многое множество цистернъ, помимо отличнаго водопровода съ колодцами, свидѣтельствуютъ о чисто античной любви херсонитянъ къ свѣжей, здоровой водѣ. Ин-

тересно, что младшій преемникъ Херсонеса, Севастополь, открылъ водопроводъ только два года назадъ...

Изъ мелкихъ вещей находимы были въ Херсонесѣ мѣдные складные кресты, кадильницы, подсвѣчники, ручныя кольца—мѣдная и стеклянная посуда и наконецъ монеты. Изъ надписей особенно важна открытая въ 1878 г. близъ Карантинной бухты, на мраморномъ камнѣ, служившемъ подножіемъ мѣдной статуи полководцу Діофанту, разбившему скиѳскаго царя Скилура. Въ особенности историческая географія почерпнула изъ нея много весьма цѣнныхъ данныхъ.

Многократныя расхищенія памятниковъ, продолжавшіяся и въ послѣднее время, вызвали мысль объ основаніи при херсонесскомъ монастырѣ „Христіанскаго Музея“. Мысль эта нашла сочувствіе въ святѣйшемъ синодѣ и въ частныхъ лицахъ, оказавшихъ посильное пособіе для ея осуществленія. Президентъ одесскаго общества исторіи и древностей С. М. Воронцовъ пожертвовалъ музею важную для науки надпись V в., времени императора Зенона, пожаловавшаго Херсонесу значительную сумму денегъ на поддержаніе городской стѣны. Въ настоящее время „Христіанскій Музей“ есть существующій фактъ.

Изъ Севастополя въ херсонесскій монастырь считаютъ версты три. Можно отправляться или берегомъ, или на лодкѣ, если кто не боится качки. Около монастырскихъ береговъ и при выходѣ изъ севастопольскаго рейда прибой иногда бываетъ очень сильный. Море сорвало и поглотило довольное число развалинъ. Сидя на морскомъ берегу, на развалинахъ, и слушая, съ какимъ громомъ разбивались волны, я невольно задавался вопросомъ о томъ, на сколько успѣшно подвигается разрушительная работа моря? Берегъ известковый, мягкій, и обвалившіяся древнія стѣны свидѣтельствуютъ, что море не знаетъ устали. Въ самомъ дѣлѣ, не на самомъ-же берегу строилась обширная базилика, открытая гр. Уваровымъ, а между тѣмъ алтарная стѣна не существуетъ болѣе. Затѣмъ, надо думать, городская стѣна окружала когда-то городъ и съ моря, такъ какъ теперь окружаетъ она развалины съ суши: гдѣ она? Наконецъ интересовало меня слѣдующее обстоятельство. Въ двухъ мѣстахъ на морскомъ берегу существуютъ остатки древнихъ лѣстницъ, и на планахъ развалинъ ученые надписываютъ въ этихъ мѣ-

стахъ: „приставь"; но какая-же пристань—въ открытомъ морѣ? Почему-же она не въ Карантинной бухтѣ, по берегу которой открыты только одни кладбища?.. Думается невольно, что геологія могла-бы сказать кое-что интересное и для исторіи...

Городскія стѣны во многихъ мѣстахъ сохранились отлично; башни—хуже. Стѣны сложены на цементѣ, изъ такого-же сборнаго матеріала, что и въ городскихъ постройкахъ. Въ иныхъ мѣстахъ высота ихъ доходитъ до 4 сажень, а толщина превышаетъ сажень.

Входъ въ монастырь—съ южной стороны; пройдя монастырскій дворъ, входимъ въ садикъ, главная аллея котораго обставлена коллонами и разнаго рода фрагментами. Раскопки производятся въ сѣверной части города. Груды камня сразу бросаются въ глаза, какъ только выйдешь изъ сада, а надъ ними возвышается прекрасный, новый храмъ св. Владиміра, заключающій развалины того храма, въ которомъ, судя по обстоятельствамъ, крестился Владиміръ Святой. Планъ развалинъ этого храма—византійскій, крестообразный, съ абсидою въ олтарной стѣнѣ; кладка—такая-же, какъ и всюду здѣсь: остатки античныхъ колоннъ (съ каннелюрами), огромные камни, съ выдолбами для желѣзныхъ связокъ и т. п. По серединѣ развалинъ найдена купель, но она была въ такомъ печальномъ состояніи, что ее вздумали обновить.

Обокъ съ этой церковью, на право—другая, за олтаремъ—еще... Далѣе слѣдуетъ улица, пересѣкавшая городъ отъ юга къ сѣверу. Ширина ея вездѣ ровная—3 сажени; на равныхъ разстояніяхъ пересѣкаютъ ее переулки разной широты: въ сажень, 2 аршина и даже въ 1 аршинъ. На сѣверѣ улица эта упирается въ Уваровскую базилику.

Расхищены многія зданія, выходящія на эту улицу и по сосѣдству съ ней. Жилища тѣсны, складены до крайности плохо, на сухо; стѣны тонки и, что всего удивительнѣе, въ нѣкоторыхъ комнатахъ не достаетъ дверей, а оконъ почти нигдѣ нѣтъ слѣдовъ: можетъ быть въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя, и ходъ былъ особый, хотя рѣшительно не понятно, какимъ образомъ могло держаться два этажа, сложенные, какъ дѣтская постройка. Въ церквахъ и даже по улицамъ много гробницъ, весьма не глубокихъ, и многія съ костями; снаружи онѣ заваливались

камнемъ и заливались известкой; довольное число маленькихъ погребальницъ: тѣсное зданіе, въ сажень квадратную величиной, и три или четыре гробницы въ немъ. Къ западу отъ главной улицы есть развалины нѣсколькихъ базиликъ, и одна изъ нихъ, которую въ монастырѣ называютъ церковью св. Климента, сажень 20 длины. Неподалеку отъ нея интересная крещальня, построенная въ видѣ звѣзды, изъ хорошаго матеріала и на такомъ цементѣ, что стѣны сохранились въ сажень высотой, тогда какъ въ другихъ зданіяхъ онѣ рѣдко достигаютъ 2 аршинъ; на стѣнахъ замѣтны слѣды штукатурки и краски; въ полу, по срединѣ—купель; въ стѣнѣ, на лѣво отъ входа—ниша, направо—гробницы.

Сказать правду, впечатлѣнія развалинъ Херсонеса не вяжутся съ представленіемъ о его богатствѣ и роскоши. Эти обломки стараго матеріала, этотъ булыжникъ и щебень, едва слѣпленные и готовые повалиться отъ перваго толчка, имѣютъ какой-то щемящій жалобный видъ. Эти мертвые тысячелѣтніе камни говорятъ не о жизни полной силъ, а о старческомъ истощеніи, о судорожныхъ усиліяхъ жить; не чувствуешь дыханія жизни, а предсмертный вздохъ. Не знаю, чудилось мнѣ, или на яву такъ было, но въ этихъ развалинахъ я обоняю запахъ смерти, и не то, чтобы прямо трупный запахъ, а такъ какой-то почти духовный, археологическій.

Но выѣзжая изъ Херсонеса въ послѣдній разъ, я покидалъ его съ уваженіемъ. Какъ угодно, а воспоминанія великія, и, по нашему, прошлое Херсонеса—болѣе почтенное, чѣмъ очень многихъ западныхъ городовъ, которые усердно посѣщаются туристами...

На западѣ Европы много полуостровов и гнѣздъ разнаго рода; она представляетъ отдаленную, но благородную цѣль исканія народовъ. Отъ того исторія запада началась ранѣе, чѣмъ исторія востока. Удобныя границы, данныя природой, облегчали западнымъ народамъ самозащиту, и населеніе западно-европейскихъ областей проще по своему составу, устойчивѣе и крѣпче къ землѣ по привычкамъ; этимъ до нельзя облегчалось дѣло цивилизаціи и въ особенности дѣло культурнаго наслѣдованія. Наслѣдованіе на востокѣ не то: Россія по обширности своей территоріи и равнинности ея, по недостатку естественныхъ границъ съ Азіей и западомъ и по близкому сосѣдству съ первой—стала поприщемъ, гдѣ броженіе продолжалось гораздо дольше, гдѣ этнографическое разнообразіе

доходило (и доходитъ) до максимума; процессъ слiянiя народности не конченъ здѣсь еще доселѣ и не извѣстно, когда онъ будетъ оконченъ; процессъ заселенiя территорiи—также не совсѣмъ законченъ, а бродяжничество продолжалось до послѣдняго времени. Отсюда видно, сколько надо было грекамъ имѣть вѣры въ силу своей цивилизацiи и сколько смѣлости, для того, чтобы основаться на берегу Чернаго моря и въ виду неустаннаго броженiя и варварства выстоять два тысячелѣтiя, выстоять до послѣдняго издыханiя...

Но античная цивилизацiя, нацiонально-исключительная по своему характеру, успѣвъ побѣдить болѣе простое по составу населенiе запада Европы, оказалась слабою для того, чтобы остановить броженiе и ассимилировать народы на востокѣ. Здѣсь наиболѣе нужна была для дѣла прогресса религiя космополитическая, какою и явилось христiанство. На такомъ историческомъ перепутьи, какова Россiя, если и могло основаться государство, то не иначе, какъ на христiанскомъ началѣ: „нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни iудей“...

Елисаветградъ.
3 марта, 1883 г.

В. Ястребовъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ.

Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ *).

О! если-бъ могъ я вылить звукомъ
Все сокровенное во мнѣ,
Дать выраженье думамъ, мукамъ —
Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
Всѣмъ снамъ, сомнѣніямъ суровымъ,
Всю силу знаній, страсти жаръ
Могъ передать единымъ словомъ —
То былъ-бы громовой ударъ.
Но такъ какъ это лишь возможно
Въ минутномъ снѣ — не на яву,
То я умру, какъ и живу,
Съ своими думами, ничтожно,
И спрячу ихъ, забывши сны,
Какъ безполезный мечъ въ ножны.

Чайльдъ-Гарольдъ. Пѣсня 3-я, строфа XCVII. Перев. Д. Минаева.

Въ 1832 году поступилъ я въ харьковское уѣздное училище. Для меня и для жившихъ со мною соучениковъ моихъ, въ числѣ 5—6 человѣкъ, былъ нанятъ *репетиторъ*, какой-то студентъ здѣшняго университета... Говорю „какой-то“ потому, что, по тогдашнимъ моимъ

---

*) Недавно, перебирая портфель своего покойнаго отца—хранилище разнородныхъ посмертныхъ рукописей его, я остановился на полновѣсной пачкѣ бумагъ, особо связанной. Бѣгло пробѣжавъ набросанныя наскоро строки, я невольно задумался... Мнѣ вдругъ пришла на память одна историческая справка, совершенно случайно остановившая мое вниманіе во время занятій въ фундаментальной библіотекѣ здѣшняго университета, въ 1878 году. Дѣло въ томъ, что, пересматривая годовые экземпляры «Харьковскихъ Губер. Вѣдомостей» давно прошедшихъ лѣтъ,

понятіямъ объ университетскихъ студентахъ, онъ нисколько не подходилъ подъ ту мѣрку, которою измѣрялъ я школьника и великаго, какъ тогда мнѣ казалось, человѣка—студента. Нашъ репетиторъ скорѣе походилъ на бурсака: ѣлъ, какъ слонъ; университетскія лекціи переписывалъ терпѣливо, какъ оселъ, и это было его исключительное занятіе; былъ онъ неразговорчивъ, мраченъ, нисколько не занимался нами, исключая того времени, когда понукалъ насъ, и не совсѣмъ вѣжливо, твердить уроки, или, выслушивая ихъ, исправныхъ учениковъ оставлялъ безъ вниманія, а увлекавшихся не столько грамматикою, сколько зеленью расположеннаго подъ нашею хаткою огорода и дыханіемъ весенняго воздуха, удостоивалъ своимъ *вниманіемъ*... Пали, розги—были для многихъ изъ насъ тоже, что былыя *субботки* въ бурсѣ... Намъ стало невтерпежъ, мы стали жаловаться... Репетитора смѣнили. Явился другой, но оказался не лучше. Дождались мы третьяго—чуть-ли не хуже прежнихъ.

я наткнулся на одну заинтересовавшую меня статью. Это было «Описаніе харьковской губерніи» С. И. КоваНько, напечатанное въ неофиціальной части «Харьк. Губ. Вѣд.» за 50-е года. Въ статьѣ этой авторъ, характеризуя харьковское общество начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, упоминаетъ, между прочимъ, о разныхъ, такъ называемыхъ, романическихъ происшествіяхъ: о самоубійствахъ отъ любви и т. п., какъ о слѣдствіяхъ того, что харьковцы этого времени будто-бы слишкомъ увлекались такими сочиненіями, какъ «Коварство и Любовь» Шиллера, «Вертеръ» Гете и проч. При этомъ въ статьѣ г. Кованько есть намекъ на случай самоубійства студента медицинскаго факультета здѣшняго университета... Этотъ-то студентъ, по всѣмъ догадкамъ, и есть та личность, которая была избрана героемъ отысканнаго мною посмертнаго очерка моего отца. Содержаніе очерка показалось мнѣ имѣющимъ извѣстную долю общаго интереса, не столько впрочемъ какъ характеристика харьковцевъ какого-бы то ни было вѣка, сколько какъ психологическое явленіе въ жизни человѣка вообще. Рѣшаясь поэтому напечатать этотъ посмертный очеркъ отца, я, на всякій случай, считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о приложенной къ рукописи оговоркѣ автора, что фамиліи дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи нѣсколько видоизмѣнены и что родственники и близкіе имъ люди не существуютъ. Самый очеркъ написанъ авторомъ въ 1862 году. Я измѣнилъ лишь заглавіе очерка, который въ рукописи былъ названъ именемъ и фамиліею героя: «Михайло Яковлевичъ Старолюдскій», и замѣнилъ переводъ эпиграфа къ очерку (XCVII строфа 3 пѣсни Чайльдъ-Гарольда) другимъ: вмѣсто неуклюжаго подстрочнаго перевода кн. Вяземскаго я взялъ стихотворный переводъ Д. Минаева.—

А. А. Барымовъ.

Живо я помню, какъ мы радовались, когда насъ, послѣ долгаго зубренья убійственно-сухихъ книжонокъ, на которыя не падала ни одна капля живого слова изъ устъ педагога, выпускали, наконецъ, погулять—побѣгать по двору, перескочить въ бѣдный теперь, но тогда великолѣпный въ моихъ глазахъ огородъ, поиграть въ прятки. Ну, словомъ, каждая смѣна репетитора насъ радовала... Но пришла пора намъ и плакать объ этой смѣнѣ, и причиною этого былъ Михайло Яковлевичъ Старолюдскій.

Въ 1833 году поступилъ къ намъ репетиторомъ *онъ,* М. Я. Старолюдскій. Какъ ни радовались мы перемѣнѣ репетитора, въ надеждѣ встрѣтить *человѣка,* но все таки, при появленіи къ намъ Старолюдскаго, смотрѣли на него довольно недовѣрчиво... Кроткое лицо и ласковая рѣчь новаго лектора скоро разсѣяли эту недовѣрчивость, и не прошло мѣсяца послѣ его появленія въ нашемъ кружкѣ, какъ мы привязались къ нему со всею искренностью молодыхъ, благодарныхъ добротѣ сердецъ.

М. Я. Старолюдскій былъ лѣтъ 20 съ небольшимъ, довольно плечистый, средняго роста, сколько могу припомнить и сообразить теперь (многіе изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ въ то время, являлись, впослѣдствіи къ величайшему моему изумленію, вовсе не такого роста, какой рисовался въ моихъ дѣтскихъ глазахъ: гигантъ оказывался приземистымъ). Черты его лица вообще были обыкновенны, но оно отличалось добрымъ, кроткимъ, симпатичнымъ выраженіемъ. Особенно пріятна была его улыбка, съ которою онъ постоянно обращался къ намъ въ разговорахъ съ нами. Нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя губа его придавала ему видъ какого-то грустнаго недовольства. Любимая одежда его была—сюртукъ сѣраго сукна, перехваченный ременнымъ поясомъ со стальною пряжкою. Бѣлые откидные воротнички его рубашки стягивались едва замѣтнымъ легкимъ галстучкомъ, такъ что шея его вся была открыта. Полновѣсный галстухъ называлъ онъ ошейникомъ.

Запуганные суровостью и нелюдимостью прежнихъ нашихъ репетиторовъ, привыкшіе видѣть въ нихъ постоянно героевъ ругательствъ, линеекъ и розогъ, мы сначала съ недоумѣніемъ смотрѣли на кроткое

обращеніе съ нами Михаила Яковлевича, недовѣрчиво слушали его ласковыя рѣчи. Бывало забуянитъ Миша Хлоповъ или напроказитъ Ѳедя Худошинъ,—Терентій, слуга и дядька нашего кружка, идетъ съ жалобою къ Михаилу Яковлевичу. Ждемъ грозы, не тутъ-то было! Наставникъ нашъ призоветъ къ себѣ провинившагося и вотъ чѣмъ наказываетъ его: „на васъ жалуются, сударь? Стыдно вамъ, сударь, что вы довели себя до этого! Пусть-же это будетъ вамъ наказаніемъ!" И это наказаніе впослѣдствіи сдѣлалось для насъ больнѣе линеекъ и розогъ, и мы старались избѣгать его.

Бывало, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ той минуты, когда репетиторъ уйдетъ со двора. Только что захлопнется за нимъ фортка, мы книги въ сторону, на дворъ, въ огородъ, кто куда попало, и нерѣдко прибѣгали къ благороднымъ рыцарскимъ упражненіямъ—къ кулачкамъ. Съ появленіемъ-же у насъ Михаила Яковлевича все измѣнилось: мы не только привыкли къ страшному такъ недавно присутствію репетитора, но даже скучали безъ него и съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія. Покажется онъ на форточкѣ—мы, какою-бы интересною игрою ни были заняты на дворѣ, бросаемъ все и съ веселымъ крикомъ: „Михайло Яковлевичъ пришелъ!" бѣжимъ къ нему на встрѣчу и идемъ за нимъ въ комнату. Что-же насъ манило туда? Разсказы и—кто-бы повѣрилъ? книги, книги, отъ которыхъ давно-ли бѣжали мы съ отвращеніемъ. Да, въ первый разъ, по милости Михаила Яковлевича, взглянули мы на книги не тѣмъ враждебнымъ взглядомъ, которымъ пріучили насъ глядѣть наши прежніе суровые педагоги. Онъ собиралъ насъ вокругъ себя, ложился на плохонькую кровать въ низенькой, съ бревенчатыми стѣнами комнатѣ, разсказывалъ намъ—не помню что̀, но очень хорошо знаю, что разсказы его занимали насъ въ высшей степени. Чаще онъ читалъ намъ. Читалъ онъ преимущественно Пушкина и Шекспира: „Гамлета" (котораго онъ въ особенности любилъ) въ переводѣ Врон-ченко, „Лира" въ переводѣ Якимова. Что̀ мы, дѣти, могли понимать въ Шекспирѣ? Но чтеніе Михаила Яковлевича всегда дополнялось разсказами и объясненіями, и мы, если не вполнѣ понимали автора, то, изъ словъ чтеца, угадывали красоты сочиненія и были близки къ сознательному пониманію ихъ. Отбросивъ книгу, онъ снова заводилъ съ нами бесѣду. Живо помню, какъ одинъ разъ поразилъ онъ насъ во-

просомъ: „Скажите, отчего мы, мужчины, любимъ женщинъ?“ Невѣжды въ отношеніи къ духовной сторонѣ этой любви, но уже порядочно знакомые съ другою стороною ея, мы съ изумленіемъ и отчасти со страхомъ (нѣкоторые даже со стыдомъ) переглянулись между собою. Онъ замѣтилъ наше смущеніе, улыбнулся своею кроткою, милою улыбкою и началъ намъ объяснять причину любви мужчинъ къ женщинамъ. Не могу теперь припомнить ни одного слова изъ его объясненій, но знаю, что мы услышали вовсе не то, что ждали услышать: и новы, и пріятны были намъ слова его...

Не могу вспомнить безъ глубокой благодарности за себя и за другихъ, имѣвшихъ близкія отношенія къ Михаилу Яковлевичу, о томъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою отеческою какъ-бы радостью слѣдилъ онъ за проявленіемъ какой-нибудь способности въ своихъ воспитанникахъ! Одинъ изъ насъ вздумалъ накропать стишки. Мы постарались довести ихъ до свѣдѣнія репетитора. Стиховъ онъ не похвалилъ, но совѣтывалъ маленькому автору ихъ не оставлять поэтическихъ занятій. „Прекрасно быть поэтомъ, сказалъ онъ, но поэтомъ истиннымъ; а кто знаетъ, чѣмъ вы можете быть? Пишите и показывайте мнѣ свои стихи“. Другой изъ насъ имѣлъ страсть къ рисованію, и Михайло Яковлевичъ ободрялъ ее всѣми силами. Онъ доставалъ ему краски, картины для копированья и, критикуя безпощадно каждую неудачную попытку юнаго живописца, постоянно твердилъ ему: „Прекрасная вещь живопись! У васъ, я замѣчаю, есть къ ней способность. Не бросайте ея! Богъ вложилъ въ васъ эту способность, и Онъ накажетъ васъ, если вы пренебрежете ею!“ Самъ онъ не занимался ни писаніемъ стиховъ, ни рисованіемъ. Эгоистической причины къ побужденію заниматься тѣмъ или другимъ, слѣдовательно, не было.

Года два былъ онъ у насъ репетиторомъ. Подъ конецъ своихъ занятій съ нами, онъ началъ чаще и чаще задумываться, рѣже бесѣдовалъ съ нами... Вообще я не замѣтилъ, чтобы онъ прилежно занимался студенческими тетрадками, быть можетъ, потому, что у него была, какъ я не разъ замѣчалъ, прекрасная память. Студентъ медицинскаго факультета, онъ очень не лестно отзывался о медицинѣ, какъ о наукѣ *шаткой*...

Онъ страстно любилъ музыку и театръ. Въ театръ онъ нерѣдко бралъ меня съ собою (ко мнѣ, не помню почему, онъ обнаруживалъ особенное расположеніе). Мнѣнія его о театрѣ изобличали въ немъ, какъ теперь вижу, знатока сценическаго искусства. Когда только что появился на сценѣ нашего театра Рыбаковъ, и мы увидѣли его въ драмѣ Шиллера „Марія Стюартъ", въ маленькой роли рыцаря Паулета, Михайло Яковлевичъ, слѣдя внимательно за его игрою, замѣтилъ, что онъ не умѣетъ читать стиховъ, но современемъ, поучившись, можетъ быть очень хорошимъ актеромъ. Это и сбылось.

Чѣмъ ближе подходила наша разлука съ нимъ, которой никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, тѣмъ продолжительнѣе и мрачнѣе дѣлалась его задумчивость. Разъ, недѣли за двѣ до вѣчной разлуки съ нами, онъ сказалъ намъ, что видѣлъ во снѣ своего покойнаго отца, который звалъ его къ себѣ.. Потомъ, черезъ нашего, теперь покойнаго, дядьку Терентія, добылъ онъ себѣ пороху... За недѣлю до того, какъ мы разстались съ нимъ, я прибѣжалъ къ нему съ радостнымъ восклицаніемъ: „Михайло Яковлевичъ, нынче играютъ вашу любимую „Марію Стюартъ"! Пойдемте!" Онъ глубоко задумался и, наконецъ, сказалъ, какъ будто проснувшись: „пойдемте, въ послѣдній разъ!" „Это почему?" спросилъ я. „Такъ!"... отвѣчалъ онъ нехотя.

Дня за три или за четыре до катастрофы, поздно вечеромъ, когда мои товарищи уже спали, я и Михайло Яковлевичъ сидѣли за столомъ другъ противъ друга, при нагорѣвшей свѣчѣ. Онъ положилъ свои мощныя руки крестообразно на столъ, а на нихъ—голову; я сидѣлъ напротивъ него и чертилъ что-то карандашемъ на бумагѣ. Онъ вдругъ поднялъ голову, откинулъ ото лба свои довольно длинные бѣлокурые волосы, посмотрѣлъ на мое рисованіе и сказалъ: „рисуйте мой портретъ!" Я немножко сконфузился и, запинаясь, отвѣчалъ: „я не умѣю... я плохо рисую"... „Ничего, возразилъ онъ: хоть какъ нибудь, а не то вы вѣдь скоро меня забудете"...

14 числа октября пришелъ онъ къ моей матери и сказалъ, что онъ оставляетъ должность репетитора, потому что ему нужно заняться съ его меньшимъ братомъ...

Нужно замѣтить, что онъ и его воспитанница квартировали въ домѣ моихъ родственниковъ, съ которыми проживалъ и я. Его мачиха

и замужняя тетка, ея родная сестра, Софья Доре, съ своими семействами жили недалеко отъ нашего дома.

Мать моя, дорожа такимъ наставникомъ, какъ Старолюдскій, стала упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ своихъ занятій со мною,—чтобы, по крайней мѣрѣ, позволилъ мнѣ ходить къ нему для занятій. Нехотя, послѣ долгихъ колебаній, онъ согласился... Это было вечеромъ. Когда онъ сидѣлъ у моей матери, мы, его ученики, печально собралися въ особомъ флигелькѣ, на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ жилъ онъ и мои товарищи по училищу. . Теменъ и грустенъ былъ осенній вечеръ; но еще грустнѣе его были мы: мы знали, что добрый Михайло Яковлевичъ оставляетъ насъ! Сидѣли мы молча... Вотъ отворяется дверь, на порогѣ является нашъ добрый Михайло Яковлевичъ... Онъ остановился въ дверяхъ, сдѣлалъ усиліе улыбнуться, но когда увидѣлъ насъ печальными—глаза его подернулись слезами. Мы разомъ всѣ заплакали. Тогда онъ тихо засмѣялся, подошелъ къ намъ... „Ну, что-жъ пригорюнились, что плачете? Увидимся!“ Потомъ онъ перецѣловалъ всѣхъ насъ, сказалъ отрывисто: „будьте счастливы!“ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Больше мы его ужъ не видѣли!

На утро я иду къ нему въ его новую квартиру, для занятій—не застаю дома. На другой день—тоже, на третій—тоже. Но на этотъ разъ я замѣтилъ, что его мачиха и ея прислуга—всѣ въ какомъ-то разстройствѣ, съ заплаканными глазами... Кто-то сказалъ мнѣ, что Михайло Яковлевичъ *очень боленъ*... Наконецъ слышимъ, что Старолюдскій вмѣстѣ съ своею теткою исчезъ неизвѣстно куда, и вотъ въ городѣ зашумѣли, что они—*застрѣлились!*

И трупы ихъ нашли близь теперешняго Холодногорскаго кладбища, на Лысой горѣ...

Вотъ извлеченіе изъ тѣхъ свѣдѣній, какія успѣлъ я собрать объ этомъ происшествіи.

15 октября было доведено до свѣдѣнія правленія университета о томъ, что студентъ Михайло Старолюдскій отлучился изъ г. Харькова съ своею родственницею, Софьею Доре, по дорогѣ на Холодную гору, *съ цѣлью лишить себя жизни.* Правленіе университета сообщило объ этомъ харьковскому полиціймейстеру. По распоряженію по-

лиціймейстера, а также земскаго суда, было наряжено сорокъ человѣкъ понятыхъ для розысканія пропавшихъ. Послѣ аккуратныхъ и продолжительныхъ розысковъ, уже 20 октября, Старолюдскій и Доре были отысканы на Холодной горѣ—застрѣлившимися.

Искали ихъ почти цѣлую недѣлю. Если взять во вниманіе, что мѣсто ихъ самоубійства было въ точности извѣстно, то нельзя не удивляться такой продолжительности розысковъ, тѣмъ болѣе, что со стороны полиціи были приняты дѣятельныя для этого мѣры. Говорили въ то время, что несчастные любовники, оставивъ въ послѣдній разъ Харьковъ, посѣтили ближній къ нему (въ 8 верстахъ) куряжскій монастырь, исповѣдывались тамъ и причащались... Въ 9-мъ часу утра 20 числа мальчикъ-пастухъ, гоня свое стадо мимо урочища Лысой горы, увидѣлъ между кустами застрѣлившихся: „дивись, дядьку! сказалъ онъ своему спутнику,—павы въ кущахъ сплять"...

Трупы лежали на взлѣсьи, около версты отъ заставы. *Онъ* лежалъ на правомъ боку; лѣвая рука его покоилась на *ея* груди. Былъ онъ одѣтъ въ шинель темно-сѣраго сукна, въ студенческій вицъ-мундиръ, подпоясанный кожанымъ кушакомъ со стальною пряжкою. Газовый жилетъ и рубашка на груди были разстегнуты; подъ бокомъ у него лежала трубка съ чубукомъ.

Она лежала рядомъ съ нимъ навзничь, въ малиновомъ платьѣ, стянутомъ такимъ-же кушакомъ, какъ и онъ, въ капотѣ съ теплымъ воротникомъ. По лѣвую сторону отъ нихъ лежала пара новыхъ пистолетовъ, безъ зарядовъ, со спущенными курками...

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ нашли у него, на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, рану величиною въ діаметрѣ пальца въ два (такъ сказано въ медицинскомъ актѣ); на правой сторонѣ лица синеватое пятно. Въ боковомъ карманѣ вицъ-мундира отыскали двѣ пули и пороху заряда на два, а также два письма съ заглавіями: одно—„Судьямъ нашихъ труповъ" и другое—„Друзьямъ моимъ", и два печатныхъ листка.

У нея на срединѣ груди оказалась рана меньшей величины, чѣмъ у него; тѣло ея по направленію отъ раны къ шеѣ было обожжено порохомъ.

Лѣтъ имъ, по наружности, дали: ему—25, а ей—за 30

При разслѣдованіи, по поводу этого происшествія, было открыто слѣдующее.

15 октября, часа въ три послѣ обѣда, Софья Доре, проводивъ куда-то своего мужа, позвала къ себѣ свою крестьянку Ульяну Павлову и, одѣваясь, при ея помощи, сказала, что пойдетъ на имянины. Одѣвшись, она вышла за ворота и ожидала извощика, за которымъ послала жившаго въ домѣ Доре мальчика Володьку. При ней въ это время были ея дѣти. Когда пріѣхалъ извощикъ, она простилась съ дѣтьми, заплакала, сѣла на дрожки и поѣхала.

На другой день г. Доре встревожился продолжительнымъ отсутствіемъ своей жены, сталъ распрашивать прислугу и узнавъ, что она посылала мальчика за извощикомъ, розыскалъ того извощика, за которымъ посылала. При допросѣ извощикъ показалъ, что наканунѣ, послѣ обѣда, возилъ онъ какую-то барыню на Холодногорское кладбище. Когда онъ пріѣхалъ туда съ нею, она сошла съ дрожекъ, приказала ему подождать, а сама пошла на кладбище, ходила между памятниками и крестами и читала надписи. Минутъ черезъ десять послѣ этого, подъѣхалъ къ кладбищу, на извощикѣ, какой-то баринъ въ сѣрой шинели и спросилъ прежде пріѣхавшаго извощика: „кого ты привезъ?“ „Барыню“, отвѣчалъ извощикъ. Узнавъ, что ему не заплачено, баринъ далъ по цѣлковому обоимъ извощикамъ, сказалъ: „ступайте, васъ больше не надо!“ и пошелъ на кладбище.

При дальнѣйшемъ разъясненіи этого случая, М. И. Старолюдская показала, что она живетъ въ одномъ дворѣ съ Софьею Доре, только въ особомъ отъ нея флигелѣ. 15 октября, пополудни, приходила она къ своей сестрѣ Софьѣ, которая въ это время одѣвалась. На ея вопросъ: „куда ты идешь?“—Софья отвѣчала: „погостить къ Каш—мъ“. На другой день пришелъ къ ней, говорила Старолюдская, мужъ ея сестры и сказалъ, что его жена поѣхала на кладбище и тамъ осталась одна. Она этому не повѣрила, но потомъ узнала, что ея сестра у Каш—выхъ не была, а вскорѣ были отысканы у Софьи Доре три собственноручныхъ письма ея и одно—Старолюдскаго, изъ которыхъ узнала она, что ея сестра и пасынокъ рѣшились умертвить себя...

Старолюдская увѣряла, что, живя съ своею сестрою, она никогда не замѣчала ссоры между сестрою и ея мужемъ. Иногда онъ, подозрѣвая свою жену въ связи съ М. Я. Старолюдскимъ, дѣлалъ ей за то выговоры...

Всѣ, жившіе въ домѣ Доре, единогласно сказали, что они ничего неприличнаго или подозрительнаго не замѣтили между застрѣлившимися.

Г. Доре оправдывался такъ: „женившись на Софьѣ, онъ жилъ съ нею, какъ повелѣваетъ долгъ супружества и любилъ ее, какъ истинную жену, а она была предана ему, какъ истинному другу". Въ удостовѣреніе этого онъ показалъ письмо, писанное къ нему, во время его отлучки, женою, по истеченіи десятилѣтняго супружества, при троихъ живыхъ дѣтяхъ... „Потомъ, увѣрялъ далѣе г. Доре, любовь жены къ нему перемѣнилась, и она, „забывъ обязанности матери и оставивъ дѣтей безъ призрѣнія, занималась болѣе студентомъ Старолюдскимъ, который, какъ родственникъ, былъ въ то время принятъ для занятій съ сыномъ его, Доре... Не разъ онъ просилъ свою жену оставить предосудительное поведеніе съ молодымъ Старолюдскимъ, но она не слушала этихъ просьбъ... и въ концѣ того года такъ охладѣла къ нему и къ дѣтямъ, что, передъ своимъ побѣгомъ изъ дому, призналась ему, что его вовсе не любитъ, а къ дѣтямъ питаетъ отвращеніе, и вотъ, наконецъ, довершила, несмысленная, плоды праздности и вольнаго обращенія и заставила его, т. е. г. Доре, мучиться на цѣлую жизнь" и пр. и пр. „Если-же, спѣшилъ прибавить къ этому объясненію г. Доре, она въ своихъ письмахъ, найденныхъ послѣ ея смерти, и написала, что до самоубійства довело ее обращеніе съ нею ея мужа, то это она сдѣлала единственно къ оправданію своему, и письма ея не заслуживаютъ никакого довѣрія".

За то, какъ письмо, заслуживающее высочайшаго довѣрія, рекомендовалъ г. Доре цѣлый полулистъ почтовой бумаги, исписанный почеркомъ *нѣсколько сходнымъ* съ почеркомъ его жены.

Письмо это, какъ значится изъ многихъ *обстоятельныхъ* помѣтъ, было написано къ нему въ іюлѣ 1835 года. Оно наполнено необыкновенными нѣжностями къ отцу и дѣтямъ, фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „какъ не любить такихъ дѣтокъ! Суди самъ: *какой долженъ быть извергъ отецъ или мать, которые не любятъ этихъ невинныхъ крошекъ! Но благодаря Бога, этого и насъ нѣтъ.*

и я всякій разъ благодарю Создателя *о ниспосланіи мнѣ такого нѣжнаго супруга,* который"... и пр. и пр. и пр., все въ такомъ родѣ. Тутъ-же слегка упоминается о томъ, что Коля, благодаря Михайлу Яковлевичу, каждый день занимается писаньемъ, потому что Старолюдскій каждый день приходитъ къ нимъ и ей всегда приноситъ хорошія книги...

Вотъ письма, найденныя послѣ смерти *ея* и *его.*

Письма Софьи Доре.

„Милая, любезная сестра, Машенька! прости, что я тебя такъ часто обманывала! Ты чиста и невинна, ты ничего не подозрѣвала. Забудь, забудь сестру свою, забудь всѣ горести, которыя я тебѣ причинила! Будь тверда, уповай на Бога, какъ ты всегда уповала. Ты теперь нужна не для одной Анюты, но и для моихъ крошекъ. Ахъ, прошу, со слезами прошу тебя, будь имъ матерью и живи для нихъ, заступи имъ мое мѣсто. Ахъ, другъ единственный! смотри за моими дѣтьми, воображай ихъ своими. Смотри за ихъ чистотой, за нравами и скрой отъ нихъ мой поступокъ. Ахъ, заступи имъ мать! Особенно, мою Настеньку возьми къ себѣ... Будь ласкова съ моимъ мужемъ... Исполни мою послѣднюю просьбу о дѣтяхъ, а если не исполнишь— Богъ накажетъ тебя! Кланяйся моимъ знакомымъ, Барэ—мъ, Сухи—мъ, Кащ—мъ, Натальѣ Алексѣевнѣ и скажи ей, что я ей простила мое замужество. Прощай! Мы ужъ не увидимся. О, исполни, исполни мои просьбы на счетъ дѣтей! Не выходи замужъ. Ты знаешь, каково замужемъ. Постарайся, чтобы тѣла наши были вмѣстѣ положены въ могилу... Не продавай дома до возраста моихъ дѣтей... Въ бюро, въ зеленомъ платьѣ, въ лоскуткахъ найдешь 700 рублей. Сто изъ нихъ роздай бѣднымъ и дворовымъ... Не трогай дѣтей моихъ, особенно въ первое время, пока меня забудутъ... Ахъ, будь имъ мать, не различай ихъ отъ своихъ дѣтей; смотри, чтобъ каждую субботу ихъ купали, чтобъ люди не обижали... Прощай! Прощай!"

„М. г., Григорій Осиповичъ! Когда вы будете читать эти строки, я уже не буду подлежать вашимъ велѣніямъ. Такъ, государь мой, ваши поступки со мною довели меня до такого положенія! Богъ видѣлъ, что я не могла сносить всего, что вы со мною дѣлали. Но я васъ прощаю, ибо вы не понимали меня. Простите-жъ и мнѣ мой невольный поступокъ! Но я была благородна и умираю такою. Послѣдняя моя просьба къ вамъ: если можете, то не женитесь, это сдѣлаете лучше. Скройте отъ дѣтей мой поступокъ, скажите имъ, что я не умерла, а куда нибудь уѣхала. Они меня забудутъ, а то будутъ худыя послѣдствія—вы знаете, какъ они ко мнѣ привязаны. Еще прошу васъ—удаляйте моихъ дочерей отъ книгъ и мужчинъ до замужества, и не принуждайте ихъ выходить замужъ ни угрозами, ни уговорами. Обходитесь съ ними ласково. Мои вещи и брилліанты... (тутъ слѣдуютъ распоряженія касательно имущества). Я пойду прогуливаться въ Валковскій лѣсъ или въ Кащенковъ. Тамъ ищите меня. Простите меня, вы много причиною этого. Желаю вамъ всѣхъ благъ и остаюсь себѣ принадлежащая Софья".

„Любезныя дѣти мои, Николай и Надежда! Благословляю васъ и Настасью! Любите другъ друга, будьте послушны папинькѣ, дѣдинькѣ и тетинькѣ, какъ мнѣ; уважайте старшихъ. Ты, Николай, люби сестеръ своихъ, защищай ихъ и чаще читай тѣ наставленія, которыя я тебѣ переписала. О, милые ангелы мои! молитесь какъ можно чаще за вашу мать: ваши чистыя молитвы будутъ услышаны. Будьте кротки, не забывайте бѣдныхъ, какихъ-бы то ни было. Прощайте, да благословитъ васъ Богъ. Не плачьте за мною—вы знаете, что у Бога лучше, это я вамъ сколько разъ говорила".

Письма Старолюдскаго.

„Почтенная маменька! Простите, простите, простите меня! Я васъ обманывалъ моимъ равнодушіемъ. Я любилъ невыразимо милую, достойную обожанія Софью. Любовь моя чиста, какъ молитва праведнаго. Первая любовь сильна, а я люблю въ первый разъ, люблю до изсту-

пленія. Добрая маменька, я былъ вамъ покоренъ, я хотѣлъ посвятить всю жизнь свою для васъ—это долгъ мой. Вы были избраны моимъ отцомъ, слѣдовательно, я долженъ былъ любить васъ, какъ родную мать. Я старался быть безпримѣрнымъ пасынкомъ... Если я оскорблялъ васъ тѣмъ, что отказывался жить у васъ, *то этому имѣлъ причины сильныя.* Вы ихъ должны знать. Анюта, прости: я долженъ былъ сдѣлать для тебя многое и не сдѣлалъ ничего. Предавшись непреоборимому, я не видѣлъ многаго, касавшагося до моей обязанности. Прости меня, добрая мать, да наградитъ тебя Богъ силами перенести поступокъ сына твоего. Богъ мнѣ проститъ, и ты, матерь, простишь конечно. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте обо мнѣ. Мой духъ будетъ носиться надъ вами и просить Бога, да благословитъ васъ. Скажите моему безцѣнному брату, что я любилъ его, мучился безъ него, пока новое чувство не овладѣло мною. Шутя когда-то я говорилъ вамъ о моихъ похоронахъ—вы помните? Пусть Г. О. проститъ меня, что я похитилъ у его семейства мать. Онъ самъ виноватъ всему. Онъ насильно бросилъ мнѣ жену свою, и я не могъ не принять ее. Не сдѣлай онъ бѣшенаго поступка—ничего-бы не было, что было. Но онъ проститъ насъ; упросите его, иначе и ему не быть спокойну. Похороните насъ вмѣстѣ, въ одной могилѣ, въ одномъ гробѣ, если можно. Я долженъ быть въ мундирѣ, *она*—въ своемъ любимомъ платьѣ... Желалъ-бы я, чтобъ она и я имѣли на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ; покрывала должны быть бѣлыя, гробы бѣлые—въ знакъ нашей невинности. Избѣгайте пышности погребенія—это лишнее. Я и она любили музыку, а потому, прошу васъ, если мои товарищи не догадаются сами, нанять духовую музыку. Вы этимъ утѣшите насъ, вы сами почувствуете облегченіе: вы угодите намъ, а *угождать отрадно.* Мама, не плачьте! Чуть двинутъ наши тѣла, то музыканты пусть играютъ маршъ на смерть Людовика. Тѣла наши прикажите нести мимо моей квартиры, и здѣсь пусть остановится шествіе, и противъ моего жилища пусть сыграютъ панихиду Моцарта. Когда тѣла наши опустятъ въ могилу—пусть заиграютъ увертюру изъ Фрейшюца. Этимъ вы облегчите бывшія наши земныя страданія. Маменька, исполните, молю васъ, мою просьбу: она не прихоть... Я любилъ музыку. Если можно, похороните насъ, но непремѣнно вмѣстѣ, подъ Валковскимъ лѣсомъ... Я прошу васъ

только объ одной музыкѣ... Если согласятся родители, то пусть позволятъ дочерямъ своимъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, сопровождать тѣла наши. Меня будутъ нести товарищи, С. Ив. не лишится этой чести, воздаваемой истинной любви. Но музыка пусть будетъ непремѣнно! Голова моя горячится, грудь болитъ, волненіе крови... Уже часъ по полуночи. Итакъ, отдохну еще земнымъ покоемъ. Прости, мама! Простите всѣ! Я желалъ всѣмъ дѣлать добро и, по возможности, дѣлалъ. Хозяинъ моей квартиры, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ доскахъ для двухъ гробовъ: онъ меня уважалъ и не пожалѣетъ дать дерева для бывшаго наставника его сына. Вы только скажите ему, что я просилъ его, то онъ не откажетъ. Гробы могутъ сдѣлать его мастеровые, изъ коихъ я нѣкоторымъ помогалъ. Моимъ Софьѣ Яковл. и Ивану Акимов. напишите, чтобы они не плакали, а чтобы поминали, какъ брата, какъ друга. Пусть простятъ они меня! Степанъ Никитичъ, тетинька, Андрюша и всѣ мои родственники—пусть простятъ меня! Саша, милый Саша, прости! Отдайте шинель студенту Соколг—му, я у него взялъ уже давно отъ дождя. Со мною часы. Трубка дорожная пусть будетъ наслѣдствомъ Полит—го. 14 октября 1835 г., въ понедѣльникъ.

„Друзья мои! Поэзія—мечта и дѣльному занятію мѣшаетъ!.. Простите меня, что я васъ лихо поддѣлъ. Вы видѣли меня равнодушнымъ, хладнокровнымъ, но теперь знайте, что наружность бываетъ обманчива. О, сколько стоило мнѣ труда казаться покойнымъ, когда я былъ у васъ. Благодаря вашей веселости, я былъ съ вами веселъ. О, други, помяните меня тѣмъ, что я любилъ... *Прекрасенъ этотъ міръ, прекрасные въ немъ люди есть—и я оставляю этихъ людей прекраснаго міра!* Простите!—Пожалуйста, смѣйтесь, когда судьба пошлетъ къ вамъ на встрѣчу Полт—ва: этотъ смѣхъ и мнѣ будетъ отраденъ. Когда увидите Мурл—на, то вспомните анекдотъ о квартальномъ, десятскомъ и пьяномъ—тогда и мнѣ будетъ весело. Я вамъ много кой-чего написалъ-бы, но время дорого, пистолеты ждутъ, чтобы дѣствовать ими. Простите! Хороните насъ съ музыкою, а не со слезами. Не оставьте моей доброй матери, утѣшьте ее!—Вы знаете меня хорошо,

но не проникнули въ мои чувства, въ душу въ послѣдніе дни нашего свиданія. Я боялся вамъ открыть мои намѣренія, чтобы не пустились съ педагогической важностью уговаривать, читать мнѣ мораль, заставлять выбросить дурь изъ головы и т. д. Я не безуменъ, ибо... Но чѣмъ я могу оправдаться? Тысячи благочестивыхъ закричатъ, что я безуменъ, слѣдовательно, какъ мнѣ слабымъ голосомъ перекричать ихъ!—Ваня, Костя, Николай, Тихонъ, Константинъ и всѣ мои друзья добрые, задушевные, прощайте! Ну, кто изъ васъ вызовется сказать мнѣ: я надулъ тебя? Не вы, а я васъ надулъ! Но вы простите меня!—Курите, думайте, и поминайте меня поэзіей, пирогами, трубкою, смѣхомъ, крикомъ, виномъ, медициною, охотою и всѣмъ! Стихи „Байронъ" Вяземскаго я желалъ-бы, чтобы были у Тихона".

Судьямъ нашихъ труповъ.

„Есть много непонятнаго въ семъ мірѣ. Напрасно вы будете изслѣдовать—какая внѣшняя причина заставила насъ рѣшиться на поступокъ, слѣдствіемъ коего, какъ видите, два трупа. Причины эти заключаются въ насъ самихъ; никто объ этомъ не знаетъ и не узнаетъ. Я купилъ порохъ, пистолеты и пули у знакомаго мнѣ купца, котораго уже нѣтъ въ Харьковѣ. Совѣтниковъ, помощниковъ я не имѣлъ; тѣмъ болѣе она не имѣла въ нихъ нужды. Я читалъ давно уже, что въ Кіевѣ есть мощи святаго, кажется Іоанна Многострадальнаго, который, будучи чрезвычайно страстенъ, лишилъ самъ себя жизни; слѣдовательно самоубійство не всегда противно Богу, и вы не можете доказать, что нашъ поступокъ не будетъ угоденъ Богу. Богъ есть любовь, говоритъ священное писаніе. Этому-то Богу чистѣйшей любви мы приносимъ въ жертву свою любовь чистую, платоническую, приносимъ потому такимъ страннымъ обрядомъ, что, видя непрочность всего подлуннаго, опасаемся, чтобы наша любовь не измѣнилась. Мы совершили вѣнчальный обрядъ, не вошедшій въ употребленіе, но не все, вошедшее въ употребленіе, есть похвальное, честное, чистое. Будьте живы и счастливы и помните, что вы смертны! Не издѣвайтеся надъ нашими трупами. Мы теперь духи, взирающіе на вашъ судъ надъ нашими тѣлами. Мы были спокойны, не чувствовали угрызеній совѣсти, слѣдовательно, мы

духи свѣтлые, свѣтоносные. Мы вѣрили въ Бога Тройственнаго, любили Его и въ жертву Ему приносимъ нашу любовь земную, чтобы Онъ наградилъ насъ вѣчною, небесною, неизмѣняемою!“

При этихъ письмахъ въ карманѣ Старолюдскаго найдены два печатныхъ листка, вырванныхъ изъ журнала „Московскій Телеграфъ“. Въ нихъ напечатанъ отрывокъ изъ стихотворенія князя Вяземскаго „Байронъ“, съ эпиграфомъ, который взялъ я за эпиграфъ настоящаго очерка...

Въ отрывкѣ, между другими, есть слѣдующіе стихи:

„Мысль всемогуща въ насъ; но тотъ, кто мыслитъ, слабъ;
Мысль независима, но времени онъ рабъ.
Какъ искра вѣчности, какъ пламень безпредѣльный,
Съ небесъ запавшая она въ сосудъ скудельный:
Иль гаснетъ безъ вѣсти, или сожжетъ сосудъ“.

Уѣздный судъ, разсмотрѣвъ слѣдствіе объ этомъ происшествіи, порѣшилъ: „какъ изъ дѣла *ясно видно,* что студентъ Старолюдскій, бывши домашнимъ учителемъ у Доре, возъимѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ любовную страсть, тайно хранимую отъ мужа ея, который, примѣчая о семъ, хотя и упрекалъ свою жену, но совершенно дознаться не могъ, а сіе чувствуя, они, Софья Доре и Старолюдскій, и страшась постыднаго надъ собою нареканія, рѣшились на произвольное убивство, и какъ въ семъ преступномъ дѣйствіи участниковъ не обнаружено, то таковой случай убивства, на основаніи 2 части, 5 главы, 9 и 10 пунктовъ Воинскихъ процессовъ, предавъ волѣ Божіей, дѣло по сему суду прекратить производствомъ, зачислить рѣшеннымъ и по срочномъ времени сдать въ архивъ, а до того хранить въ уголовномъ повытіи“.

Такъ легко и просто разрѣшили *ясно-видящіе* судьи задачу, надъ которой, пожалуй, призадумается не одинъ глубокомысленный философъ... Да и какъ-же иначе было рѣшить *имъ?..*

Окончу свой разсказъ нѣсколькими словами о похоронахъ... Да, *ихъ* похоронили на городскомъ кладбищѣ, за сѣверною частью города...

Ихъ не закопали, какъ это обыкновенно бываетъ съ самоубійцами, на мѣстѣ убійства. Благодаря стараніямъ мачихи Старолюдскаго, ихъ привезли въ домъ Доре. Это было въ ненастный, бурный осенній вечеръ. Помню, какъ длинные волосы усопшаго, всклокоченные вѣтромъ, придавали ему что-то страшное, когда несли его въ комнату...

На другой день весь дворъ Доре былъ наполненъ народомъ: необычайность происшествія взволновала весь городъ. Народъ тѣснился въ той комнатѣ, гдѣ на столахъ лежали рядомъ двѣ жертвы—чего?—всякій рѣшалъ по своему. Народъ наполнялъ дворъ, народъ тѣснился на улицѣ, у оконъ... Не удалось мнѣ подслушать ни одного слова сожалѣнія о покойникахъ; брани и проклятій было довольно... Но все это были *ясно-видящіе*...

Одѣты были покойники такъ, какъ они желали. Его лицо было, какъ у живого: кротко и спокойно; ея лицо, довольно полное,—въ темныхъ пятнахъ...

Не помню, въ тотъ-ли день, или на другой, ихъ понесли на кладбище. Гробы ихъ были обиты бѣлою шелковою матеріею... Разумѣется дѣтски-мечтательной просьбы юноши не уважили: музыка за гробами не играла, дѣвицы не пѣли... *И то, что было, много уже было*...

По страшной слякоти, при мелкомъ холодномъ дождѣ, несли ихъ гробы полупьяные работники... За гробами шли мачиха покойнаго, мужъ покойной и я... Помнится, больше никого не было... Меня очень занимало длинное безжизненное лицо *супруга*, который шелъ поодаль отъ гробовъ, въ свѣтло-голубой шинели..

Когда гробы принесли на кладбище, ихъ поставили на время въ сторожку, потому что, кажется, могилы еще не были вырыты окончательно. Похоронили ихъ не въ одной могилѣ, какъ они оба желали, но могилы эти рядомъ, одна подлѣ другой... Онѣ недалеко отъ сторожки, на краю кладбища...

Когда я возвращался домой, дождь усилился, къ нему присоединился мокрый снѣгъ, который залѣплялъ глаза... Дождь и грустныя думы овладѣли мною, и какъ ни былъ я въ то время молодъ, но во мнѣ шевелилось что-то въ родѣ безотраднаго восклицанія Гоголя:

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

А. Барымовъ.

Ириней Фальковскій *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Продолженіе).

III.

Какъ ни обширны и многосторонни были познанія, пріобрѣтенныя Иваномъ Акимовичемъ въ заграничномъ обученіи по разнымъ отраслямъ наукъ, образованія своего онъ не считалъ законченнымъ; потому, вскорѣ по возвращеніи его изъ-за границы въ родной Кіевъ, мы видимъ его снова на школьной скамьѣ въ кіевской академіи. Здѣсь, не смотря на то, что наукамъ такъ называемымъ свѣтскимъ давалось довольно мѣста, вѣнцемъ образованія считалась все-таки наука богословская, а стремленіе къ ней вполнѣ отвѣчало развившемуся, какъ мы видѣли, въ молодомъ слушателѣ заграничныхъ университетовъ религіозному настроенію. И вотъ мы видимъ, что Иванъ Акимовичъ съ самаго прибытія своего въ Кіевъ, въ теченіи 1783 и 1784 г., съ особымъ усердіемъ и вниманіемъ слушаетъ лекціи по богословію, и въ то же время, какъ за вспомогательное въ богословскихъ студіяхъ дѣло, принимается за изученіе еврейскаго языка, а равно языка греческаго.

Но не особенно счастливая была пора для академіи, когда въ нее вступилъ нашъ студентъ. Въ правленіе кіевскою митрополіею митроп. *Гавріила Кременецкаго* (1770 — 1783 г.) прежде столь славная академія быстро начала клониться къ упадку, что отмѣчено ея историками. Въ частности не блистали ни особою широтою, ни самостоятельностію и живостію преподаванія и тѣ пред-

---

*) См. январ. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 89—120.

меты, изученію которыхъ посвящалъ теперь свои силы нашъ заграничный слушатель. Преподаватель богословія іером. Іакимъ Островскій излагалъ свой предметъ по богословію Ѳеофана Прокоповича, правда, еще нигдѣ тогда не напечатанному. Греческій языкъ читалъ извѣстный въ свое время знатокъ, іером. Амвросій Келембетъ; но преподаваніе еврейскаго языка было въ такомъ упадкѣ, что отъ него отшатнулось большинство учащихся. Еще раньше учитель этого предмета Павловичъ, жалуясь на недостатокъ усердія въ своихъ слушателяхъ, заявлялъ, что „когда хотятъ въ школу только приходятъ, а ежели стать ихъ увѣщевати, для чего лѣниво ходятъ и школу часто оставляютъ, или другаго пенса (урокъ) заставить, то и вовся оставляютъ, не сказавши учителеви ни дяки, ни спаси Богъ". Теперь этотъ предметъ былъ въ рукахъ іером. Гавріила Строевскаго, у котораго и сталъ было брать уроки Иванъ Акимовичъ; но скоро онъ совсѣмъ отъ нихъ отказался, когда они переданы были, за неимѣніемъ, вѣроятно, кого-либо лучшаго, одному изъ студентовъ высшаго класса, нѣкоему Полянскому.

Ученіе Ивана Акимовича въ кіевской академіи длилось съ небольшимъ полтора года. Въ концѣ 1783—84 учебнаго года онъ сдалъ вмѣстѣ съ своими товарищами экзаменъ въ знаніи богословскихъ предметовъ, и съ тѣхъ поръ мы видимъ его въ ряду преподавателей академіи, переходящимъ отъ предмета къ предмету и постепенно поднимающимся по служебной лѣстницѣ, пока не пришлось ему самому стать во главѣ родной академіи. Его выдвинули здѣсь сколько личныя его дарованія и тѣ спеціальныя познанія, которыя онъ пріобрѣлъ, благодаря своему заграничному ученію, столько-же и исключительныя обстоятельства, въ которыхъ онъ засталъ славную нѣкогда кіевскую академію.

Она находилась тогда въ состояніи переходномъ, совершивъ намѣченный ей прежнею исторіею кругъ. Обстоятельства, давшія ей до-теперешній видъ, давно миновали. Политическій и соціальный строй края, продуктомъ которыхъ она была, давно измѣнился; жизнь края входила въ новое русло, которое должно было рѣшительно измѣнить ея прежнее теченіе. Новыя начала прививались къ жизни края и новыя задачи задавались и его древнѣйшему училищу, но, по особенностямъ новаго строя всей жизни, оно не могло уже ни само выработать этихъ задачъ, ни овладѣть ими, а только

подчиниться той нормѣ, какая будетъ указана ему свыше. Положеніе академіи было роковое: общество, создавшее ее и поддерживавшее ее всѣми силами, давно сошло со сцены, и академія лишилась соковъ, ее питавшихъ, а между тѣмъ въ имперіи, въ которой и сама она и весь край стояли все еще особнякомъ, явились новыя образовательныя заведенія, на сторонѣ которыхъ было и вниманіе правительства и внѣшнія выгоды. Сюда требовались преподаватели и болѣе или менѣе подготовленные слушатели и ихъ въ большинствѣ давала кіевская академія, какъ давала людей на разныя служебныя поприща. Слѣдовалъ долгое время отливъ изъ академіи лучшихъ силъ, который не могъ не повліять парализующимъ образомъ на ея собственную жизнь. Вообще академія въ теченіе всей первой половины XVIII ст. и даже позже давала отъ себя больше, чѣмъ сколько сама воспринимала, давала дотолѣ, пока наконецъ сама не почувствовала недостатка и въ преподавателяхъ и отчасти даже въ слушателяхъ. Теперь приходилось ее подкрѣплять, подгонять и приспособлять къ новому строю и новымъ требованіямъ жизни, такъ какъ многія заведенія, которымъ она, можно сказать, дала жизнь, видимо перерастали ее и на сторонѣ ихъ были и лучшія учебныя системы, и болѣе цѣлесообразные методы, и несравненно лучшій преподавательскій составъ. Но этой трудной задачи собственнаго перерожденія академія не могла уже произвести собственными силами и должна была ждать какого-либо смѣлаго и рѣшительнаго реформатора, который произвелъ-бы въ ней необходимую ломку, хотя-бы по заимствованному шаблону и съ предвзятыми мыслями. Такимъ реформаторомъ явился для нея ея-же, правда, воспитанникъ, митрополитъ Самуилъ Миславскій, а въ этомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ пригодился ему, по своимъ обширнымъ дарованіямъ и разностороннему образованію, оканчивавшій теперь богословскія *студія* Иванъ Акимовичъ Фальковскій.

29 ноября 1783 г. Кіевъ встрѣчалъ новоназначеннаго митрополита Самуила Миславскаго, бывшаго, какъ сказали мы, питомцемъ кіевской академіи и прошедшаго въ ней всѣ наставническія должности. По тогдашнему обыкновенію, на пріѣздъ, какъ и другіе случаи въ жизни такихъ лицъ, независимо отъ ихъ личныхъ качествъ, писались воспитанниками академіи цѣлыя оды, панегирики и стихотворныя привѣтствія, мало выражавшія дѣйствительныя

чувства писавшихъ и представлявшія массу напыщенныхъ фразъ, тщательно подобранныхъ метафоръ и сравненій и щедро нанизанныхъ вопросовъ и восклицаній, но за то служившія богатою почвою для риторическаго и піитическаго упражненія и лишь отчасти пробы самыхъ дарованій. Къ числу такихъ произведеній надо конечно отнести и то стихотворное привѣтствіе, которое изготовлено и произнесено было Иваномъ Акимовичемъ на встрѣчу митрополита Самуила. Вотъ оно:

Не се-ль я умными глазами
Отверстый зрю судьбины храмъ,
Владѣющій гдѣ небесами
Отца опредѣляетъ намъ.
Я слышу въ восхищеньи странномъ
Сіи слова отъ горнихъ силъ:
Блаженъ ты, Кіевъ, несказанно,
Когда твой пастырь Самуилъ!
О, данный Богомъ намъ святитель!
Ты нашъ Мойсей и Соломонъ!
Ты россовъ мудрый просвѣтитель,
Ты церкви храбрѣйшій Самсонъ!
Да просвѣтится благодатный
Въ тебѣ святыя славы свѣтъ,
И въ благоденствіи пріятный
Да поживешь вѣкъ многихъ лѣтъ!

Привѣтствуя такъ новоназначеннаго митрополита отъ лица всей академіи, Иванъ Акимовичъ написалъ на тотъ-же случай стихи латинскіе, которые декламировалъ при встрѣчѣ одинъ изъ учениковъ [1]). Это участіе Фальковскаго въ церемоніальной встрѣчѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, не смотря на недавнее свое появленіе въ академіи, былъ выдающимся изъ числа ея студентовъ, и оно-же могло привлечь къ нему вниманіе новаго владыки. Предпринятая этимъ послѣднимъ всесторонняя реформа академіи должна была открыть Фальковскому поприще для приложенія тѣхъ познаній, которыя онъ съ такою ревностію старался пріобрѣсть здѣсь и

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 489.

за границею. Спустя два мѣсяца по прибытіи въ Кіевъ митрополита Самуила, Фальковскій, еще состоя студентомъ, былъ назначенъ учителемъ ариѳметики, что было въ обычаѣ того времени. „8 генваря (1784 г.), замѣчаетъ объ этомъ Фальковскій, я былъ введенъ отцемъ префектомъ въ ариѳметическій классъ; учениковъ было очень много, кажется, болѣе 200; ученіе происходило каждый день по одному часу". Въ іюлѣ того-же года онъ успѣшно сдалъ, наравнѣ съ другими студентами, въ присутствіи самого митрополита, экзаменъ какъ по богословію, такъ и по другимъ предметамъ. Познанія его были столь разносторонни, что, при тогдашней потребности въ преподавателяхъ, мы видимъ только что окончившаго курсъ Фальковскаго переходящимъ отъ предмета къ предмету, отъ одной должности къ другой. Въ октябрѣ 1784 г. изъ временнаго лектора ариѳметики онъ былъ назначенъ учителемъ инфимы, въ 1785 году мы видимъ его учителемъ нѣмецкаго языка, а въ 1786 г. онъ получаетъ видное назначеніе „вышняго класса грамматики учителемъ и академической бурсы суперъ-интендентомъ". Реформа Самуила облегчала молодому Фальковскому быстрый его ходъ. Она не по нутру приходилась тогдашней академической корпораціи, какъ не по нутру Самуилу была академія въ тогдашнемъ ея видѣ. Съ одной стороны Самуилъ, объѣхавъ предъ тѣмъ всю Россію, побывавъ въ Петербургѣ и Москвѣ, видѣлъ новыя высшія и среднія учебныя заведенія и имѣлъ много данныхъ для сравненія, а сравненіе оказывалось не въ пользу *almae matris*, съ другой—къ реформѣ, вызванной прогрессомъ науки и потребностями времени, онъ видимо примѣшивалъ частію взглядъ сословной исключительности, по которому насильно привлекалъ въ общесословную академію всѣхъ дѣтей священно и церковно-служителей, а еще больше тенденціи руссификаціи заведенія, выросшаго на мѣстной почвѣ, слишкомъ мало еще тронутой для цѣлей объединенія. Вводя въ академическій курсъ новые предметы, какъ всеобщую и естественную исторію, математику, архитектуру и живопись, отодвигая на задній планъ древніе языки и давая мѣсто и самую широкую постановку языкамъ новымъ, митрополитъ Самуилъ съ особенною силою налегалъ на изученіе русскаго языка, упрекая представителей тогдашней академической учености въ томъ, что они нисколько не заботятся о чистотѣ и правильности рѣчи и самаго выговора, мѣшая съ рус-

скими словами слова польскія и малороссійскія, даже латинскія, и часто придавая имъ самыя несвойственныя ударенія. Онъ съ одинаковою строгостію требовалъ „соблюденія выговора, каковъ употребляется въ Великороссіи“ какъ отъ учителей географіи и исторіи, такъ и отъ преподавателя французскаго языка; но для быстраго поднятія русскаго языка, повидимому, ничего большаго не могъ сдѣлать, какъ поручивъ преподаваніе россійской поэзіи и элоквенціи студенту богословіи Димитрію Снигиревичу и возлагая какъ будто всю надежду „на Правила поэзіи, напечатанныя въ Москвѣ и Ораторію господина Ломоносова“. Съ достаточнымъ резономъ заявляли ему нѣкоторые изъ учителей академіи, что „своего малороссійскаго выговора они никакъ перемѣнить не могутъ“. Фальковскій не былъ зараженъ духомъ протеста, онъ покорно подчинялся волѣ реформатора и карьера его шла ровно и плавно; ее подвинуло еще болѣе принятіе имъ монашества.

На этомъ шагѣ въ жизни Фальковскаго, который должно считать не менѣе важнымъ, какъ и вступленіе въ супружество, мы остановимся особо, такъ какъ онъ вводитъ насъ во внутренній міръ его, котораго мы не касались, слѣдя лишь внѣшнія перемѣны его жизни. Что привлекло молодаго ученаго, богато одареннаго, полнаго силъ и здоровья и такъ счастливо начавшаго свою служебную карьеру, на тѣсный путь иноческаго житія? Что толкнуло эту сильную, страстную, неудержимо кипучую и дѣятельную натуру въ такую сферу жизни, которая, повидимому, менѣе всего представляла простора для дѣятельности и влекла скорѣе къ подавленію или ограниченію его обширныхъ дарованій, нежели къ ихъ развитію? Поищемъ отвѣтовъ на эти вопросы въ его собственныхъ письмахъ и бумагахъ, которыхъ такую громаду онъ оставилъ по себѣ.

Находясь еще за границей, въ письмѣ своемъ къ Гр. Ив. Полетикѣ отъ 31 января 1781 г.[1]), оправдывая свой отказъ отъ принятія службы при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, Фальковскій писалъ такъ: „я, коротко сказать, приготовлялся къ учительству, а слѣдовательно, можетъ быть, и къ монашеству“. Но это писалъ 18-ти лѣтній юноша, смутно понимавшій жизнь, тосковавшій по родинѣ, жаждавшій ученія въ родной академіи, видѣвшій край своихъ желаній въ учи-

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 621.

тельствѣ въ ней, а учительство тамъ, въ большей части случаевъ, соединялось съ монашествомъ. Иначе онъ могъ говорить теперь, когда крайнія его мечты уже осуществились и, быть можетъ, выше его ожиданій. Правда печать религіознаго возбужденія, охватившаго душу Ивана Акимовича въ періодъ его сиротства и скитальчества за границей, ясно видна и на послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Все почти свободное отъ занятій время онъ посвящалъ на чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, а читалъ онъ много и скоро: бесѣды Златоуста на кн. Бытія прочтены были имъ въ три недѣли; весь Новый завѣтъ—тоже въ три недѣли [1]). Въ кругъ ежедневной его жизни входили поклоны въ числѣ 100 и болѣе, чтеніе особыхъ молитвъ, какъ „молитва ко пресвятой Богородицѣ противу страсти душевныя или тѣлесныя каковыя-либо" [2]) и даже собственнаго сочиненія „стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читаемые" [3]). Самая, такъ сказать, лира его (онъ писалъ много стиховъ) настроена была на тонъ религіозный и пѣла лишь о грѣхѣ, его гибельныхъ послѣдствіяхъ и необходимости духовнаго возрожденія. Но религіозное настроеніе не было въ ту пору явленіемъ исключительнымъ, а въ людяхъ его происхожденія и профессіи даже очень обыкновеннымъ, однако оно не влекло за собою неизмѣнно принятія монашества, а было, такъ сказать, преобладающимъ колоритомъ жизни. Изъ сохранившихся въ подлинникѣ, въ числѣ 365, ежедневныхъ размышленій Фальковскаго на весь 1786 г., въ который онъ принялъ монашество, видно, что предъ принятіемъ онаго онъ стоялъ подъ самыми различными вліяніями: былъ обуреваемъ помыслами невѣрія, боролся съ естественными влеченіями молодаго возраста, былъ подавляемъ сильною и давно зародившеюся страстію къ спиртнымъ напиткамъ, выслушивалъ „уговоры" къ монашеству со стороны своихъ сослуживцевъ этого чина и наконецъ получилъ прямое о томъ предложеніе, всего вѣроятнѣе, со стороны благоволившаго къ нему и цѣнившаго его дарованія митрополита Самуила. Но „уговоры" и предложеніе могли имѣть лишь внѣшнее и второ-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621. Изъ приложеннаго тамъ-же росписанія видно, что чтеніе велось утромъ, въ полдень и вечеромъ.

[2]) Ibid. Здѣсь-же приведены «8 главныя сласти плотскія», которыхъ должно избѣгать.

[3]) Ibid.

степенное значеніе, а помыслы невѣрія должны были влечь сомнѣвающагося въ совершенно противуположную монашеству сторону и, во всякомъ случаѣ, какъ явленіе случайное и преходящее въ молодомъ, пытливомъ умѣ, легко разбивались о теплую и глубокую вѣру, вынесенную Фальковскимъ изъ дѣтства и сохранившуюся во всей свѣжести среди скитальческой заграничной его жизни и ученія. Остается страсть къ пьянству, которую такъ горько оплакиваетъ въ своихъ размышленіяхъ Фальковскій, называя ее бѣсовскою и восклицая: „подлинно, она есть источникъ моего горькаго несчастія!" Отдавая полную дань глубокаго уваженія рѣдкой силѣ характера и дарованій Фальковскаго, какъ они развились впослѣдствіи, и безпримѣрному его трудолюбію и плодотворной, разносторонней дѣятельности, мы склонны, по безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ жизни Фальковскаго, признать, что на упомянутой печальной почвѣ созрѣла собственная его рѣшимость принять монашество, на ней-же велись „уговоры" и послѣдовало *предложеніе* о семъ, завершившее его собственную рѣшимость. Разнесшаяся еще осенью 1785 г. вѣсть о введеніи штатовъ въ малороссійскихъ монастыряхъ, послѣ котораго не будетъ дозволено принятіе вновь въ монашество, пока не будутъ размѣщены излишніе противъ штатовъ монахи, могла только ускорить рѣшимость Фальковскаго, но конечно не вызвать ее. Пагубная страсть, имѣвшая такое вліяніе на жизнь Фальковскаго, зародилась въ немъ, безъ сомнѣнія, еще во дни его ранняго сиротства и скитальчества за границею, быть можетъ, въ обществѣ сербскихъ студентовъ, отъ которыхъ въ свое время предостерегалъ его покойный его отецъ. Съ возвращеніемъ Ивана Акимовича на родину, съ вступленіемъ въ академію сперва въ качествѣ студента, а вскорѣ и учителя, она не могла быть ни подавлена, ни ослаблена, а только могла усиливаться и укрѣпляться подъ вліяніемъ окружающей его среды. Бражничанье, пьянство было преобладающимъ порокомъ тогдашняго общества; отъ него не свободна была и тогдашняя академія, и въ документахъ ея того времени можно найти много указаній на эту темную сторону ея жизни, на совершавшіяся въ средѣ усатыхъ студентовъ и монаховъ-учителей пьянственныя оргіи. Академія далеко отошла теперь отъ общества, когда-то ее создавшаго и лелѣявшаго, и жила теперь замкнутою жизнію. Вслѣдствіе измѣненія

политическаго и гражданскаго строя страны, въ обществѣ утратилась жизненная связь съ нею и сочувствіе къ ней. Прежнія средства ея истощались, новыя не притекали, въ средѣ учащихся и учащихъ царила бѣдность; студенты являлись предъ обществомъ въ качествѣ „мирщиковъ", вертепщиковъ и странствующихъ учителей, ищущихъ средствъ къ продолженію ученія. Это была своего рода Сѣчь; въ нее стекалась всякая голота, а надъ нею носился духъ недавно уничтоженнаго Коша Запорожскаго, заканчивавшаго безцѣльные дни свои въ безпробудномъ пьянствѣ. Выпивка считалась удальствомъ, за которое и на этомъ мирномъ поприщѣ многіе поплачивались, какъ и на полѣ брани. Достойно замѣчанія, что Фальковскій рѣшился, или-же объявилъ о своемъ рѣшеніи принять монашество „въ день ректорскихъ именинъ" (19 ноября 1785 г.), кто знаетъ, быть можетъ послѣ обильнаго угощенія... Рѣшился, говоритъ онъ, „по уговору отца Анатолія и другихъ, а наипаче по причинѣ громкаго слуха о скоро имѣющемъ быть учрежденіи штатовъ для всѣхъ малороссійскихъ монастырей и о препятствіяхъ ко вступленію въ монашескій чинъ, вступить въ оный прежде сей съ монастырями перемѣны" [1]). Но этой рѣшимости предшествовала и ее сопровождала мучительная душевная борьба, имѣвшая главнымъ своимъ источникомъ ту-же злосчастную страсть. Въ упомянутыхъ уже нами молитвенныхъ размышленіяхъ, которыя Фальковскій писалъ утромъ и вечеромъ въ теченіе всего 1786 г. и которыя избралъ, между прочимъ, какъ средство для достойнаго приготовленія себя къ монашескому званію и укрѣпленія въ немъ, вырисовывается вся эта борьба, а въ ней, кромѣ одолѣвающей страсти, проглядываютъ и другія побужденія, рѣшившія безповоротно судьбу этого мощнаго нравственнаго борца. Вотъ наиболѣе характерныя мѣста покаянныхъ размышленій [2]). „Проходитъ жизнь моя въ безполезномъ смятеніи"..., „снѣдаютъ меня скука и печали" [2]). „Тревожатъ меня беззаконныя мысли о невѣроятности того, что вѣра столь явно предлагаетъ"... „Я все ненавижу, какъ суетное и горькое"...

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., VIII, 4, стр. 14.

[2]) Размышленія эти въ рукоп. кіево-соф. соб. VIII т. 4, стр. 25—275. Ихъ сохранилась лишь одна половина. Изъ нихъ мы и заимствуемъ эти и дальнѣйшія выдержки и свѣдѣнія, считая лишнимъ дѣлать указанія страницъ.

„Нѣтъ лучше для *бѣднаго* человѣка, какъ надѣяться на Бога"... „Се убо, Владыко Сердцевѣдче, хощу я оставить зміиную злобу свою силою Твоею, каятися о лютыхъ неправдахъ своихъ, сожалѣть о безмѣрномъ безуміи своемъ и идти во слѣдъ великой благодати Твоей, ведущей меня на покаяніе"... „Почто ты, о душе, представляешь себѣ тяжелымъ тотъ путь, который тебя къ *покаянію* ведетъ?"... „Долженъ-ли я убо прислѣпляться къ... суетнымъ благамъ, оставивъ одно вѣчносущное и верховное добро, которое есть Богъ?... Не лучше-ли оныя всѣ оставить, а сіе одно избрать, естьли обоими вмѣстѣ наслаждаться не можно?"... „Почто убо я смущаюсь и сожалѣю, что состояніе иноческое, въ которое вступить я *предложеніе имѣю,* не принимаетъ сихъ, повидимому пріятныхъ, прелестей, но оныя для себя потерянными считаетъ, дабы пріобрѣсть Бога"... „Вверженъ я былъ въ разныя безпокойства и мятежи, причемъ оставилъ было и уреченное свое правило и находился въ великомъ смущеніи ради многаго обращенія съ людьми и многаго питія"... „Ежели-бы излишество въ питіи и не разжигало души къ сладострастію, ежели-бы склонность къ пьянству и не была достойною презрѣнія и отвращенія; то однѣ болѣзни, одни неудовольствія, одна тяжесть и скука, происходящая отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкаго питія, должна-бы была отводить меня отъ стремленія сего—отъ сего безумнаго стремленія, съ которымъ я, послѣ толикихъ приготовленій къ воздержанію, соглашаюсь обременять чрево и умъ вреднымъ питіемъ"... „Настаетъ священный день [1]), и ты, непотребная душе! не воздыхаешь къ Богу, проведши цѣлый вчерашній день въ пьянствѣ и беззаконіяхъ"... „О, *бѣсовская страсть!* сколь люта ты! Свирѣпствуя *толикіе годы* въ сердцѣ моемъ, лишила ты меня и ума, и всего добра. Подлинно *она есть источникомъ моего горькаго несчастія. Она ослѣпляетъ меня и имя мое дѣлаетъ въ честности подозрительнымъ"* [*])... „*Кто свободитъ меня отъ насильствія лютой страсти моей?* Кто простретъ мнѣ руку помощи? Никто иный, развѣ милосердный Творецъ мой, вѣдающій и беззаконіе мое и сожалѣющій о несчастіи

---

[1]) Строки эти писаны въ воскресенье утромъ, какъ видно изъ сдѣланной самимъ Фальковскимъ помѣты. Каждое «Размышленіе» его имѣетъ свою опредѣленную дату.

моемъ. Господи! Ты видишь бѣду мою! Ты видишь, что нѣтъ никого толь скораго къ обремененію себя пьянствомъ, какъ я; Ты вѣдаешь, что безумное мое *мнѣніе о крѣпости желудка моего* приноситъ мнѣ больше вреда, нежели я тѣлесно въ первые часы чувствую. Удержи убо мене отъ толикаго невоздержанія!"... „Свободи мя, Боже, отъ лютой страсти"! „Не въ силахъ я своимъ трудомъ недугъ прогнать"...

Читая приведенныя выдержки душевной исповѣди Фальковскаго, можно-ли усомниться въ томъ, что не что иное, какъ борьба съ отравлявшею жизнь его страстію привела его окончательно къ монашеству, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на путь покаянія и средство избавиться отъ удручавшаго его недуга. Не иначе конечно смотрѣли на это дѣло и тѣ, что уговаривали его, и тотъ, кто предложилъ ему принять монашество: для нихъ недугъ Фальковскаго не былъ секретомъ и въ нихъ онъ могъ вызывать только чувство состраданія къ даровитому человѣку. Но недугующій, какъ и врачи его, ошиблись въ разсчетахъ: уединенная келейная жизнь скорѣе могла поддерживать болѣзнь, требовавшую для ея лѣченія широкаго простора, свѣжаго воздуха, и злосчастному страдальцу приходилось еще долго, едва-ли не всю жизнь бороться съ неперестававшею угнетать его, хотя и ослабѣвшею отъ времени болѣзнію [1]). Кромѣ возникшаго, спустя нѣсколько лѣтъ, столкновенія его съ митрополитомъ Іеровеемъ, которое едва не погубило всей его карьеры, сохранилось преданіе, что когда Фальковскій, въ послѣдніе годы своего коадъюторства въ Кіевѣ, въ день именинъ митрополита Евгенія, по обычаю того времени, послалъ ему въ подарокъ кулекъ съ нѣсколькими бутылками вина, то недолюбливавшій его и имѣвшій съ нимъ какіе-то счеты митрополитъ, возвращая подарокъ, сказалъ будто-бы посланнымъ: „отнесите это обратно вашему владыкѣ,—это ему можетъ быть болѣе пріятно (или пригодно), чѣмъ мнѣ". Тѣмъ выше однако кажется намъ свѣтлый ликъ

---

[1]) Кромѣ *дѣла* съ м. Іеровеемъ, о которомъ дальше, уже въ 1805 г., встрѣчаются въ рукописи кіево-софійскаго собора XIX, 1, замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «боленъ былъ отъ п(итія» — съ 23 по 31 января); «боленъ былъ отъ м(ногаго) питія» (4—12 апр.) и т. п. (стр. 40).

Фальковскаго, не павшаго въ долгой и мучительной борьбѣ съ своею страстію, этимъ крестомъ его, *пакостникомъ плоти*, но, не смотря на то, совершившаго такъ изумительно много для академіи, которой онъ долго служилъ, для науки, которой онъ отдался весь отъ дней юности, для церкви, на служеніе которой онъ принесъ и свой неустанный трудъ, и живое свое слово, и толкованіе слова Божія, и изложеніе догматовъ вѣры. Какъ увидимъ впослѣдствіи, столько не сдѣлали и болѣе блестящіе таланты, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ воспитанія, ученія и жизни. Но возвратимся къ самому факту поступленія Фальковскаго въ монахи.

Спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ изъявленія предъ кѣмъ-то „въ день ректорскихъ именинъ" своего намѣренія поступить въ монахи, 11 генваря 1786 г. Фальковскій представилъ митрополиту и самое прошеніе о постриженіи его въ монашество. Прошеніе, о которомъ конечно заранѣе зналъ митрополитъ, было благосклонно имъ принято; но престарѣлый и любознательный владыка возложилъ при этомъ на Фальковскаго характерное и полезное для обоихъ послушаніе, состоявшее въ томъ, что Фальковскій долженъ былъ являться къ митрополиту по субботамъ вечеромъ „для чтенія ему въ своемъ русскомъ переводѣ примѣчанія достойнѣйшихъ статей изъ гамбургскихъ нѣмецкихъ газетъ, выписанныхъ тогда-же для академіи". Послушаніе это, замѣтимъ мимоходомъ, длилось 8 лѣтъ и столько тяготило Фальковскаго впослѣдствіи, что въ своемъ дневникѣ размышленій онъ просто называетъ его „бѣдственнымъ". Изъ году въ годъ, еженедѣльно по субботамъ, Фальковскій отправлялся въ софійскую резиденцію Самуила, читалъ ему выдержки изъ газетъ, оставаясь ночевать въ нижнихъ митрополичьихъ покояхъ, и только на самомъ разсвѣтѣ пріѣзжалъ обратно въ академію, правда, софійскимъ экипажемъ и лошадьми. Какъ ни затруднительно было, при усилившихся ученыхъ занятіяхъ Фальковскаго, столь долгое исполненіе такого послушанія, но несомнѣнно оно доставляло ему нѣкоторое развлеченіе и поддерживало расположеніе къ нему престарѣлаго владыки и снисхожденіе къ его слабости.

28 февраля 1786 г., въ первую субботу великаго поста [1]), совершено было постриженіе Ивана Акимовича въ монашество.

[1]) Постъ начался 23 февр.; Пасха была 12 апр.

„Постригалъ меня, замѣчаетъ онъ объ этомъ событіи въ жизни своей, въ кіево-братской богоявленской церкви самъ архимандритъ и ректоръ Варлаамъ такъ, какъ послушника сего монастыря своего, съ нареченіемъ мнѣ имени *Иринея;* а подъ мантіею меня велъ къ постригу, въ званіи духовнаго отца и наставника, префектъ и богословіи учитель, Димитрій Устимовичъ". Вечеромъ того-же дня Ириней ѣздилъ, по его словамъ, „съ приготовленіемъ къ рукоположенію во *іеродіакона,...* во всемъ новопринятомъ монашескомъ образѣ и въ мантіи, къ преосвященному митрополиту читать газеты; послѣ чего въ слѣдующій день, марта 1, былъ отъ него и во іеродіакона рукоположенъ". Посвященіе въ іеромонахи совершено было въ день Пятидесятницы того-же года, слѣдовательно спустя три мѣсяца отъ постриженія въ монашество,—срокъ гораздо болѣе продолжительный того, какой теперь принятъ для такъ называемыхъ ученыхъ монаховъ.

Спустя 10 дней послѣ рукоположенія въ санъ іеромонаха (10 іюня), Ириней принялся за списываніе для себя „листоваго рукописнаго алфавитнаго Патерика", даннаго ему для чтенія Димитріемъ Устимовичемъ, духовнымъ его отцемъ въ монашествѣ, не переставая, въ тоже время, писать и ежедневныя „размышленія", законченныя лишь 12 апрѣля 1787 года. Какъ та, такъ и другая работа мало гармонировали съ постоянными научными занятіями Иринея и посѣщавшими его подъ часъ *помыслами;* но таково было это феноменальное трудолюбіе и неустанная кипучая работа. Ириней нерѣдко списывалъ и такія произведенія, которыхъ печатные экземпляры находились у него въ библіотекѣ.

IV.

Монашество, бывшее въ ту пору заурядною, такъ сказать, формою жизни для большинства служащихъ при академіи, не создавало для принимавшаго оное карьеры; но, благодаря личнымъ достоинствамъ Иринея, для всѣхъ очевиднымъ, и не смотря на коренной его порокъ, служба его, и по принятіи имъ монашества, не переставала быстрыми шагами подвигаться впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и разнообразилась его дѣятельность въ званіи преподавателя академіи. 1 сентября 1787 года онъ назначенъ былъ учи-

телемъ *поэзіи, геометріи, алгебры* и *архитектуры* [1]); но вскорѣ ждало его другое назначеніе.

Преподаваніе высшей математики при самомъ его открытіи было поручено французу *Брульону;* но на преподавателей изъ иностранцевъ смотрѣли тогда неблагопріятно, опасаясь распространенія ими въ средѣ студентовъ вольтеріанскихъ и вообще атеистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, которыя успѣли уже произвести броженіе умовъ современнаго русскаго общества [2]). Митр. Самуилу хотѣлось имѣть контроль надъ Брульономъ. Онъ началъ съ того, что велѣлъ ему, въ виду слабаго знанія имъ русскаго языка, употреблять въ помощь себѣ при лекціяхъ одного изъ свѣдущихъ въ математикѣ студентовъ, а потомъ формально поручилъ Иринею, въ присутствіи префекта академіи, производить этотъ контроль два раза въ мѣсяцъ [3]). Это взорвало Брульона, и онъ отказался отъ занимаемой каѳедры и поступилъ къ кому-то изъ мѣстныхъ обывателей простымъ домашнимъ учителемъ французскаго языка. На мѣсто Брульона былъ назначенъ Ириней Фальковскій. Мы видѣли уже, съ какою ревностію и любовію изучалъ онъ циклъ математическихъ наукъ въ пресбургской гимназіи и офенскомъ университетѣ, какъ „любезному отчеству" его „полезныя знанія". Теперь-же наконецъ открывалась для него и полная возможность пустить въ оборотъ запасъ своихъ математическихъ познаній, о чемъ онъ такъ страстно мечталъ еще на студенческой скамьѣ.

Надежды академіи на своего роднаго математика были блестящимъ образомъ оправданы имъ. Принявши на себя должность преподавателя математическихъ наукъ, онъ всю душу свою вложилъ въ новое дѣло и съ перваго-же раза успѣлъ и съумѣлъ заохотить

---

[1]) «Акты кіево-бр. уч. мон. и ак.», т. III, № 105; см. рукоп. кіево-соф. соб., № 599, въ статьѣ «Описаніе ректоровъ кіевской духовной академіи».

[2]) Нѣсколько позже (въ 1794 г. 10 авг.) митр. петерб. Гавріилъ писалъ къ Самуилу: «Семинаристы ваши (здѣсь разумѣются воспитанники кіевской академія и переяславской семинаріи) обучаются французскому языку; но, какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніе сего языка злоупотребляютъ, мнѣ поручено вашему преосвященству писать, чтобъ благоволили сей классъ оставить»... 31 августа того-же года каѳедра французскаго языка была совершенно упразднена въ академіи («Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 79).

[3]) «Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 69.

студентовъ къ этому отвлеченному предмету. *Классъ математики*, посѣщаемый прежде очень немногими, сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ многолюднѣйшихъ [1]). „Замѣчательно, говоритъ одинъ изъ историковъ кіевской академіи, что *почти всякій изъ воспитанниковъ Фальковскаго непремѣнно отличный знатокъ математики* [2]). До чего самъ Ириней любилъ этотъ предметъ, видно изъ того, что, уже будучи впослѣдствіи профессоромъ богословія и ректоромъ академіи, онъ нерѣдко самъ являлся въ свободные часы въ *математическій классъ* для чтенія уроковъ. Впослѣдствіи, будучи коадъюторомъ кіевской митрополіи и живя въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, пр. Ириней въ саду его, надъ скатомъ крутыхъ старогородскихъ горъ къ Днѣпру, устроилъ высокую бесѣдку, съ которой открывался обширный видъ на горизонтъ и на луговую сторону Днѣпра и Десны, и здѣсь просиживалъ долгіе часы съ телескопомъ въ рукахъ, съ любовію производя астрономическія наблюденія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ издавалъ, при содѣйствіи студентовъ академіи, кіевскіе календари [3]), а своими астрономическими наблюденіями, при отсутствіи людей свѣдущихъ, любилъ дѣлиться даже съ братіею своего монастыря, что приводило иногда къ курьезамъ въ родѣ слѣдующаго. Наблюдая однажды довольно рѣдкое и интересное небесное явленіе, пр. Ириней, въ восторгѣ отъ своего открытія, спѣшитъ изъ сада, чтобы распорядиться собрать братію для участія

---

[1]) Въ 1803 г. въ этомъ классѣ было уже 127 учениковъ, а въ 1811 — 309 (Булгаковъ. «Ист. кіевск. акад.», стр. 152).

[2]) «Кіевъ съ его древн. учил.», т. II, стр. 541.

[3]) Въ рукописи кіево-софійскаго собора, № 582, сохранились «Кіевскіе Мѣсяцесловы» на 1799 и 1800 г. и «Составленіе корня солнечныхъ движеній» на 1801 г., съ помѣткою, что вычисленія для нихъ сдѣланы преподавателями и студентами академіи (подъ каждымъ мѣсяцемъ подписаны имена двухъ составителей). Въ той-же рукописи помѣщены собственноручно переписанныя самимъ Фальковскимъ: «Таблицы епактальныя астрономическія парижскія», «Таблица логистическихъ логариѳмовъ» съ замѣткою De logarithmis logisticis», «Таблицы астрономическія Делагировы, изданныя въ Парижѣ 1735 г.», «Таблицы астрономическія, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ 1791 году при второй части навигаціонныхъ изслѣдованій г-на Безу», «Показаніе теченія луны на с.-петербургскомъ меридіанѣ въ полночь 1798 г.», «Вычисленіе истиннаго мѣста луны въ полночь 1798 г.» и «Praecepta astronomica»; послѣднія писаны на латинскомъ языкѣ съ прекрасно и изящно выполненными самимъ-же Фальковскимъ чертежами.

въ наблюденіи. Собралась братія, и стали всѣ по чину и порядку. Преосвященный сдѣлалъ предварительное объясненіе наблюдаемому явленію, а затѣмъ предложилъ братіи поочередно смотрѣть въ телескопъ. Подошелъ *намѣстникъ* и, посмотрѣвъ въ трубу, воскликнулъ:

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!—сказалъ, въ свою очередь, *ризничій*, уступая мѣсто *казначею*...

Тоже самое продѣлывалъ и каждый слѣдующій астрономъ. Наконецъ подходитъ послѣднимъ одинъ изъ послушниковъ.

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!—говоритъ и онъ, оставляя постъ наблюдателя и отвѣшивая преосвященному низкій поклонъ,—„только... въ трубу-то ничего не видно".

Оказалось, что преосв. Ириней, увлекшись предварительными объясненіями, забылъ снять крышку съ телескопа.

Отъ времени преподаванія Иринеемъ смѣшанной математики, осталось имъ составленное и его рукою писанное руководство по этому предмету, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „*Сокращеніе смѣшанной математики, раздѣленное на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ механику, идростатику, аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу*; а другая—*тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, хронологію, гномонику, пиротехнію, архитектуру гражданскую и военную,* собранное изъ разныхъ авторовъ въ пользу кіевскаго академическаго юношества, въ Кіевѣ, 1793 г." [1]). „*Сокращеніе*" снабжено самымъ безукоризненнымъ образомъ исполненными рукою Иринея рисунками и чертежами, и, по всему видно, готовилось авторомъ къ печати, хотя и не вышло въ свѣтъ по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ.

Изъ другихъ трудовъ его въ области математики можемъ указать еще на „*Новое краткое руководство къ ариѳметикѣ, соединенное съ начальною алгеброю. Ярославль. 1812 г.*" [2]). „*Руковод-*

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., №№ 580 и 581. Здѣсь же «*Elementa Physicae*» (68 §§ и начало 69) и «*Краткое обозрѣніе естественной исторіи*».

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 578.

ство" также, очевидно, готовилось къ печати; но переписаны только первыя три главы.

Нѣсколько раньше, въ 1797 г., вышло въ свѣтъ „*Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о пасхаліи*". Руководство отличается замѣчательною практичностію. Каждое правило, каждое положеніе сопровождается примѣрами и задачами съ весьма подробными и обстоятельными объясненіями.

Кромѣ того въ „Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто отъ Рождества Христова 1800-е" [1]) предложенъ главнымъ редакторомъ его (т. е. *архимандритомъ Иринеемъ Фальковскимъ*) „*Новый способъ скораго сыскиванія вруцѣлѣтъ и златыхъ чиселъ во всякомъ данномъ году*" [2]).

Изобрѣтательный умъ Фальковскаго, стремившійся во всемъ быть самостоятельнымъ, сдѣлалъ открытіе и въ области ариѳметики; въ его рукописяхъ находимъ „*Новый способъ дѣленія смѣшанныхъ дробей, сысканный 1-го декабря 1798 г.*" [3]). Состоитъ онъ въ томъ, что *смѣшанныя дроби* дѣлятся безъ обращенія ихъ предварительно въ *неправильныя*. Интересующіеся этимъ свѣдѣніемъ простымъ опытомъ могутъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли при этомъ способѣ, какъ говоритъ его изобрѣтатель, *дѣленіе значительно сокращается, если знаменателями дробей будутъ числа многозначныя.*

Поэзію Ириней читалъ до $179^2/_3$ учебнаго года включительно, и читалъ ее по руководству какого-то прежняго преподавателя,

---

[1]) См. рукопись кіево-софійскаго собора № 378. Онъ былъ и отпечатанъ въ типографіи кіевской академіи при кіево-печерской лаврѣ. Въ настоящее время онъ, какъ и календари на другіе годы, представляетъ собою драгоцѣнную библіографическую рѣдкость. Такъ календари, на 1798 и 1799 гг. (съ историческими статьями), изданія *Иринея* хранятся въ с.-петербургской императорской библіотекѣ (см. «Справ. слов.» Геннади); пять экземпляровъ «Кіевскаго Мѣсяцеслова на лѣто отъ Р. Х. 1798-ое» намъ удалось розыскать въ библіотекѣ кіево-печерской лавры (№№ 184—190). Филаретъ, архіеп. черниговскій, приписываетъ еще Иринею и «Кіевскій Мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1797-ое» (см. «Обз дух. лит.», изд. 2, кн. 2, стр. 210).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 378, стр. 40—44.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 68.

вѣроятно *Георгія Конисскаго*[1]). Изъ самостоятельныхъ трудовъ его по преподаванію этого предмета сохранились въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора разныя практическія работы, какъ образцы различнаго рода поэтическихъ произведеній. Таковы: „*Молитва ко пресвятой Богородицѣ*“ (1 янв. 1789 г.), *Похвальныя и молитвенныя четырестишія ко пресв. Дѣвѣ Богородицѣ*“ (на каждый день января мѣсяца 1789 г.)[2]) и особо озаглавленныя: „Піитическія диктанты“ (Exercitia Poetica) 1791 и 1792 г.[3]). Въ составъ послѣднихъ входятъ: „*Exercitia grammatica*“ (6), „*Exercitia poetica*“ (8) и „*Стихи россійскіе изъ предложеній*“ (18). Мы не будемъ ни входить въ разборъ этой утратившей значеніе работы, ни приводить изъ нея выдержекъ, для современнаго слуха скучныхъ и утомительныхъ.

Замѣтимъ лишь вообще, что „*Exercitia poëtica*“ и „*Occupationes poeticae*“ представляетъ собою родъ священныхъ гимновъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень близко подходятъ къ подобнымъ-же гимнамъ Ломоносова (каковы гимны его: „Размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія“, „Утреннее“ и „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и т. п.) и являлись результатомъ вліянія этого колосса своего времени на кіевскихъ лириковъ. Къ чести Иринея сказать можемъ, что его гимны признаются лучшими образцами произведеній этого рода въ старой кіевской академіи[4]).

Другія произведенія Иринея этого рода представляютъ собою простое переложеніе псалмовъ (сначала на латинскій языкъ, а затѣмъ на русскій), въ которомъ мысль робко и рабски слѣдуетъ въ своемъ раскрытіи шагъ за шагомъ за оригиналомъ.

„*Стихи россійскіе изъ предложеній*“ (18) написаны на отдѣльные стихи псалмовъ, и представляютъ собою болѣе или менѣе

---

[1]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Сохранилось и самое это руководство, переписанное *отцомъ Иринеемъ* (см. рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 122), а не неизвѣстною рукою, какъ думаетъ проф. прот. Скворцовъ въ своей «Хроникѣ».

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. VIII. 3.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Имъ предшествуютъ «Oratio initio lectionum poëticarum Augusti 26 die anno 1791-mo dicta».

[4]) См. «Труды кіевск. дух. акад.» 1867 г., т. I, стр. 89—90, статья Н. И. Петрова: «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіев. акад. отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.»

свободное выраженіе навѣянныхъ ими на писавшаго религіозно-нравственныхъ мыслей [1]).

Въ связи съ этими трудами Иринея стоитъ учрежденіе имъ „Вольнаго Піитическаго Общества", и это надо признать довольно важною услугою Иринея для кіевской академіи. Общество съ столь громкимъ названіемъ было не что иное, какъ студенческая читальня. Сохранился уставъ общества, писанный рукою Иринея. Каждый изъ желающихъ вступить въ общество студентовъ, внеся одинъ рубль, имѣлъ право пользоваться книгами, выписанными на складочныя деньги. На первый разъ записалось 80 членовъ и книгъ куплено на 80-же рублей. Польза такого учрежденія очевидна, а самая мысль о немъ въ то время достойна примѣчанія. Остается пожалѣть только, что объ операціяхъ его и о его состояніи въ последующее затѣмъ время свѣдѣній не сохранилось въ нашихъ рукописяхъ.

---

4 августа 1793 года Ириней назначенъ былъ преподавателемъ философіи [2]), оставаясь на этой каѳедрѣ до сентября 1795 г., но свѣдѣній объ этомъ періодѣ его преподавательской дѣятельности не сохранилось почти никакихъ. Извѣстны только три вступительныя лекціи на латинскомъ языкѣ, по философіи, 1793 г., 1794 и 1795 г., а также философскіе тезисы для диспутовъ 1794

[1]) Ibid. loco cit. Изъ другихъ *упражненій* Иринея quasi-поэтическаго характера можно указать еще: 1) «Versus gratulatorii» (на лат. яз.) митр. Самуилу (рукоп. кіево-соф. соб. № 618, «Exerc. poët.» 1792 г.), 2) «Carmen panegyricum» (тоже на лат. яз.) на прибытіе м. Іероѳея въ Кіевъ въ маѣ 1796 г., 3) нѣсколько эпиграммъ м. Іероѳею, 4) латинскіе стихи на прибытіе имп. Павла I въ Кіевъ (сост. 21 февр. 1798 г.), 5) латинская ода на тотъ-же случай (сост. 14, 15 и 18 марта того-же года), 6) «Epigrammata in laudem Pauli 1-mi» etc. (сост. 19 мая того-же года), 7) 30 практическихъ афоризмовъ на французскомъ языкѣ (рукоп. кіево-соф. соб. № 580; въ формѣ двустишій и четверостишій; за ними помѣщены 100 басень Эзопа на французскомъ-же языкѣ), 8) четыре книги практическихъ-же афоризмовъ (тоже въ формѣ двустишій и четверостишій) на нѣмецкомъ языкѣ (въ 1-й кн. 40 афоризмовъ, во 2-й—31, въ 3-й—25, въ 4-й—34; см. ibid.) и наконецъ 9) «*Стихи изъ райскихъ цвѣтовъ*», написанные въ концѣ 1791 г. (см. рукоп. кіево-соф. соб. № 489, «Exerc. poët.»).

и 1795 г. [1]), Отсутствіе впрочемъ болѣе или менѣе капитальныхъ трудовъ Иринея по философіи можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эти-же самые годы онъ читалъ еще въ высшихъ классахъ любимѣйшій предметъ свой—*чистую математику*, на которую, вѣроятно, и обращалъ исключительное вниманіе.

V.

Перемѣнивъ въ короткое сравнительно время столько каѳедръ и обнаруживъ въ каждомъ изъ предметовъ, которые были поручаемы ему для преподаванія, солидныя познанія, самостоятельную обработку и блестящее изложеніе, 3 сентября 1795 г. Ириней по избранію академической корпораціи былъ назначенъ „въ должность префекта и богословіи учителя". Это былъ послѣдній знакъ вниманія и расположенія къ нему митрополита Самуила [2]), вскорѣ потомъ скончавшагося. Назначеніе было принято съ восторгомъ какъ самымъ Иринеемъ, такъ, можно думать, и новыми его слушателями. Должность впрочемъ префекта въ томъ-же году, по желанію-ли самого Иринея, или помимо его воли, въ виду извѣстной его слабости, была передана другому лицу, но каѳедру богословскую онъ занималъ много лѣтъ и читалъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что и среди постигшей его передряги служебной считался не замѣнимымъ. Объ ученыхъ его трудахъ по богословію скажемъ ниже, а пока коснемся нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ въ его жизни и службѣ.

Въ 1798 году Ириней получилъ первую награду—титулъ *соборнаго іеромонаха* въ кіево-печерской лаврѣ, точнѣе его содержаніе [3]), а въ 1799 году, помимо митроп. Іероѳея и не по вкусу ему, былъ назначенъ черниговской епархіи второкласснаго гамалѣевскаго монастыря настоятелемъ, съ производствомъ въ санъ архимандрита, и съ оставленіемъ при академіи въ учительской должности по прежнему [4]). Но, спустя мѣсяца два послѣ этого, Иринея

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 489.

[2]) «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.», т. III, № 85.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 582

[4]) «Акты кіево-бр. мон. и акад.», т. III, № 107.

постигла служебная передряга, которой, при его слабости, давно можно было ожидать и которая едва не погубила его карьеры, а академію едва не лишила одного изъ лучшихъ ея представителей. Основа передряги [1]) лежитъ несомнѣнно въ удручавшей Иринея слабости, а поводомъ къ ней послужило мелочное обстоятельство, никакого повидимому отношенія къ Иринею не имѣвшее. Дѣло въ томъ, что въ митрополичій хоръ, въ число его пѣвчихъ, взятъ былъ одинъ изъ мальчиковъ, обучавшихся въ низшихъ классахъ академіи, и порученный родителями особому надзору студента богословія Семена Романовскаго. Подобная вербовка тогда и долгое время потомъ была дѣломъ обыкновеннымъ и не вызывала ничьего протеста; на кого падалъ выборъ регента, тотъ долженъ былъ идти въ пѣвчіе, хотя ученіе для такого совсѣмъ почти пропадало. Взятый теперь мальчикъ былъ вѣроятно сынъ достаточныхъ родителей; во всякомъ случаѣ безъ ихъ воли репетиторъ не рѣшался отпустить его, а можетъ быть съ отпускомъ его онъ и самъ лишался гонорара за репетиціи, входившаго въ бюджетъ его содержанія. Но мальчикъ взятъ насильно, или безъ вѣдома репетитора. Послѣдній, видно, былъ неробкаго десятка, — онъ отправился въ домовую митрополичью церковь и за службою церковною требовалъ мальчика обратно. Произошло рѣзкое препирательство между репетиторомъ и регентомъ. Послѣдній сослался на распоряженіе митрополита, а репетиторъ напрямикъ отвѣчалъ, что митрополитъ не имѣетъ на это права, такъ какъ мальчикъ не его, а брацлавской епархіи. Онъ старался даже проникнуть въ митрополичьи покои и настаивалъ, чтобы его допустили до самого митрополита. Узнавши обо всемъ этомъ, митроп. Іероѳей приказалъ Иринею „сдѣлать студенту и слушателю его Романовскому выговоръ въ богословскомъ классѣ въ присутствіи префекта академіи Иннокентія“. Но Ириней не только не исполнилъ даннаго ему лично приказанія, но вечеромъ того-же дня написалъ митроп. Іероѳею слѣдующее, замѣчательное по содержанію своему письмо:

---

1) Объ ней «Кіевъ» съ его древн. учил., кн. II, стр. 404; самое *дѣло* см. ibid. стр. 404—406; подробнѣе— «Кіевск. Епар. Вѣдом.», 1874 г., стр. 235—245, замѣтка проф. Ст. Т. Голубева.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
милостивый архипастырь!

„Вслѣдствіе словеснаго повелѣнія вашего высокопреосвященства, объявленнаго мнѣ сегодня поутру, по коему долженъ былъ я въ богословскомъ классѣ, въ присутствіи академіи префекта, учинить публичный выговоръ за нанесенное нѣкоторымъ изъ дому вашего высокопреосвященства оскорбленіе, студенту богословіи Семену Романовскому, пріемлю смѣлость вашему высокопреосвященству нижайше донесть, что какъ оный студентъ Романовскій не признаетъ себя виновнымъ въ возлагаемомъ на него преступленіи, а все донесенное о немъ вашему высокопреосвященству приписываетъ дѣйствіямъ клеветы и желаетъ, чтобы дѣло его разсмотрѣно было надлежащимъ порядкомъ и по оному-бы рѣшеніе было учинено: то я, не смѣя поступить противу должностей, коими обязанъ учитель къ ученикамъ, также и противъ важности богословскаго класса, который есть истинно святилище Божіе, подобное храмамъ Его, поелику въ немъ единый всѣхъ учитель Христосъ всегда невидимо, какъ мы вѣруемъ, чрезъ особливую благодать присутствуетъ и какъ въ собственномъ Своемъ классѣ всѣмъ слово Свое святое внушаетъ, а потому ни тѣлесныя наказанія, ни шумные человѣческіе выговоры не должны въ немъ имѣть мѣста: ибо инако сдѣлался-бы онъ изъ храма Божія *вертепомъ разбойниковъ:* нижайше прошу вашего высокопреосвященства: 1) Указомъ изъ дикастеріи всѣ изслѣдованія ученическихъ проступковъ и слѣдующія по онымъ указныя наказанія отъ сего священнаго класса навсегда отдѣлить; поелику чрезъ оныя и время отъ священнаго ученія отниматься и вниманіе студентовъ къ Божіему слову безполезно разстроиваться будетъ; а напротивъ того всѣ оныя изслѣдованія и наказанія приказать дѣлать или въ академическомъ правленіи (которое для того и слѣдовало-бы особливымъ указомъ по надлежащему учредить), или въ особомъ какомъ публичномъ собраніи либо всей академіи, либо нѣкоторой части, смотря по важности вины. 2) Въ случаѣ другихъ какихъ-нибудь нужныхъ по классамъ объявленій, естьли не угодно будетъ вашему высокопреосвященству одному мнѣ въ точномъ исполненіи оныхъ учинить довѣренность, приказать приходить со мною въ классъ ректору академіи для свидѣтельства, а не

префекту, коему въ классъ мой для смотрѣнія ходить не слѣдуетъ. 3) Дѣло прописаннаго студента Романовскаго нижайше прошу приказать разобрать либо въ академическомъ правленіи (въ которомъ по симъ и другимъ причинамъ слѣдовало-бы и мнѣ присутствовать), либо въ другомъ мѣстѣ, а слѣдствіе онаго указомъ въ академіи публиковать для предостереженія всѣхъ прочихъ отъ подобныхъ преступленій. Наконецъ заклинаю ваше высокопреосвященство именемъ Божіимъ безъ гнѣва выслушать слѣдующее: какимъ образомъ православная наша богословія не признаетъ непогрѣшительности римскихъ папъ (infallibilitatem), такъ равно не признаетъ она непогрѣшительности и православныхъ епископовъ или патріарховъ; она велитъ и самыхъ святыхъ отцовъ мнѣнія съ словомъ Божіимъ сносить и по довольномъ изслѣдованіи оныя одобрять или охуждать; а посему и неудивительно, естьли студенты богословіи, кои нынѣ по указу святѣйшаго синода слушаютъ Кормчую, начнутъ иногда по церковнымъ оной книги правиламъ разсуждать о правахъ и власти епископовъ, да и разсужденіе таковое запрещено имъ быть не можетъ; а какъ при томъ богословскіе православные классы составляютъ духовное церкви Христовой воинство, отъ коего она всей защиты и безопасности ожидать должна, то я и прошу нижайше ваше высокопреосвященство, какъ православнаго церкви нашей архипастыря, къ священному сему классу оказывать болѣе уваженія и благоволенія, нежели сколько враги православія, или несмысленныя церкви чада желаютъ; а потому и нижайшія наши *предложенія* или мнѣнія, яко происходящія отъ усерднѣйшихъ какъ о временномъ благосостояніи, такъ и о вѣчномъ спасеніи вашего высокопреосвященства помышленій, милостивѣйше принимать, а иногда отъ насъ и требовать оныхъ; ибо кто можетъ во всей епархіи пристойнѣе, свободнѣе и способнѣе насъ оныя въ затруднительныхъ случаяхъ подавать? Мнѣнія православныхъ богослововъ требуетъ и часто принимаетъ самый святѣйшій синодъ; поелику великая часть времени снята съ епископовъ и сложена на нихъ, и притомъ собственная ихъ должность есть та, чтобъ въ словѣ Божіемъ день и нощь упражняться и всѣ изъ онаго почерпаемыя наставленія всей Христовой церкви свободно, то есть безъ страха и стыда, проповѣдывать по оныимъ Давыдовымъ словамъ: „глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари, и не стыдяхся“.

Препоручаю въ прочемъ всего себя высокимъ вашимъ архипастырскимъ милостямъ, благоволенію и святительскому благословенію".

1799 года, марта 21 дня.

(Обычная подпись).

Трудно понять, писано-ли это письмо подъ вліяніемъ возбужденія темными сторонами всего происшествія, явилось-ли оно, какъ послѣдствіе всегда нѣсколько мечтательнаго настроенія Иринея и такого-же представленія его о священномъ значеніи его класса, его отношеній къ ученикамъ и какихъ-то идеальныхъ правъ православныхъ богослововъ, было-ли оно плодомъ того особаго возбужденія, въ которое приводила Иринея его гибельная страсть, или тутъ соединились и обстоятельства происшествія, и обычная настроенность Иринея, и его личныя отношенія, и даже это особое возбужденіе... Какъ-бы ни было, приведенное письмо не могло не взволновать престарѣлаго митрополита; въ особенности его оскорбило употребленное Иринеемъ заклинаніе его именемъ Божіимъ. Дождавшись утра, Іероѳей передалъ письмо въ консисторію, приказавъ запиской секретаря вызвать архим. Иринея въ присутствіе, потребовать отъ него объясненіе въ оскорбительномъ тонѣ и содержаніи письма и, записавъ все въ журналъ, заготовить отъ имени его митрополита донесеніе въ синодъ, съ приложеніемъ письма Иринея и „прописаніемъ всей невоздержной его жизни и соблазнительныхъ поступковъ, о которыхъ его высокопреосвященству и всей академіи довольно извѣстно". Въ тотъ-же день получена въ правленіи академическомъ и самая „секретарская записка". Иринея возмутило это требованіе „заразъ" явиться въ полное присутствіе кіевской дикастеріи, которой подсуднымъ или подчиненнымъ онъ не считалъ ни себя самого, ни тѣмъ болѣе академіи. На самой запискѣ Ириней отвѣчалъ, что какъ архимандритъ онъ принадлежитъ другой епархіи, какъ не членъ кіевской консисторіи быть въ присутствіи оной основанія не имѣетъ, объ отношеніяхъ-же своихъ къ ней по дѣламъ академическимъ никакихъ указовъ и резолюцій не получалъ, а потому и считаетъ себя обязаннымъ являться лишь лично преосв. митрополиту. Но митрополитъ письменно чрезъ ту-же консисторію пригрозилъ ему болѣе строгими мѣрами, и Ириней покорился. Въ назначенный день и часъ онъ явился въ присутствіе консисторіи

и тамъ объявилъ, что письмо писано имъ и что *„упоминаемое въ немъ заклинаніе онъ считаетъ дѣйствіемъ благочестивымъ, а ежели какъ то, такъ и всѣ прочія онаго письма выраженія почитаются оскорбительными, то онъ признаетъ себя въ томъ виновнымъ и обязывается испросить“* у оскорбленнаго митрополита *прощеніе*. Повинная Иринея не принята, его объясненіе занесено въ журналъ, а по этому послѣднему составлено и послано отъ имени митрополита донесеніе въ св. синодъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ письма Иринея.

Въ донесеніи своемъ митрополитъ, обвиняя Иринея, безъ указанія какихъ либо данныхъ, въ подстрекательствѣ студента Романовскаго къ оказанной имъ дерзости, а равно въ присылкѣ ему, митрополиту, оскорбительнаго письма, доказываетъ незаконность и несообразность высказанныхъ Иринеемъ въ письмѣ желаній, указываетъ на ослушаніе его консисторскому указу и, какъ на крайнюю для себя обиду и поруганіе его сана и лѣтъ, на употребленіе Иринеемъ заклинанія его именемъ Божіимъ, а въ заключеніе выставляетъ во всей, такъ сказать, наготѣ несчастную страсть Иринея, его „налогъ“ и „напой“, по причинѣ котораго „нерѣдко въ теченіи года недѣль по двѣ и болѣе не бывалъ въ своемъ классѣ, присовокупляя къ пьянству и другіе крайне соблазнительные поступки, и отъ котораго истрезвляемъ былъ удаленіемъ съ нарочными изъ академіи въ принадлежащій ей загородной дворъ“. Прибавляя наконецъ, что отважность Иринея сдѣлалась въ академіи гласною и его, митрополита, честь страждетъ напрасно, Іерооей просилъ „его отъ таковыхъ поношеній защитить, архимандрита Иринея за вышеписанные дерзостные поступки усмирить и въ страхъ другимъ не только отъ должности учительской отрѣшить, но и изъ епархіи кіевской исключить“.

„Доношеніе“ это было отправлено 29 марта 1799 г. Въ тотъ-же день (до или послѣ отправки, не знаемъ) Ириней представилъ митрополиту прошеніе, въ которомъ, признавая всю свою вину и обѣщая полную покорность и совершенное исправленіе, просилъ все „по оному письму происшедшее прекратить и, даровавъ всѣмъ въ семъ дѣлѣ виновнымъ всеобщую амнистію, оное совершенному и всегдашнему забвенію предать“.

Потребовалось около 3-хъ мѣсяцевъ, пока это прошеніе, подкрѣпленное, можетъ быть, неоднократными личными просьбами и какими либо ходатайствами, возъимѣло наконецъ желаемое дѣйствіе. Въ то время, когда со дня на день надобно было ожидать синодальнаго указа по первому донесенію митроп. Іероѳея, 20 іюня онъ отправилъ второе съ горячимъ ходатайствомъ объ Иринеѣ. Митрополитъ писалъ въ синодъ: „предпочитая общественную пользу своей обидѣ, покорнѣйше прошу, освободивъ архимандрита Иринея отъ дальнѣйшихъ послѣдствій, *оставить по прежнему при академіи, яко такова человѣка, который по своимъ дарованіямъ для оной нуженъ и полезенъ*".

По спустя три дня послѣ этого получено рѣшеніе синода по первому донесенію. Указомъ синодальнымъ предписывалось: архимандрита Иринея, по испрошеніи имъ прощенія у митрополита и взятіи съ него въ консисторіи подписки въ безпрекословномъ повиновеніи властямъ, „отрѣша отъ исправленія въ академіи должности богословіи учителя, а равно и отъ управленія... гамалѣевскимъ монастыремъ, опредѣлить въ учрежденную въ Москвѣ для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до церкви и ученій церковныхъ касающихся, коммисію членомъ съ жалованьемъ *по пятисотъ рублей* въ годъ и туда отправить его съ паспортомъ по надлежащему".

Митрополитъ велѣлъ дикастеріи помедлить исполненіемъ присланнаго указа и, въ ожиданіи новаго, уполномочилъ Иринея продолжать службу при академіи. Св. синоду вѣроятно извѣстны были не одни выдающіяся дарованія Иринея, но и удручавшая его болѣзнь, и ничего невозможнаго нѣтъ въ томъ, что члены синода взглянули на оскорбленіе причиненное митрополиту Иринеемъ, какъ на случайное проявленіе этого несчастнаго недуга. Во всякомъ случаѣ новое рѣшеніе синода не только было человѣколюбиво, но какъ-бы превышало ходатайство митрополита: Ириней не только оставленъ по прежнему при академіи въ должности учителя богословія, но за переводомъ штата гамалѣевскаго монастыря на кіево-братскій [1])

---

[1]) Указомъ имп. Екатерины II отъ 10 апр. 1768 г. (см. «Полное собр. зак.», т. XXII, № 16375) Кіево-братскій училищный монастырь упразднялся и обращался въ военный госпиталь, по положенію. По поводу этого распоряженія Фальковскій замѣчаетъ: «мы были подобны онымъ сынамъ Израиля, кои воспѣвали:

назначенъ архимандритомъ и настоятелемъ сего послѣдняго. Указъ полученъ въ началѣ августа.

Такъ окончилось, къ общему удовольствію, *дѣло* архимандрита Иринея съ митроп. Іероѳеемъ. Любимый студентами профессоръ не былъ оторванъ отъ академіи и явился настоятелемъ монастыря, въ которомъ она издавна ютилась и съ которымъ была въ неразрывной связи; такимъ образомъ Ириней, и не нося оффиціально званія ректора, какъ по іерархическому сану своему, такъ равно и по вліянію на дѣла академическія, становился ближайшимъ блюстителемъ кіевскихъ школъ. Отъ самого-же *дѣла* остались горькій жизненный опытъ да подписка Иринея въ безусловномъ послушаніи начальству [1]). Независимо отъ сего происшедшая съ нимъ передряга, произведши сильное нравственное потрясеніе во всемъ существѣ Иринея, имѣла благодѣтельныя для него послѣдствія. Жизнь его, съ этой поры, носитъ печать замѣчательнаго подвижничества, перешедшаго впослѣдствіи въ строжайшій аскетизмъ. День обыкновенно начиналъ онъ горячею молитвою съ „метаніями" и заканчивалъ такою-же молитвою съ новыми „метаніями", доходившими отъ 150 (рѣдко) и до 700 въ день. Остальное время дня онъ проводилъ въ чтеніи св. писанія ветхаго и новаго завѣтовъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ чтеніи отеческихъ твореній, нѣмецкихъ комментаторовъ св. писанія (въ подлинникѣ), въ списываніи и составленіи ученыхъ изслѣдованій и въ хлопотахъ по дѣламъ ввѣреннаго его управленію кіево-братскаго монастыря. Пищею довольствовался самою скудною; „кашица съ картофелью"—вотъ вся его пища, а весьма часто онъ довольствовался „сухояденіемъ". Дни, въ которые Ириней съѣдалъ „булку", записывались имъ, какъ дни особенные. Чай являлся роскошью, которую Ириней дозволялъ себѣ только *въ* гостяхъ и *при* гостяхъ [2]). До чего доходили заботы его о душѣ, можно видѣть изъ тѣхъ замѣтокъ, какія велись имъ въ это время. Онъ съ математическою точностію отмѣчалъ даже

на рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ» (см. рукоп. кіево-соф. соб. VIII, 4). Но въ 1799 г. кіево-братскій монастырь былъ возстановленъ въ штатное положеніе 2-го класса, и сюда-же переведенъ былъ штатъ упразднявшагося гамалѣевскаго Харлампіева монастыря съ ризницею и утварью.

[1]) «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.», т. III, № 112.

[2]) См. рукоп. кіево-соф. соб., XIX, 1, стр. 1—42.

такія, повидимому, мелочи, какъ напримѣръ были-ли у него въ извѣстный день и сколько именно разъ были „нерадѣнія степени", „унынія дѣйствія", „гнѣвныя дѣйствія", „мысли похотныя" и т. п.[1]). Поэтому-то онъ весьма часто исповѣдывался у духовника своего[2]) и ежедневно по-нѣсколько разъ прочитывалъ „Правила отъ искушеній"[3]).

Съ этихъ-же поръ Ириней еще болѣе, если только это возможно было, старается посвятить все свое время, всѣ свои силы на служеніе академіи, занимаясь и преподаваніемъ въ богословскомъ классѣ, и толкованіемъ апостольскихъ посланій, въ силу синодальнаго указа отъ 18 декабря 1798 г., по воскреснымъ днямъ, ученикамъ *риторики, философіи* и *богословіи*, и изданіемъ кіевскихъ мѣсяцеслововъ, и, наконецъ, учеными трудами. Читая ежедневныя замѣтки его на 1799—1805 гг.[4]) поражаешься и проникаешься невольнымъ благоговѣніемъ предъ тою массою умственнаго труда, какую ежедневно выполнялъ неутомимый работникъ мысли. Въ одной изъ рукописей кіево-софійскаго собора сохранились, слабовато впрочемъ хактеризующія преподавательскую въ это время дѣятельность Иринея, вѣдомости о пройденномъ имъ въ богословскомъ классѣ за 1799—1804 годы. Приводимъ изъ этихъ вѣдомостей названія тѣхъ предметовъ, которые онъ одновременно читалъ, какъ учитель богословія. Вотъ они:

1) *Церковная исторія.* 2) *Герменевтика*, или изложеніе способовъ и правилъ объясненія свящ. писанія. 3) *Богословіе догматико-полемическое.* 4) *Нравственное богословіе.* 5) *Пасхалія.* 6) *Объяснительное чтеніе книгъ священнаго Писанія.* 7) *Книга Кормчая или церковное право.* 8) *Книга о должности приходскихъ священниковъ или пастырское богословіе.* 9) *Толкованіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній, евангельскихъ и апостольскихъ*[5]).

Въ вѣдомостяхъ сжато объяснено, что именно пройдено по каждому предмету за каждый годъ и преподано, показаны руководства и отчасти способы изложенія. Такъ при изложеніи Цер-

---

[1]) Ibid. «Барометръ страстей», стр. 22 и дал.

[2]) Въ 1802 г., напр., 10 разъ (см. рукоп. кіево-соф. соб. XIX, 1, стр. 30).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб., XIX, 1, стр. 1—42.

[4]) См. ibid. первую половину.

[5]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 618, стр. 41.

ковной Исторіи Ириней старался съ возможною полнотою освѣтить главнѣйшія и важнѣйшія эпохи, пользуясь для этой цѣли доступною ему литературою предмета. Тоже замѣчаемъ и въ преподаваніи имъ св. писанія. Тутъ дѣло поставлено было на строго-научную почву. Помимо *подробнаго толкованія особенно трудныхъ мѣстъ*, Ириней здѣсь-же въ классѣ знакомитъ своихъ слушателей съ греческимъ подлинникомъ и латинскимъ переводомъ „Вульгатою", сличая съ ними славянскій текстъ. Наибольшій трудъ совершилъ и наибольшую услугу оказалъ Ириней обработкою богословской науки и приведеніемъ оной въ стройную систему, въ чемъ она такъ сильно нуждалась еще со времемъ Прокоповича, давшаго ей новое направленіе, которое должно было освободить ее отъ оковъ схоластики, но не упорядочившаго самой науки, и введеннымъ въ нее методамъ изложенія расширившаго ее до такихъ размѣровъ, что самъ онъ, читая этотъ предметъ 4 года, едва выполнилъ половину плана. Существенная услуга Иринея состоитъ въ томъ, что, взявъ за основу обширный планъ Прокоповича, онъ выполнилъ вторую его часть, представилъ обѣ части въ сжатомъ и законченномъ видѣ и далъ возможность учащимся въ четырехлѣтній срокъ, безъ обремененія, выслушать полный курсъ богословія. Говоря словами Иринея, это была „Теологія въ сокращенномъ видѣ для наставленія россійскаго юношества". Въ существенныхъ чертахъ таково и скромное названіе его капитальнаго труда.

Не входя въ разборъ онаго, скажемъ, что по ясности, отчетливости и систематической строгости „Compendium" Иринея долженъ быть признанъ самою лучшею догматическою системою своего времени. Это и было то, о чемъ воздыхали и мечтали, но чего не могли сдѣлать его предмѣстники по богословской каѳедрѣ и въ ряду ихъ даровитѣйшій Георгій Конисскій. Непосредственно-же послѣ выхода своего въ свѣтъ, „Compendium" введено было, въ качествѣ учебника по догматико-полемическому богословію, не только въ кіевской, но и въ другихъ духовныхъ академіяхъ. Впослѣдствіи право изданія было уступлено авторомъ коммисіи духовныхъ училищъ и, кромѣ перваго изданія, явилось два новыхъ. Разсматриваемая въ общемъ система Иринея представляетъ собою опытъ рѣшительнаго изгнанія схоластики. Слѣдъ схоластики остался у Иринея Фальковскаго только во внѣшней постановкѣ вопросовъ

именно въ обозначеніи частныхъ отдѣловъ того или другаго трактата принятыми у схоластиковъ терминами: *thesis* и др. и замѣчаемая иногда дробность дѣленій.

Не меньшая заслуга принадлежитъ Иринею и какъ экзегету. Справедливою извѣстностью пользуется имя его въ ряду лучшихъ нашихъ толкователей св. писанія. Назначенный въ силу упомянутаго уже нами раньше синодальнаго указа (отъ 31 окт. 1798 г.) толкователемъ апостольскихъ посланій по воскреснымъ днямъ, онъ съ честью выполнилъ возложенное на него назначеніе. Съ 27 февраля 1799 г. и по 1803 годъ включительно Иринеемъ прочтены были и написаны толкованія на *шесть* посланій ап. Павла: на первое и второе къ солунянамъ, первое и второе къ коринѳянамъ, къ галатамъ и къ римлянамъ. Изъ нихъ извѣстны въ печати только толкованія на посланіе къ римлянамъ [1]) и на посланіе къ галатамъ [2]); толкованія же на остальныя исчисленныя нами четыре посланія и по настоящее время остаются въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора [3]).

Толкованіе посланій расположено Иринеемъ сообразно хронологическому порядку ихъ написанія св. ап. Павломъ. Послѣ общихъ свѣдѣній о времени, мѣстѣ, цѣли написанія извѣстнаго посланія и краткаго анализа содержанія слѣдуетъ самое толкованіе посланія, предложенное въ отдѣльныхъ „чтеніяхъ“, весьма тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ и сопровождаемыхъ „нравоученіемъ“. Толкованія снабжены хронологическими, историческими и географическими поясненіями и даже филологическими изысканіями, употребляемыми при сличеніяхъ различныхъ текстовъ. При этомъ строго-научномъ характерѣ толкованій Ириней съ рѣдкимъ искусствомъ съумѣлъ сообщить имъ ясность и удобопонятность самыхъ популярныхъ истолковательныхъ бесѣдъ.

При изъясненіи извѣстныхъ мѣстъ того или другаго посланія Ириней, гдѣ это кстати и необходимо, указываетъ иногда на разности въ ученіи восточной и западной церквей съ основательнымъ опроверженіемъ заблужденій послѣдней. Для болѣе яснаго и на-

[1]) Кіевъ, 1806 г.

[2]) Кіевъ, 1807 г.

[3]) №№ 121 и 122.

гляднаго раскрытія мысли извѣстнаго посланія экзегетъ нашъ прибѣгаетъ иногда къ примѣрамъ изъ жизни благочестивыхъ людей.

Для этой-же цѣли, Ириней прибѣгаетъ иногда и къ большимъ выдержкамъ изъ сочиненій славныхъ ученыхъ древности [1]) и при случаѣ старается показать и опровергнуть вторгавшіяся въ то время въ интеллигентную часть русскаго общества анти-православныя и анти-религіозныя деистическія и натуралистическія тенденціи [2]).

Думаемъ, что изданіе въ свѣтъ неизданныхъ еще изъ нихъ было-бы довольно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ экзегетической литературы. Не смотря на свой, нѣсколько устарѣвшій уже языкъ, толкованія эти могли-бы служить прекраснѣйшимъ пособіемъ къ составленію проповѣдей и веденію завоевывающихъ уже себѣ право гражданства воскресныхъ собесѣдованій съ народомъ.

Г. Булашевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб , № 121, стр. 35—36—выдержка изъ «Тускуланскихъ вопросовъ» *Цицерона.*

[2]) Ibid. стр. 49.

Фрески кіево-кирилловской церкви XII в.

(Рѣчь, произнесенная А. В. Праховымъ въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.) *).

Мм. гг.! На мою долю выпала лестная задача сообщить вамъ объ исполненіи перваго крупнаго археологическаго труда, предпринятаго въ благополучное царствованіе Государя Императора,—задача для меня тѣмъ болѣе пріятная, что этотъ археологическій трудъ былъ исполненъ почином нашего общества. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить Императорскому русскому археологическому обществу открыть и скопировать фрески кирилловской церкви въ Кіевѣ; работы длились два года, и вотъ плоды этихъ трудовъ!...

---

*) Въ виду особеннаго интереса этого недавняго открытія для читателей нашихъ вообще и въ частности кіевскихъ, воспроизводимъ по благосклонно сообщенному уважаемымъ Адріаномъ Викторовичемъ списку его изящную и богатую содержаніемъ рѣчь, которой прежде насъ далъ мѣсто на своихъ страницахъ «Журналъ министерства народ. просвѣщенія». Благодаря особой любезности ея автора, имѣвъ случай совмѣстно съ нимъ осмотрѣть еще въ сентябрѣ 1881 г. исполненное имъ тогда уже открытіе большей части фресокъ, мы съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго намъ описанія оныхъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ и воспроизводимъ оное, что оно является не въ формѣ сухаго археологическаго реферата, но въ видѣ блестящей рѣчи, съ такою легкостью вводящей читателя въ отдаленный вѣками міръ кіевскихъ древностей. Видѣвъ открытыя и полуоткрытыя тогда фресковыя изображенія—въ натурѣ и прекрасныхъ копіяхъ, мы можемъ лишь раздѣлять увѣренность такъ много потрудившагося профессора въ важности открытія. Мы особо любовались фресками бытоваго характера, воспроизводящими эпизоды изъ житія св. Кирилла Александрійскаго въ обстановкѣ кіевской жизни XII в., а разсматривая остатки картины Страшнаго Суда, пожалѣли вмѣстѣ съ почтеннымъ профессоромъ о томъ, что рука времени, сохранивъ изображенія праведниковъ, не оставила ни единаго грѣшника или грѣшницы, въ изображеніяхъ которыхъ отразилось-бы нравственное міровоззрѣніе кіевлянъ XII вѣка.—Ред.

Напомню вамъ вкратцѣ исторію нашего памятника.

Кіевскія сооруженія X, XI и XII в. группируются, какъ известно, около двухъ центровъ, одного — политическаго, другаго — религіознаго. Десятинная церковь, Васильевская-Трехсвятительская, св. Софія, исчезнувшія теперь георгіевская и ирининская церкви, Михайловскій Златоверхій монастырь, всѣ эти памятники X, XI и XII вѣковъ сосредоточены на плоской вершинѣ одного кіевскаго взгорья въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ другъ отъ друга: всѣ они заключены въ древнемъ кремлѣ Владиміра, Ярослава, Изяслава, Святополка. Другіе памятники тѣхъ-же вѣковъ сосредоточены на Печерскѣ, вокругъ главнаго религіознаго центра, Кіево-печерской лавры, или по дорогѣ къ ней. Церковь, надъ которою мы работали въ теченіе двухъ лѣтъ, кирилловская церковь, и бывшій при ней монастырь одиноко расположены въ противуположномъ сѣверо-западномъ концѣ Кіева, въ $^3/_4$ часа ѣзды отъ древняго Кремля, на послѣднемъ возвышенномъ выступѣ кіевскихъ горъ. Откуда такое своеобразное положеніе?

Кіевъ, нынѣ доступный со всѣхъ сторонъ, далеко не былъ такимъ въ древности. Съ юга его замыкали густые боры, съ востока естественною преградой являлась быстрина широкаго Днѣпра; единственный удобный доступъ къ нему былъ съ запада и сѣверо-запада. Въ сѣверо-западномъ углу, подъ тѣмъ холмомъ, гдѣ стоитъ кирилловская церковь, сходились всѣ дороги, ведшія въ праматерь русскихъ городовъ; здѣсь было знаменитое въ лѣтописи Дорожиче, или Дорогожиче. Едва-ли еще гдѣ-либо въ кіевской Руси найдется мѣсто, въ такой степени напоенное человѣческою кровію и усѣянное человѣческими костями, какъ это Дорожиче. Всякій врагъ, наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этой мѣстности, и подъ первымъ холмомъ, подъ первою естественною твердынею Кіева, угрожавшею нападающему съ праваго фланга, происходили первыя схватки. Кто овладѣвалъ этимъ ключемъ, предъ тѣмъ нижній городъ, теперешній Подолъ, былъ беззащитенъ. Народная фантазія кіевлянъ въ такой степени освоилась съ представленіемъ о врагѣ на Дорожичѣ, что сложился миѳъ о двѣнадцатиглавомъ зміѣ, гнѣздившемся въ пещерахъ кирилловской горы и оттуда пожиравшемъ кіевлянъ. Ихъ избавителемъ явился нѣкій Кирило Кожемяка, разорвавшій при вѣсти о зміѣ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, которыя онъ мялъ въ своихъ

богатырскихъ рукахъ. На этой-же мѣстности рѣшилась судьба и честолюбиваго Ольговича Черниговскаго, Всеволода II, пришедшаго добывать себѣ великокняжескій престолъ. Напавъ на кіевлянъ на Дорожичѣ, онъ зажегъ Копыревъ конецъ и овладѣлъ Кіевомъ и престоломъ (5-го марта 1140 г.). Надъ мѣстомъ своей побѣды, на роковомъ холмѣ, онъ поставилъ памятникъ этой побѣды—кирилловскій монастырь, съ большою церковью, съ главнымъ престоломъ въ честь св. Кирилла александрійскаго и малымъ придѣломъ въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. По обычаю того времени, монастырь сдѣлался „отнимъ“ въ родѣ Ольговичей. При немъ возникъ „княжій дворъ“, въ которомъ охотно живали Ольговичи; здѣсь-же скончался сынъ Всеволода II, Святославъ III, и былъ положенъ „въ отнемъ ему монастырѣ“. Его мать, Марія Мстиславовна, княгиня Всеволожая, также „положена бысть въ Кіевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала“ (1179 г.). Итакъ, будучи „отнею“ въ родѣ Ольговичей, кирилловская церковь стала ихъ усыпальницею. Въ паперти церкви видно всего четыре мѣста, гдѣ стояли княжескія гробницы: два въ южной стѣнѣ и два въ западной. Самъ храмоздатель, Всеволодъ II, однако не былъ погребенъ здѣсь: его похоронили въ Вышгородѣ; въ кирилловской-же церкви, кромѣ Маріи Мстиславовны, могли быть погребены сынъ Святослава III, Всеволодъ, и его супруга Марія Казиміровна.

Бѣдственный 1240 годъ естественно легъ тяжелымъ бременемъ и на кирилловскую обитель; но, благодаря ея удаленности отъ кіевскаго Кремля, она, по видимому, пострадала менѣе другихъ храмовъ. Порча кирилловской церкви произошла главнымъ образомъ отъ расхищенія свинцовыхъ крышъ, которыми были покрыты, по общему обычаю, ея своды; дождь и снѣгъ сдѣлали свое дѣло и вотъ, какъ вы видите изъ разрѣзовъ церкви, главное разрушеніе представляютъ верхнія части храма. Послѣ 1240 г. всякія свѣдѣнія о кирилловской церкви прекращаются вплоть до XVI вѣка... При видѣ нашихъ древнихъ храмовъ мнѣ всегда приходятъ на память житія мучениковъ: какъ житія пострадавшихъ подвижниковъ начинаютъ быть краснорѣчивыми только съ той минуты, какъ подвижникъ принялъ мученическій вѣнецъ, такъ и исторія нашихъ древнихъ храмовъ становится нѣсколько болѣе подробною лишь съ той минуты, какъ она превращается въ ихъ мартирологію.

Первое позднѣйшее свѣдѣніе о кирилловской церкви относится къ 1555 году, когда король Сигизмундъ II предоставилъ нѣкоему Богдану Ивановичу Шавулѣ „тую церковь на себѣ до живота своего держати... якъ и предки его тую церковь на себѣ держали“. О *монастырѣ* ни слова. Полнымъ своимъ возстановленіемъ церковь и монастырь обязаны были знаменитому ревнителю православія и русской народности, князю Константину Константиновичу Острожскому, который, получивъ этотъ храмъ во владѣніе на правахъ патроната, поручилъ возстановленіе и управленіе храмомъ и монастыремъ своему любимцу, игумену Василію Красовскому „Чорнобрівцу“ (1605 г.), для чего перевелъ его изъ г. Острога, изъ монастыря св. Креста, въ Кіевъ. Къ этому времени должна быть отнесена починка сводовъ, малыхъ куполовъ и ихъ бань, крышъ и попытки подправить и поддержать разрушающіяся отъ сырости фрески. Въ церкви устроено было три престола, въ главной абсидѣ— въ честь св. Троицы, въ южной (прежнемъ діаконикѣ?) въ честь св. Кирилла александрійскаго, въ сѣверной (прежнемъ жертвенникѣ?) въ честь св. Архангела Михаила. Въ 1614 г. Василій Красовскій скончался и былъ погребенъ въ кирилловской церкви за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ цѣлый рядъ настоятелей, которые придали кирилловской обители первенствующее значеніе въ борьбѣ за православіе и русскую народность; въ числѣ ихъ были люди высокообразованные, какъ Иннокентій Гизель, воспитанникъ западныхъ университетовъ; люди высокой святости, какъ Димитрій Савичъ Туптало, святитель ростовскій; наконецъ отличные хозяева, какъ Иннокентій Монастырскій. Такъ шло дѣло до XVIII в. Въ 1787 году кирилловскій монастырь былъ упраздненъ, и мѣсто съ церковью было отдано инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и понынѣ богоугодныя заведенія. Религіозное значеніе отошло на второй планъ, въ колокольнѣ была устроена аптека; вѣроятно въ то же время подверглись закрытію и фрески, смущавшія новыхъ хозяевъ своимъ пятнистымъ видомъ. Церковь была забыта до 1860 года, когда случайно, при начатомъ было перетираніи штукатурки, обнаружена была древняя стѣнопись; перетираніе было остановлено, но для открытія фресокъ не было сдѣлано ничего. 1874 годъ, годъ третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, также прошелъ безслѣдно для созданія Ольговичей; даже

болѣе: кажется съ этого времени устанавливается неблагопріятное мнѣніе о кирилловскихъ фрескахъ, такъ какъ, при открытіи нѣкоторой части ихъ для съѣзда, случайно напали на худшую ихъ часть. Лишнее напоминать вамъ, мм. гг., что судьба этого опороченнаго было памятника окончательно рѣшена была, благодаря вашей энергіи и бдительности.

Ознакомившись съ памятникомъ лѣтомъ 1880 года, я старался прежде всего убѣдиться въ тожественности сооруженія, извѣстнаго вамъ изъ лѣтописи, съ сохранившимся на кирилловской горѣ. Въ этомъ случаѣ играло важнѣйшую роль изслѣдованіе его кладки, которая показала, что церковь построена совершенно такъ, какъ строились всѣ зданія XI и XII вѣковъ, а именно: стѣны кладены изъ тонкихъ кирпичей, на толстомъ свѣтлорозовомъ цементѣ, съ прикладкою на разныхъ высотахъ горизонтальныхъ поясовъ изъ булыжниковъ (кладка Золотыхъ воротъ, напримѣръ). Итакъ оказалось, что существующее зданіе дѣйствительно XI или XII вѣка. Слѣдовъ отъ какой-либо другой церкви на этомъ холмѣ не уцѣлѣло, а съ другой стороны въ живомъ и лѣтописномъ преданіи церковь кирилловская является именно тою, которая была сооружена Всеволодомъ II между 1140 и 1146 г. Какъ вы помните, мм. гг., 7-го ноября 1880 года я имѣлъ честь докладывать вамъ о моей археологической поѣздкѣ въ Кіевъ, и вами было принято мое предложеніе поднять вопросъ объ открытіи кирилловскихъ фресокъ. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить свое Высочайшее соизволеніе на производство этихъ работъ и пожаловать обществу необходимыя для этого средства. Польщенные монаршимъ довѣріемъ, вы приступили къ дѣлу съ возможною осмотрительностію. Возложивъ исполненіе этого дѣла на меня, вы сочли за благо образовать въ Кіевѣ коммисію для наблюденія надъ работами изъ трехъ человѣкъ: каѳедральнаго протоіерея кіево-софійскаго собора П. Г. Лебединцева, профессора духовной академіи П. А. Лашкарева и профессора кіевскаго университета А. А. Котляревскаго. Что́ до послѣдняго, то намъ остается только вздохнуть надъ безвременною могилой этого почтеннаго труженика. О. Лебединцевъ и г. Лашкаревъ оказывали мнѣ возможное содѣйствіе и помощь, за что́ считаю пріятнымъ для себя долгомъ принести имъ мою глубокую благодарность предъ лицемъ всего общества.

Наши работы начались въ Кіевѣ составленіемъ точнаго протокола о состояніи фресокъ, съ присоединеніемъ къ нему пояснительныхъ чертежей. Этотъ протоколъ, своевременно препровожденный вамъ, мм. гг., былъ подписанъ нами 4-го іюня 1881 г., и въ тотъ-же день было приступлено къ работамъ.

Задача, которую я поставилъ себѣ съ самаго начала, была троякая. Вопервыхъ, мнѣ представлялось необходимымъ всесторонне изслѣдовать *архитектурную сторону,* опредѣлить части древнія и новѣйшія; вовторыхъ, *открыть и скопировать, какъ фрески XII вѣка,* такъ и всѣ позднѣйшія наслоенія живописи, еслибъ они оказались. При этомъ мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать копіи, такъ-сказать, монументальныя, то-есть по возможности въ величину подлинниковъ, на прочномъ матеріалѣ и съ воспроизведеніемъ всѣхъ порчъ, такъ чтобы эти копіи могли служить нагляднымъ протоколомъ о состояніи памятника въ минуту его открытія. Наконецъ третья *задача* была *эпиграфическая:* собрать всѣ надписи, какъ начертанныя кистью въ объясненіе изображеній, такъ и всѣ случайныя рѣченія, нацарапанныя во многихъ мѣстахъ церкви (graffitti), такъ какъ, собранныя въ порядкѣ хронологическомъ (а многія изъ нихъ съ годами), онѣ могли-бы дать небезъинтересный матеріалъ какъ для исторіи памятника, такъ и для исторіи языка.

Результатъ архитектурнаго изслѣдованія памятника вы видитите въ этихъ чертежахъ, представляющихъ три плана: 1) по землѣ, 2) на высотѣ хоръ, 3) на высотѣ чердаковъ, и три разрѣза: 1) продольный по среднему кораблю, 2) продольный по кораблю кирилловскаго предѣла и 3) поперечный по главному поперечному кораблю съ видомъ на хоры и западный входъ въ храмъ. Вы обратите, конечно, вниманіе на то, что на чертежахъ всюду древняя кладка отдѣлена (болѣе темнымъ цвѣтомъ) отъ новѣйшей; затѣмъ вы не упустите изъ виду нѣкоторыя архитектурныя находки, а именно: въ южной стѣнѣ паперти (эсонартикса) двухъ нишей съ арками (arcosolium), подобныя тѣмъ, которыя всегда оставались открытыми въ западной стѣнѣ паперти. На сводахъ всѣхъ четырехъ нишъ, справа и слѣва въ каждой, изображено по ангелу съ державой и скипетромъ. Это какъ-бы ангелы хранители, склонившіеся надъ могилами погребенныхъ князей, такъ какъ въ нижнихъ частяхъ этихъ аркасоліевъ были вдвинуты мраморные гробы Ольго-

вичей. Ихъ судьба была печальная: въ эпоху всеобщаго безправія, за властью польскихъ пановъ на Украйнѣ, эти священные останки русской старины были выломаны однимъ кіевскимъ шляхтичемъ и перевезены въ его баню. Интересною архитектурною подробностію является далѣе ходъ внутри южной стѣны южнаго (нынѣ кирилловскаго) алтаря. Черезъ низкую дверь вы попадаете въ узенькій корридорчикъ, заканчивающійся отвѣсною стѣною, въ верху которой (на высотѣ болѣе 4 аршинъ) идутъ каменныя ступеньки; на нихъ очевидно попадали при помощи приставной деревянной лѣстницы; по каменнымъ ступенькамъ вы добираетесь до окна (которое мы застали заложеннымъ); это окно, болѣе роста человѣческаго, выводитъ насъ внутрь южнаго олтаря на высотѣ $8\frac{1}{2}$ аршинъ надъ поломъ; на правой сторонѣ его амбразуры уцѣлѣли слѣды древней фрески, и верхъ увѣнчанъ шиферным карнизомъ: обстоятельство, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что это окно современно зданію. Назначеніе этого хода загадочно. Есть мнѣніе, по которому такіе ходы въ монастырскихъ стѣнахъ служили для новопосвященныхъ іеромонаховъ для проведенія первыхъ семи дней безвыходно въ церкви; ставъ въ верхнемъ окнѣ, новопосвященный могъ слушать литургію.

Сверхъ того мы нашли еще восемь оконъ, заложенныхъ впослѣдствіи: подробности, интересныя для возстановленія храма въ первоначальномъ его видѣ. При изслѣдованіи фундаментовъ, въ четырехъ мѣстахъ (въ двухъ по кирилловскому кораблю и двухъ по главному продольному) выяснилась вся система этой несокрушимой постройки. Въ южномъ концѣ паперти мы наткнулись при этомъ на интересную гробницу XVI—XVII вѣка, въ которую заглянули случайно, но не тронули ея, дабы не заслужить упрека въ праздномъ любопытствѣ; она нанесена нами на планъ и разрѣзъ. При изслѣдованіи подпольныхъ частей паперти мы убѣдились, что древній полъ болѣе чѣмъ на 1 аршинъ былъ ниже теперешняго.

Безъ сомнѣнія, главною нашею задачею было *открытіе и копированіе фресокъ*. Я не буду утомлять васъ подробностями работъ изо дня въ день, но считаю не лишнимъ обратить ваше вниманіе на тѣ пріемы, которыми мы пользовались при открытіи фресокъ. Снявъ известковые покровы острымъ орудіемъ, деревянными и желѣзными (притупленными) ножами, мы выкатывали открытую фреску

хлѣбнымъ мякишемъ, пока хлѣбъ бралъ известь; затѣмъ, давъ постоять фрескѣ два-три дня, мы промывали ее слабымъ растворомъ поташа. Снимая механически послѣдній слой извести, поташъ въ то-же время оживляетъ краски; но по мѣрѣ того, какъ фреска высыхаетъ, она снова покрывается хотя уже и менѣе густымъ бѣлесоватымъ налетомъ, будто тончайшею бумагой. Послѣ многихъ пробъ удалось найдти средство устранить этотъ послѣдній покровъ: 5% растворъ салициловой кислоты съ небольшою примѣсью соды, нанесенный кистью нѣсколько разъ (до 10 разъ), проясняетъ фреску окончательно: краски сохраняютъ свою яркость и послѣ того, какъ стѣна высохнетъ. Чтобы предохранить эту поверхность отъ дѣйствія сырости, оставалось натереть ее составомъ изъ терпентина, воску, бѣлой смолы и небольшой части очищеннаго масла.

Мы начали открытіе фресокъ съ хоръ, гдѣ оказались лишь жалкіе слѣды ихъ. Несравненно большій уловъ ждалъ насъ въ паперти и присоединенному къ ней теплому алтарю. Въ паперти уцѣлѣли остатки страшнаго суда, а именно: 1) прямо противъ входа вверху 12 судей—апостоловъ, ниже ихъ налѣво толпы подходящихъ праведниковъ, направо колѣнопреклоненныя фигуры, ангелы, и въ самомъ низу врата адовы. Налѣво отъ этого средняго изображенія, на выступающемъ плоскомъ столпѣ, группа праведниковъ въ одеждахъ XII вѣка, ведомыхъ кѣмъ-то въ идеальной одеждѣ (св. Петромъ?); на соотвѣтствующемъ правомъ столпѣ ангелъ свивающій хартію; подпись поясняетъ: ангелъ завиваетъ небо. Надъ сѣверо-западнымъ аркосоліемъ уцѣлѣло лоно Авраамово. Сюжеты этихъ фресокъ вполнѣ выясняются чрезъ сравненіе съ фресками Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Нередицкаго Спаса въ Новгородѣ. Сверхъ того, въ аркосоліяхъ болѣе или менѣе сохранились слѣды ангеловъ, со скипетрами и державами, и въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ тѣ или другія изображенія. Въ тепломъ алтарѣ лучшимъ кускомъ является изображеніе молодаго мученика въ княжой одеждѣ, сохранившееся до персей. Въ главномъ продольномъ кораблѣ среди множества другихъ остатковъ обращаютъ на себя вниманіе изображеніе четырехъ столпниковъ между окнами въ южной и сѣверной стѣнѣ. Яснѣе другихъ лѣвое на южной стѣнѣ: на византійской колоннѣ изъ краснаго камня, съ зеленою базой и зеленою капителью, съ голубымъ плинтусомъ внизу и голубою абакою вверху, помѣщена рѣшетчатая

изгородь, изъ-за которой отъ пояса виднѣется фигура святаго мужа. Ниже оконъ, на южной стѣнѣ, слѣды Рождества Христова, на сѣверной—Успенія Божіей Матери. Интересная находка ждала насъ на столпахъ царской арки, закрытыхъ высокимъ иконостасомъ. По снятіи иконостаса и по очисткѣ эти столпы оказались сверху и до низу покрытыми фресками. На сѣверномъ изъ нихъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, за нею слѣва пр. Іосифъ съ парою голубковъ. Ниже св. апостолъ Петръ съ жезломъ въ лѣвой рукѣ: (—„паси овцы моя“); подлѣ него приписано его имя. На соотвѣтствующихъ мѣстахъ южнаго столпа изображены св. Богопріимецъ Симеонъ и св. пророчица Анна. Вмѣстѣ съ предыдущимъ изображеніемъ на сѣверномъ столпѣ, эта картина составляетъ одно цѣлое: принесеніе во храмъ. Ниже Богопріимца Симеона—св. апостолъ Павелъ съ книгою; подлѣ также приписано его имя. Сѣверный придѣлъ (михайловскій) украшенъ сверху до низу рядами отдѣльныхъ лицевыхъ изображеній—то во весь ростъ, то погрудными въ медальонахъ и квадратныхъ рамахъ. Многія изъ нихъ поражаютъ своимъ величіемъ; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли надписи: св. Климентъ, св. Константинъ, св. Іосифъ Селуньскій. На столпахъ арки, вводящей въ этотъ придѣлъ, изображены другъ противъ друга солнце и мѣсяцъ въ видѣ краснаго и зеленаго шара. Главный алтарь былъ украшенъ подобно алтарямъ большинства древнихъ церквей, а именно: въ раковинѣ алтарной ниши изображена была молящаяся Богоматерь того-же типа, что̀ въ софійскихъ мозаикахъ. Ниже ея—св. таинство Евхаристіи, или причащеніе подъ двумя видами; еще ниже—святители. Выше Богоматери, на сводѣ алтарной арки, долженъ былъ быть изображенъ Іисусъ Христосъ, простирающій длани, но арка эта новая. Внутренній смыслъ этого подбора священныхъ изображеній могъ быть таковъ: въ самомъ верху—Іисусъ Христосъ, то-есть, Премудрость Божія, ниже—Богоматерь, то-есть, „Заступница усердная“, молящаяся за міръ, ниже ея—Евхаристія, то-есть, таинство, связующее вѣрующихъ съ Спасителемъ, еще ниже—отцы церкви, первые толкователи догматовъ, первые учители міра. Обыкновенно среди нихъ помѣщаются еще два первомученика, св. Стефанъ и св. Лаврентій, какъ первые, запечатлѣвшіе своею кровію преданность Спасителю міра. Идя снизу вверхъ, алтарная стѣна представляла живое изображеніе Вѣры, Надежды, Любви и Премудрости.

Главною находкою слѣдуетъ считать, конечно, двѣнадцать бытовыхъ картинъ, представляющихъ событія изъ житія св. Кирилла александрійскаго. Св. Кириллъ правилъ александрійскою каѳедрой отъ 412 по 444 годъ. Натура энергичная, дѣятельная; онъ съ перваго появленія на архипастырской каѳедрѣ заявилъ себя ревнителемъ православія. Онъ боролся противъ новатіанъ, противъ іудеевъ, противъ классическаго язычества, во главѣ котораго въ Александріи стояла въ то время знаменитая женщина-философъ Ипатія, наконецъ, противъ язычества египетскаго, еще державшагося тамъ и сямъ. Но его главный подвигъ была борьба съ новымъ ересеархомъ, архіепископомъ константинопольскимъ Несторіемъ, желавшимъ утвердить за Пречистою Дѣвой названіе Христородицы вмѣсто Богородицы. Постепенно разгораясь, эта борьба, благодаря энергіи св. Кирилла, приняла характеръ вселенскій. Заручившись согласіемъ западныхъ епископовъ въ лицѣ папы римскаго Целестина и восточныхъ іерусалимскаго и антіохійскаго, св. Кириллъ собираетъ мѣстный соборъ въ Александріи и отъ лица собора отправляетъ Несторію ультиматумъ въ видѣ 12 пунктовъ, по которымъ Несторій долженъ былъ отречься. Такъ какъ отреченія не послѣдовало, то православные иноки константинопольскіе убѣдили императора Ѳеодосія II разрѣшить смуту собраніемъ вселенскаго собора. Весною 431 года собрался этотъ третій вселенскій соборъ въ г. Ефесѣ. Образовалось два собора: одинъ подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, другой—архіепископа антіохійскаго Іоанна. Между ними начались пререканія и взаимныя низложенія, къ императору пошли противорѣчивыя донесенія. Императоръ приказалъ взять подъ стражу Несторія, св. Кирилла и его главнаго помощника Мемнона, епископа ефесскаго, и потребовалъ депутатовъ, по восьми отъ каждой стороны, въ Халкидонъ, гдѣ лично разобралъ дѣло и возстановилъ св. Кирилла и Мемнона. Побѣда была на сторонѣ св. Кирилла, но ему пришлось еще долго бороться съ несторіанцами. Онъ скончался въ 444 г., оставивъ церковь умиротворенною. Вотъ житіе этого святителя и изобразилъ русскій художникъ на стѣнѣ южной абсиды теперешняго кирилловскаго придѣла. При этомъ дѣло не обошлось безъ сокращеній и вторженія русской жизни. Девять картинъ лучше сохранившихся, кромѣ ихъ художественнаго и бытоваго интереса, драгоцѣнны еще надписями, поясняющими сюжеты. Въ видѣ заголовка

ко всѣмъ картинамъ вы встрѣчаете здѣсь идеальное изображеніе съ надписью: „св. Богородица благословляетъ Аѳанасія и Кирилла“. Между дѣятельностью св. Аѳанасія и св. Кирилла 39 лѣтъ промежутка, но они оба трудились надъ установленіемъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ, и вотъ Она благословляетъ ихъ на общій подвигъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ“ переноситъ насъ въ первые годы его дѣятельности, еще въ предѣлахъ Египта, гдѣ онъ изгонялъ „daemones“ (Acta sanctorum), то-есть, древнихъ египетскихъ боговъ (напримѣръ, Изиду изъ Мануѳиса); здѣсь это выражено фигурно въ видѣ исцѣленія одержимыхъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ учитъ люди“ переноситъ насъ на его пастырскую каѳедру, какъ другая съ надписью: „св. Кириллъ пишетъ заповѣдь Божію“ представляетъ намъ святителя въ его жилищѣ, въ присутствіи его учениковъ, стоящихъ „спустя рукава“, то-есть, въ полномъ покоѣ. Но вотъ другая, прекрасно сохранившаяся фреска: „св. Кириллъ учитъ царя“ уже приближаетъ насъ къ главному подвигу всей жизни св. Кирилла. Лично, сколько извѣстно изъ его житія, св. Кириллъ не училъ царя; не видно даже, чтобъ онъ бывалъ въ Константинополѣ, но онъ писалъ три книги о вѣрѣ, изъ которыхъ одну послалъ императору, другую его супругѣ, третью его сестрамъ. Это, слѣдовательно, то самое поученіе, за которое императоръ упрекалъ святителя, видя въ посланіи трехъ различныхъ поученій желаніе посѣять раздоръ въ его семействѣ. Интересенъ костюмъ царя: это полный нарядъ русскаго князя XII вѣка; вѣнецъ съ тремя образками, бармы, въ видѣ воротника съ нагрудникомъ, унизанные самоцвѣтными камнями, темно-красный короткій кафтанъ съ широкими рукавами, въ которыхъ виднѣется разшитая сорочка, зеленые шаровары и высокіе до колѣна мягкіе красные сапоги съ бусами, плотно охватывающіе ноги. Слѣдующія три картины представляютъ уже три послѣдовательные акта св. Кирилла въ борьбѣ съ Несторіемъ. На одной изъ нихъ надпись гласитъ: „св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру“; по срединѣ святитель въ своей бѣлой сѣтчатой скуфейкѣ, по бокамъ четыре епископа съ ореолами. Вѣроятно, это соборъ александрійскій. На немъ конечно было гораздо болѣе участниковъ, но *четверо* изъ нихъ отправились апокрисіаріями въ Константинополь и способствовали побѣдѣ св. Кирилла. Надпись на другой: „св. Кириллъ

учитъ въ соборѣ“ заставляетъ видѣть въ ней изображеніе ничего инаго, какъ третьяго вселенскаго собора, въ Ефесѣ; но на соборѣ въ Ефесѣ императоръ не присутствовалъ, а на картинѣ онъ возсѣдаетъ по срединѣ въ вѣнцѣ, бармахъ, пурпуровой далматикѣ со свиткомъ въ рукахъ; если-же это изображеніе собранія въ Халкидонѣ, то тамъ не было св. Кирилла, находившагося въ заключеніи. Очевидно, мы сталкиваемся съ русскимъ сокращеніемъ: художнику XII вѣка важно было изобразить вообще соборъ, на которомъ Кириллъ одолѣлъ ересь при помощи императора. Не потому-ли у императора ореолъ? Третья картина вполнѣ ясна: св. Кириллъ проклинаетъ еретиковъ, то-есть, несторіанцевъ, стоящихъ въ характерной позѣ глубокой задумчивости—взявшись за бороды. Наконецъ на большой фрескѣ, находящейся въ самомъ низу алтарной стѣны, изображено погребеніе св. Кирилла. Двое молодыхъ людей полагаютъ тѣло святителя въ мраморную розовую раку съ крестомъ; налѣво опечаленные ученики, направо кадящій священникъ.

Кромѣ этихъ драгоцѣнныхъ картинъ, отличающихся яркостью красокъ и тонкимъ исполненіемъ, въ томъ-же кирилловскомъ придѣлѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ отдѣльныхъ фигуръ святыхъ съ надписями, какъ св. Іоаннъ, св. Прохоръ, св. Евлогій александрійскій.

Вы не упустите, мм. гг., обратить ваше вниманіе на эту массу прекрасныхъ узоровъ: нѣтъ уголка въ храмѣ, гдѣ не уцѣлѣло-бы слѣдовъ узоровъ; собранные вмѣстѣ, они сразу даютъ вамъ почти полную картину орнаментики, употреблявшейся въ Россіи въ XI и XII в.

Но этимъ не ограничились наши работы надъ стѣнописью. Кромѣ фресокъ XII вѣка, тамъ и сямъ оказались фрески XVI—XVII столѣтій; такъ въ полукуполѣ главнаго алтаря исполинское изображеніе молящейся Богоматери есть фреска XVI—XVII в., писанная по слабымъ слѣдамъ древнѣйшей XII в. Живопись эпохи возстановленія храма сохранилась также и въ полукуполѣ кирилловскаго придѣла, и въ паперти. Но самымъ важнымъ ея кускомъ является портретъ игумена Василія Красовскаго на столпѣ въ теперешнемъ тепломъ алтарѣ. Подъ нимъ виднѣется фреска XII в., но чья-же рука подымется на драгоцѣнный образецъ живописи этихъ, хотя и позднѣйшихъ вѣковъ, и кто посягнетъ на достопоч-

тенныя черты человѣка, которому дорогой для насъ памятникъ обязанъ своимъ спасеніемъ!

Проработавъ столько времени надъ этимъ памятникомъ, мы должны отдать себѣ отчетъ, каково его значеніе. Во-первыхъ, для Кіева онъ является совершенно новою и краснорѣчивою страницею въ исторіи его искусства, такъ какъ до открытія кирилловскихъ фресокъ единственнымъ представителемъ кіевскаго XII вѣка были немногіе мозаики, уцѣлѣвшія въ алтарѣ кіево-михайловскаго златоверхаго монастыря. Далѣе, если сравнить кирилловскія фрески съ прочими извѣстными памятниками XII вѣка, какъ фрески георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ, въ Нередицкомъ Спасѣ въ Новгородѣ, въ дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, то кромѣ рѣшительнаго превосходства въ художественномъ отношеніи, кирилловскія выгодно отличаются еще тѣмъ, что только среди нихъ мы встрѣчаемся съ *картинами бытовыми.*

Но этимъ еще не ограничивается выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ наблюденія надъ новооткрытымъ кіевскимъ искусствомъ XII вѣка. Вы обратили, конечно, вниманіе на то, что всѣ изображенія мозаичныя и фресковыя XI вѣка (напримѣръ, въ кіево-софійскомъ соборѣ) сопровождаются греческими надписями. Всѣ фрески и мозаики (михайловскія) XII вѣка сопровождаются надписями русскими; фрески кирилловскія, нередицкія, ладожскія, дмитріевскія, всѣ онѣ пояснены русскими надписями. Не слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что въ XII вѣкѣ мы имѣли уже нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы и естественно всѣ греческія пояснительныя надписи замѣнила своими русскими? Если это такъ, то мы можемъ сдѣлать еще одно интересное наблюденіе. Сравните фрески и мозаики софійскія, греческія, XI вѣка съ михайловскими мозаиками и кирилловскими фресками, русскими, XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенности, что въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ. Взгляните на эти двѣ мозаики, Евхаристію софійскаго алтаря и Евхаристію михайловскаго алтаря, и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашей, — вы неминуемо отдадите преимущество михайловскому изображенію: сколько есте-

ственности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй! На сколько фигуры выросли и стали стройны! Стиль *колеблется*, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить *живыя наблюденія*, то есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органическій, творческій процессъ, который помогъ, напримѣръ, италіанцамъ, воспользовавшись всѣмъ, чтó могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства, исканіе красоты внѣшней и внутренней жизни человѣка, далѣе и далѣе до феноменальнаго совершенства въ созданіяхъ XVI столѣтія! Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII — началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія* въ искусство. Итакъ, этой дикой Россіи, принявшей христіанство, сѣмена византійской образованности и византійское искусство въ самомъ концѣ X вѣка, достаточно было *одного только вѣка*, чтобы не только овладѣть совершеннымъ для тѣхъ временъ византійскимъ художествомъ, но и сдѣлать уже шагъ впередъ!...

Мм. гг., мнѣ не остается ничего болѣе, какъ выразить вамъ мою горячую признательность за то, что вы удостоили меня чести приложить мои силы къ открытію этого важнаго памятника. Работа была не легкая, были минуты усталости, изнеможенія... Но одна мысль всегда воскрешала мою энергію, придавала мнѣ новыя силы—мысль, что я работаю не одинъ, что я работаю какъ часть крѣпко сплоченнаго цѣлаго, цѣлаго общества, проникнутаго искреннею любовью къ нашей дорогой старинѣ. Это чувство солидарности съ вами, мм. гг., одно только и дало возможность бодро довести наши труды до конца: эти труды—ваши труды.

Адріанъ Праховъ.

Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлію склонить его къ уніи.

(Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива) [1].

Необъяснимое равнодушіе и продолжительное колебаніе, съ которыми московскимъ правительствомъ были встрѣчены предложенія Богдана Хмельницкаго присоединить Малую Россію къ единовѣрной и единоплеменной Великой Руси, не могли не повліять какъ на ближайшія событія внутренней политики въ Малороссіи, такъ и на сношенія ея—съ одной стороны, съ Москвою, которая не признавала въ южанахъ родственности, называя ихъ черкасами, а на счетъ чистоты ихъ православія выражала весьма недвусмысленныя сомнѣнія, и съ другой—съ сосѣдней Польшею, которая все еще не теряла надежды соблазнить отпавшихъ обѣщаніями и, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить ихъ себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію также, что трехвѣковое разъединеніе двухъ областей русскаго народа, сосѣдство и даже сожительство Мало-

---

[1]) Къ сообщеннымъ мною раньше сего документамъ (см. «Кіевская Старина», февраль 1883 г.) считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія. Въ документѣ 2-мъ вмѣсто названія: *«Іорканы»* должно быть *«Тороканы»*. Изъ актовъ, относящихся ко временамъ митрополита уніатскаго Гавріила Коленды и дальнѣйшихъ, видно, что тороканскій монастырь былъ первоначально въ вѣденіи митрополитовъ и епископовъ и что только, по особымъ постановленіямъ собраній жировицкаго и новогродскаго, доходы съ имѣній, принадлежащихъ этому монастырю, или часть ихъ, давались протоархимандриту, какъ главному начальнику базиліанскихъ монастырей, или-же его викарію, а иногда и вообще базиліанскимъ монахамъ. На владѣніе и распоряженіе общими доходами испрашивались особыя королевскія грамоты (напр. у Яна Казиміра въ 1662 г.), а права пользованія отдѣльными доходами по статьямъ опредѣлялись на особыхъ собраніяхъ духовенства. Наприм., вступивъ въ управленіе Тороканскими имѣніями, Гавріилъ Коленда (на собраніи членовъ конгрегаціи), изъ уваженія къ базиліанскому ордену, предоставилъ пожизненное пользованіе доходами отъ этихъ имѣній частію генеральному викарію ордена,

россіи съ шляхетской Польшей не могли не оставить въ южнорусcахъ такихъ особенностей въ складѣ общественной жизни и политическихъ воззрѣніяхъ, такихъ разнообразныхъ чертъ въ ихъ характерѣ и симпатіяхъ, которыя менѣе всего могли теперь гармонировать со складомъ малоподвижной московской жизни, съ самоувѣренностію и безцеремонностію ея боярства и духовенства. Но, къ счастію, даже инстинктивное пониманіе въ массахъ выгодъ единоплеменнаго и единовѣрнаго сближенія было столь сильнымъ двигателемъ и возбудителемъ политическаго сознанія и указателемъ общегосударственныхъ задачъ, что, не смотря на вышесказанное, на частныя недоразумѣнія, раздоры, нареканія и даже возстанія, здоровое большинство было всегда за единеніе, за общерусскую цѣльность и вынесло на своихъ плечахъ вопросъ о соединеніи разрозненныхъ частей русскаго народа. Вѣковая кровавая борьба съ ляхами въ заднѣпровской части, временно снова отторгнутой отъ Россіи, ясно говоритъ о томъ, на чьей сторонѣ были народныя симпатіи. Аристократическій строй польскаго государства, въ ко-

---

частію-же монашескому чину и бытенскому духовенству; а при митроп. Заховскомъ часть доходовъ шла даже и на братскій монастырь. Протоархимандритъ или генералъ монашеской конгрегаціи избирался изъ духовныхъ лицъ, при чемъ, званіе это не могло быть предоставляемо ни митрополитамъ, ни епископамъ, на основаніи декретовъ папъ Александра VII-го и Инокентія XI-го; тѣмъ не менѣе, отступленія отъ этого закона бывали. Самая должность протоархимандрита установлена въ 1617 году на духовномъ новогродскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ и по предложенію Веніамина Рутскаго. Въ спискѣ протоархимандритовъ, составленномъ Стебельскимъ, послѣднимъ стоитъ Іосифъ Моргулецъ; но извѣстно, что, послѣ его смерти въ 1786 г., эту должность занималъ вторично Важинскій изъ Жидичина, (базиліанскій св. Николая монастырь близъ Луцка на р. Стыри, упоминаемый еще при Даніилѣ Галицкомъ). Послѣ Важинскаго, назначеннаго въ 1790 г. на мѣсто Ростоцкаго епископомъ холмскимъ, должность протоархимандрита исполнялъ Максимиліанъ Вильчинскій. Въ 1796 г. должность эта уничтожена императрицею Екатериною II-ю, а въ царствованіе императора Павла опять возстановлена, и въ 1802 г. на базиліанской конгрегаціи, подъ предсѣдательствомъ брестскаго епископа Булгака, въ протоархимандриты избранъ былъ Юстинъ Гусаковскій. Очевидно, этому послѣднему и принадлежитъ *письмо*, помѣщенное въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины», такъ какъ высочайшимъ указомъ 5-го мая 1804 г. должность базиліанскаго генерала навсегда была уничтожена. Что-же касается замѣтки *Pro memoria* (см. тамъ-же), то это, вѣроятно, записка Геронтія Лисовскаго, помышлявшаго (послѣ третьяго раздѣла Польши) объ оживленіи и расширеніи уніи, переведенная съ польскаго языка на латинскій холмскимъ епископомъ Важинскимъ, (отошедшимъ съ своей епархіи къ Австріи) и препровожденная имъ въ Вѣну на имя представителя уніатскихъ епископовъ, имѣвшаго здѣсь постоянное пребываніе. (Harasiewicz: Annales ecclesiae Ruthenae).—*В. М.*

торомъ все принадлежало немногимъ избраннымъ, массы-же народа, особенно иновѣрныя, трактовались какъ безправное *быдло*, не могъ конечно возбуждать особенныхъ симпатій въ козакахъ, пріученныхъ самою жизнію къ братству, равноправности и полной свободѣ. Малообразованность тогдашняго московскаго боярства, приниженность его передъ сильной самодержавной властью со временъ Василія III-го и Іоанна IV-го, само-собой разумѣется, не особенно возвышали его надъ другими сословіями и не вносили большой *разницы* въ отношенія этихъ сословій другъ къ другу и государству. Вотъ почему соціальный строй московской Руси, уже помимо единства происхожденія и единства вѣры, какъ будто ближе подходилъ къ такому-же строю Малороссіи и болѣе естественною казалась связь этихъ частей древней Руси между собою и ожидалась большая прочность ихъ политическаго единства. Въ утѣшеніе современнымъ польскимъ политикамъ можно сказать и теперь, что ихъ сладкія пѣсни, ихъ заигрыванія могутъ быть пріятны только отдѣльнымъ, немногимъ и недальновиднымъ лицамъ, утратившимъ народное чутье и не знающимъ или не понимающимъ исторіи; въ истинныхъ-же представителяхъ народныхъ интересовъ и въ массахъ населенія такія подходы и обѣщанія вызываютъ только улыбку или трудно сдерживаемое неудовольствіе. Все лучшее и истинно-народное будетъ всегда на сторонѣ православія и Бѣлаго Царя.

Къ сожалѣнію въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, лица, стоявшія во главѣ московскаго управленія, замкнутыя въ волшебномъ кругѣ самоувѣренности, о единоплеменности присоединяемаго народа не помнили, считали его черкасскимъ племенемъ, задачъ государственныхъ широко не понимали и даже въ самой вѣрѣ присоединявшихся усматривали такія еретическія особенности, что не только съ большимъ недовѣріемъ относились къ южному духовенству въ Москвѣ, когда оно являлось туда, какъ болѣе образованное, въ качествѣ учителей, но неблагопріятно смотрѣли на него и по присоединеніи Малороссіи, осуждая церковные порядки и тѣ незначительныя отступленія отъ формы восточной, которыя, нисколько не измѣняя чистоты и сущности православія, были слѣдствіемъ сосѣдства съ Польшей и слѣдствіемъ религіозной всенародной борьбы съ латинствомъ во время введенія уніи. Какъ-бы то ни было, но неудовольствія въ области политики и церковныхъ

дѣлъ до такой степени въ это время выдвинулись и настолько усилились, что уже при пріемникѣ Богдана Хмельницкаго, Иванѣ Выговскомъ въ Малороссіи является серьезная попытка отложенія отъ Москвы и соединенія съ Польшей (такъ называемый гадячскій договоръ). Съ другой стороны и московское правительство какъ-бы тяготилось новымъ пріобрѣтеніемъ и не задумалось впослѣдствіи уступить Польшѣ, какъ лишнее бремя, западную, заднѣпровскую часть его. Одновременно съ этимъ и вопросъ о единствѣ церкви и подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, возникшій вновь по смерти митропол. Сильвестра Коссова, съ одной стороны — вслѣдствіе желанія избрать митрополита по давнему обычаю вольными голосами, а съ другой — вслѣдствіе требованія замѣнить избраніе назначеніемъ отъ московскаго патріарха, обострился до такой степени, что грозилъ совершеннымъ разрывомъ въ русской церкви. Такимъ натянутымъ положеніемъ дѣлъ внимательное польское правительство не замедлило воспользоваться. Въ политическомъ отношеніи, какъ выше сказано, начались переговоры съ Выговскимъ при помощи посла Беневскаго; Рѣчь Посполитая не скупилась на обѣщанія расширенія прежнихъ правъ, полной автономіи проэктируемаго „Великаго Княжества Русскаго“ и распространенія шляхетскихъ привиллегій на всю козацкую старшину. Это нравилось конечно старшинѣ, но мало могло нравиться козакамъ вообще, а посполитымъ въ особенности. Въ религіозно-церковномъ отношеніи попытки къ соглашенію сдѣланы были представителями латино-польскаго духовенства. Архіепископъ гнѣзненскій и уніатскій холмскій епископъ Яковъ Суша писали посланія къ представителямъ гетманскаго правительства, изъ которыхъ одно (Суши къ Выговскому) и приводится ниже въ переводѣ. Посланія эти оттѣняли разницу между *русской* православной вѣрой и *московской*, по ихъ словамъ, вѣрой еретической, съ новымъ главою церкви, не существовавшимъ прежде русскимъ патріархомъ. Разумѣется *унія* кстати выставлялась, какъ лучшій видъ и образецъ православія. Епископъ Суша (человѣкъ умный и образованный, но совершенно ополяченный) былъ сторонникъ польскаго правительства и римской опеки. Правда, противъ покушеній латинства онъ защищалъ свою уніатскую епархію и паству, но это дѣлалъ только въ видахъ матеріальныхъ выгодъ и желанія сохранить тѣ выгодныя для духовенства льготныя особен-

ности, которыя еще оставались въ уніатской церкви нетронутыми, наприм. супружеское сожительство духовенства... Въ своемъ посланіи къ Выговскому Суша съ большими натяжками и риторическою искуственностію распространяется о единствѣ церкви вообще, о ея единой главѣ и значеніи римскаго первосвященника, какъ непосредственнаго пріемника власти верховнаго апостола Петра, которому одному будто-бы поручено было пасти овецъ стада Христова. Невѣрные факты приводятся, какъ непреложныя истины, освѣщаются соотвѣтственно цѣлямъ и изъ искуственнаго сопоставленія ихъ дѣлаются выводы съ іезуитской хитростію. Къ сожалѣнію въ связкѣ, хотя и хорошо сохранившихся польскихъ и латинскихъ рукописей XVII и XVIII вѣка, намъ не удалось найти конца этого интереснаго посланія. Все оно писано до такой степени мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ, что читать его приходилось съ большимъ трудомъ и то при помощи лупы. Весь текстъ письма испещренъ латинскими словами, какъ признакомъ учености, латинскимъ текстомъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ этого требовали пріемы богословскаго разсужденія, и наконецъ выдержками изъ отцевъ церкви, какъ доказательствомъ истинности сужденія. При этихъ выдержкахъ часто упоминается о томъ, что онѣ взяты изъ книгъ *славянскаго* письма, т. е. такихъ книгъ, которыя могли быть доступны тѣмъ читателямъ, для которыхъ письмо это предназначалось. Въ концѣ прочитаннаго мною текста письма есть приписки другимъ почеркомъ, которыхъ вполнѣ прочесть никому не удалось. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что посланіе Суши указывало далѣе за изложеніемъ приведеннаго приступа на разницу между вѣрою русскою, т. е. вѣрою населенія южной Руси, находившейся до сихъ поръ въ формальной церковной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и вѣрою населенія Руси московской, гдѣ былъ особый, не бывалый прежде, свой патріархъ, гдѣ происходили тогда *нестроенія* и начинался *расколъ*. Не упустилъ конечно случая Суша указать и на полную будто-бы свободу совѣсти въ церкви римской въ польскомъ государствѣ (какъ это высказывалъ польскій посолъ Беневскій въ Гадячѣ [1]). Было-ли послано приводимое письмо Суши по назначенію, какое произвело оно впечатлѣніе и

[1] Костомаровъ, Монографіи, т. II, стр. 126—128.

какія имѣло послѣдствія и успѣхъ, намъ опредѣленно не извѣстно. Но съ большимъ вѣроятіемъ можно полагать, что оно было дѣйствительно послано, тѣмъ болѣе, что въ сочиненіи извѣстнаго галицкаго ученаго о. А. Петрушевича: „О святителяхъ холмской епархіи“ упоминается еще и о другомъ письмѣ (или экземплярѣ), которое Суша посылалъ Чайковскому, чтобы и съ этой стороны подѣйствовать на Выговскаго съ цѣлію склонить его къ уніи. Такимъ образомъ можно предполагать, что для успѣха намѣченнаго дѣла были приняты всѣ мѣры, испробованы всѣ пути и предусмотрѣны всѣ обстоятельства, кромѣ... здраваго человѣческаго смысла и горькаго историческаго опыта въ людяхъ, къ которымъ обращались.

Письмо преосвященнѣйшаго и благочестивѣйшаго епископа холмскаго Якова Суши къ схизматику Выговскому, козацкому гетману и кіевскому воеводѣ.

(съ польско-латинскаго).

Высокоблагородный господинъ, вождь войска запорожскаго,

Милостивый государь!

Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, съ настоящимъ моимъ письмомъ, я уже въ самомъ началѣ чувствую затруднительное положеніе отъ незнакомства съ вами, ибо оно обыкновенно производитъ недовѣріе къ людямъ; однакоже геній мудрыхъ и высокопоставленныхъ лицъ имѣетъ то особенное свойство, что, при обсужденіи вопросовъ общественнаго блага, и къ незнакомымъ являетъ надлежащее довѣріе. Поэтому я обращаюсь теперь къ вамъ съ тѣмъ довѣріемъ, какое вы мнѣ изволили внушить, какъ мужъ опытный и умный въ войнѣ и мирѣ, обращаюсь затѣмъ, чтобы, отъ души пожелавъ вамъ небесной росы и обилія земли (Быт. 22), прибавить съ моей стороны хотя малую частицу къ тому миру, который вы намѣрены теперь упрочить въ государствѣ. Восхвалимъ Всевышняго за то, что Онъ, послѣ столь мрачныхъ раздоровъ, послѣ столь страшныхъ кровопролитій, дозволяетъ намъ видѣть восходящее солнце этого мира, прекращающее въ странѣ кровавые приливы и отливы, подобно какому нибудь Эврину [1]).

[1]) Euripus—проливъ между островомъ Эвбеей и материкомъ Греціи.—*В. М.*

И дай Богъ когда нибудь, при вашемъ покровительствѣ, вкусить плодовъ этого мира во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества! Но, когда уже по меньшей мѣрѣ прекратилась междоусобная война, начинается война религіозная противъ *единства* вѣры и всюду кричатъ объ уничтоженіи *его*, всюду возстаютъ на него, какъ на Іону, и велятъ бросить это единство въ море вмѣстѣ съ Іоною. Приходится этому *единству*, этой дщери одного отечества и святой каѳолической вѣры, воскликнуть съ Пророкомъ: „я ждалъ добра и пришло ко мнѣ зло, я ждалъ свѣта и явился мракъ; мои внутренности кипятъ и не перестаютъ; встрѣтили меня дни печали“ (Іовъ, 30). Но волны и рыданія, высоко поднявшіяся, надо успокоить. Я привожу здѣсь слова учителя церкви, блаженнаго Августина: „пусть устанутъ душевныя волненія, пусть прекратятся пристрастныя разсужденія, пусть будетъ одинъ Христосъ распятый на крестѣ!“ А васъ, милостивый государь, всепокорнѣйше прошу: сохраняя въ спорныхъ дѣлахъ свое мнѣніе, обратите ваше вниманіе на Спасителя нашего, распятаго на крестѣ, и на сущую истину, благоволите милостиво и внимательно разсмотрѣть все то, что я здѣсь, хотя и слишкомъ подробно, пишу, притомъ примите во вниманіе и то, что укажетъ Богъ, совѣсть и справедливость.

Съ давнихъ временъ мы сильно желали переговорить съобща съ нашею не принадлежащею къ уніи братіею, надѣясь, что когда выяснится въ этой бесѣдѣ одно только истинное благо, никто не станетъ возбуждать противъ насъ людей; но до сихъ поръ мы къ этому стремились напрасно. А между тѣмъ извѣстно, что святые отцы всѣ возникавшіе въ церкви Божіей споры рѣшали на собраніяхъ *сообща*. И если являлся даже самый упрямый еретикъ, то онъ не раньше присуждался къ наказанію, какъ по выслушаніи и осужденіи церковью; конечно, таково право и народовъ, что никого не наказываютъ, покамѣстъ не разслѣдуютъ въ чемъ дѣло. Почему-же намъ, находящимся въ такомъ положеніи, отказывать въ законной защитѣ?

Мы слѣдуемъ вѣрѣ Христовой, опредѣленной св. писаніемъ и св. отцами; чѣмъ-же мы виноваты, что *единый* Спаситель основалъ *единую* церковь, а *не многія?* „Ты еси камень (Петръ) и на этомъ камнѣ созижду церковь Мою (Матѳ. 16)—*церковь*, а не *многія церкви!* И того-же святого Петра назначилъ (Онъ) верховнымъ по Себѣ пастыремъ,

а не всѣхъ апостоловъ: „паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ“, (Іоан. 21), т. е. *всѣхъ* агнцевъ и овецъ, которые нынѣ есть и послѣ будутъ, „да будутъ овцы и агнцы Мои, и ты будь ихъ пастыремъ“. Но такъ какъ въ то время, когда это говорилъ Господь, едва-ли были еще какіе либо овцы и агнцы, кромѣ апостоловъ, то (значитъ) онъ преимущественно св. Петру поручилъ пасти апостоловъ. Поэтому если апостолы—овцы и агнцы Христовы, какъ это дѣйствительно и есть, то св. Петръ въ силу вышеприведенныхъ словъ: *паси*... дѣйствительно и безпрекословно ихъ пастырь. Ежели-же они не овцы и не агнцы, то почему мы ихъ считаемъ святыми? а такъ какъ тотъ-же Спаситель сказалъ: „вотъ Я съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка“, (Матѳ. 27) т. е. съ церковью, которая есть собраніе вѣрующихъ съ законнымъ главою, то (значитъ) Онъ основалъ и церковь свою до скончанія вѣка и притомъ такою, какою была она при Его жизни. А церковь при жизни Его была *единая* (unica); при жизни своей Онъ назначилъ пастыря для церкви тоже *единаго* (unicum); изъ чего слѣдуетъ, что и по смерти Его церковь *едина* и пастырь *единый* и никто иной, какъ только св. Петръ, а послѣ него—его преемники. Этотъ первѣйшій апостолъ и пастырь со своими овцами, другими апостолами—пастырями другихъ людей—какъ глава со своими членами, въ то время составлявшими церковь Божію, передавъ намъ символъ вѣры, который мы громко и всенародно будемъ провозглашать и исповѣдывать до скончанія вѣка, основываетъ *единую святую и апостольскую вселенскую церковь*, въ то время, какъ другіе основываютъ *частныя* столицы. Онъ первоначально основываетъ патріархію въ Антіохіи лѣта Господня 39; оставивъ и назначивъ здѣсь преемникомъ своей власти Евдоксія, отправляется въ Римъ и тамъ основываетъ *свою* столицу лѣта Господня 45; отсюда одновременно отправляетъ св. Марка въ Александрію и въ Александріи основываетъ александрійскую патріархію. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ городахъ основаны св. Петромъ первыя святыя столицы, изъ которыхъ Антіохія была главою азіатскихъ государствъ и всего востока: „государствъ, находящихся на востокѣ глава и матерь“ (Хризостомъ). Александрія была главою государствъ африканскихъ и южныхъ египетскихъ, „представляя собою главенство не только въ Египтѣ, но и въ Ѳивахъ и Ливіи“

(Cicero). Римъ-же былъ главою не только западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ государствъ, но и всего міра: „городъ (Urbs) Римъ владыка и столица міра“. Посему и св. Петръ, примѣняя духовное ко временному [1]), при помощи упомянутыхъ патріархій, распространилъ власть свою на всѣхъ овецъ цѣлаго міра. Наконецъ, положивши за вѣру голову свою въ Римѣ, онъ оставилъ его (Римъ) первопрестольною своею столицею и пріемникамъ своимъ римскимъ епископамъ передалъ на вѣчныя времена власть свою—вселенскаго пастырства, данную ему Христомъ для того, чтобы единая Христомъ основанная церковь имѣла единаго пастыря до скончанія вѣка. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что такъ какъ Спаситель умерь въ Іерусалимѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что власть Христова должна остаться при іерусалимскихъ Его пріемникахъ; но въ св. писаніи нѣтъ ни буквы, ни намека на то, чтобы Спаситель передалъ власть свою св. Іакову іерусалимскому, хотя самъ тамъ и умеръ. Между тѣмъ о св Петрѣ сказано ясно и свѣтлѣе солнца, и гдѣ онъ (Петръ) умеръ, тамъ и власть, дарованная ему Христомъ, осталась и излилась на всѣхъ его пріемниковъ. Вотъ почему св. Іоаннъ Златоустъ (обращаясь къ св. отцамъ) въ 54 Hom. sup. Math. говоритъ: „Христосъ этими словами возвысилъ Петра, назначая его пастыремъ всего міра и, давши ему ключи, передалъ смертному человѣку власть во всемъ, что находится на небесахъ“. А знаменитый своими сочиненіями подражатель Хризостома Ѳеофилактъ (sup. Ioan. 21 въ славянскомъ текстѣ, зачало 64) говоритъ: „поручилъ Христосъ Петру власть надъ всѣми и хотя престолъ іерусалимскій получилъ Іаковъ, но Петръ—весь всемірный“, а власть эта св. Петра такова, что она излилась на его пріемниковъ римскихъ епископовъ и нѣтъ ничего вѣрнѣе этой истины у св. отцовъ. Св. Тарасій, патріархъ константинопольскій, пишетъ къ римскому папѣ Адріану: „божественный апостолъ Петръ, котораго столицу наслѣдовало твое братское святѣйшество, отвергъ Симона мага, отвергъ и ты симоніанъ... такъ твое братнее архіерейство священно и законно и, по волѣ Божіей облеченное архипастырскимъ священствомъ, пользуется знаменитѣйшею славою“. Здѣсь кстати замѣчу, какъ несправедливо наши, не знаю почему,

---

[1]) Accommodans spiritualia temporalibus (соглашая).—*В. М.*

утверждаютъ въ краткомъ нашемъ молитвословѣ 25 февраля (in Breviario nostro), будто-бы сказанный Тарасій упрекалъ означеннаго папу въ симоніи; но если онъ хвалитъ его такъ, что называетъ Петромъ и приписываетъ ему низложеніе симоніанъ, то очевидно онъ совсѣмъ не упрекаетъ его въ симоніи. Изложивши это для свѣдѣнія и руководства при соотвѣтственныхъ обстоятельствахъ, я возвращаюсь къ моему предмету и привожу нѣсколько словъ Ѳеодора Студита, который жилъ во времена иконоборцевъ и такъ пишетъ къ папѣ св. Льву: „спаси насъ, верховный пастырь церкви вселенной, мы погибаемъ“; и къ папѣ Пасхалису: „выслушай насъ, глава апостольскій, Богомъ назначенный пастырь овецъ, стражъ царства небеснаго, камень вѣры, на которомъ воздвигнута каѳолическая церковь, ибо ты еси Петръ, украшаешь столицу Петрову и управляешь ею“. Такое главенство подтверждаютъ всѣ соборы, на которыхъ римскій епископъ или самъ лично предсѣдательствовалъ, или-же его посланники, даже простые монахи; и, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, славянскій текстъ гласитъ о седьмомъ вселенскомъ соборѣ: „предсѣдателями этой священной рати были: Адріанъ, папа римскій, который на свое мѣсто выслалъ благочестиваго іеромонаха и игумена римскаго монастыря св. Саввы—Петра, а также Іоанна и Ѳому іеромонаховъ, правящихъ восточными патріаршими столицами, сверхъ того съ ними былъ константинопольскій патріархъ Тарасій“. Считаю лишнимъ просить васъ замѣтить, что эти полномочные монахи и пресвитеры, также *какъ и апостольскіе делегаты* у разныхъ государей, правили восточными апостольскими патріаршими столицами.

Для объясненія и подтвержденія всего этого, я привожу здѣсь по славянски слова карѳагенскаго собора; „были притомъ съ святыми отцами на этомъ соборѣ и стражи мѣста (custodes loci), высланные римскимъ первосвященникомъ; стражами-же они называются потому, что высылаются первосвященникомъ въ разныя страны и государства, дабы исполнить данныя имъ порученія и, заступая его мѣсто, пользоваться почестію ему воздаваемою, заботясь объ истинной вѣрѣ и охраняя ее во всѣхъ краяхъ. Столицу апостольскую назвали римскимъ престоломъ, такъ какъ *глава* апостоловъ Петръ на немъ прославился и послѣ себя назначилъ на немъ первосвященникомъ Линуса“. Не говорю здѣсь о томъ, какъ римскіе епископы однихъ патріарховъ низвергали, другихъ

назначали, какъ къ нимъ высылались апелляціи по разнымъ обидамъ и спорнымъ дѣламъ, какъ безъ ихъ согласія не созывались и не утверждались соборы. Всѣмъ этимъ переполнены церковныя исторіи, соборные акты, наши сборники такъ, что столько Илліадъ (Illiades) даже трудно собрать въ одно цѣлое.

Но здѣсь уже и начало несчастій св. церкви нашей, на которое надо указать, какъ будто указывая пальцемъ. Когда послѣ языческихъ тирановъ Господь далъ церкви христіанскихъ государей и когда человѣческое благоволеніе обратилось къ Іерусалиму, освященному кровію Спасителя, то вскорѣ появился канонъ (7 постановленіе): „епископъ Азіи долженъ пользоваться *почетомъ*, при сохраненіи самостоятельности палестинской митрополіи". (Императоръ Элій Адріанъ называлъ Іерусалимъ Азіею и возобновилъ разрушенный городъ). Хотя нѣкоторые изъ этого (канона) заключаютъ, что іерусалимскій епископъ немедленно былъ исключенъ изъ юрисдикціи и кесарійскаго и палестинскаго митрополита и былъ самостоятельнымъ патріархомъ, однако другіе говорятъ, что хотя онъ пользовался почетомъ, но все таки находился въ подчиненности своему митрополиту въ антіохійской патріархіи, что соблюдалось и во времена св. Іеронима. И хотя потомъ Ювеналій іерусалимскій на эфесскомъ вселенскомъ соборѣ старался о томъ, чтобы ему подчинялась вся Палестина, однако св. Кириллъ этому воспротивился и только на халкедонскомъ соборѣ онъ достигъ того, что епископу антіохійскому были поручены двѣ Финикіи, Аравія и другіе отдаленные народы, а ему три Палестины; затѣмъ хотя папа св. Левъ отвергнулъ такое рѣшеніе и достигъ того, (что) постановленіе о власти осталось безъ послѣдствій, однако-же, по обычаю или вслѣдствіе злоупотребленія, эта власть іерусалимскаго епископа обратилась въ законъ. Извѣстно также и то, что знаменитый императоръ Константинъ Великій, по своему смиренію, уступилъ Римъ св. Сильвестру, самъ-же перенесъ столицу свою въ Византію, находящуюся во Ѳракіи и принадлежащую къ гераклійской митрополіи; и это также полезно знать, что вся Европа, слѣдовательно и Ѳракія, принадлежала къ частной римской патріархіи. „Слѣдовательно римскій (епископъ) владѣлъ всей Европой" (говоритъ одинъ грекъ) и послѣ многаго прибавляетъ: „владѣлъ Панноніею и всѣмъ Иллирикомъ, Македоніею и

Θракіею, въ которой была Византія и всѣми землями, далѣе лежащими къ западу; все это подчинялось римскому (епископу)". Хотя *Русь и крещена патріархомъ константинопольскимъ, однако уже потому, что составляетъ часть Европы, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ принадлежитъ къ римской епархіи,* тѣмъ болѣе, что *епископъ римскій есть общій патріархъ всего христіанскаго міра,* что я выше доказалъ.

Изложивши это, я обращаюсь къ главному. Когда, по перенесеніи императорской столицы, византійскіе епископы увидѣли блескъ императорскаго величія, славу римскаго сената, обиліе благъ для ихъ собственнаго престола, почести, воздаваемыя другимъ патріархамъ, имѣющимъ власть надъ многими епископами, обширность другихъ епархій, то, какъ душа человѣческая часто возбуждается завистію, они сами начали стремиться къ такому-же значенію при подстрекательствѣ врага, распространителя Зизаніевъ [1]). Хотя по опредѣленію соборовъ и по повелѣнію государей (о которыхъ глубокое молчаніе) они, отложившись отъ гераклійскаго митрополита, сами сдѣлались архіепископами, не имѣя въ вѣдѣніи своемъ ни одного епископа, но это сдѣлалось или ради знаменитости столицы, или ради личныхъ заслугъ, или при посредствѣ и по назначенію государей. И только въ 382 году, т. е. спустя 62 года послѣ возвышенія епископа іерусалимскаго, опредѣленъ на второмъ вселенскомъ соборѣ третій канонъ: „епископъ Царьграда почитается послѣ римскаго" и прибавлено по-латыни и по-гречески, „потому, что Царьградъ есть Новый Римъ"; такъ говорятъ разные греческіе авторы, но изъ многихъ другихъ можно заключить, что это *не постановленіе, а прибавленіе* послѣ собора. Между прочими доказательствами весьма важно и то, что Хризостомъ, жившій послѣ этого собора, будучи константинопольскимъ епископомъ и приглашенный на судъ Θеофиломъ александрійскимъ внѣ своей епархіи, изложивши многія статьи въ свою защиту, ничѣмъ инымъ не защитилъ себя, какъ только никейскимъ соборомъ, который воспрещаетъ судить епископовъ внѣ ихъ епархій. Очевидно, что сказаннаго канона еще тогда не было, ибо, если-бы Хри-

[1]) Ζιζάνιον—плевель, ересь,—намекъ на современнаго Зизанія, противника уніи.

зостомъ зналъ, что онъ *второй* (епископъ) послѣ римскаго папы, то однимъ словомъ опровергъ-бы Ѳеофила: „ты не можешь судить меня, (потому что) я старше тебя". Этотъ канонъ подтверждаютъ потомъ греки на халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ, послѣ отзыва пословъ папы св. Льва: „епископъ Новаго Рима пользуется равною почестію съ епископомъ Стараго Рима по причинѣ авторитета своего главенства; посему первосвященники азіатскіе, ѳракійскіе и варварійскіе должны быть ставлены епископомъ константинопольскимъ" [1]). Услышавъ объ этомъ, упомянутые послы возвратились на слѣдующій день (на собраніе), сдѣлали возраженія и опротестовали (постановленіе), говоря: „если у васъ есть привиллегіи вашей столицы, такъ зачѣмъ объ нихъ хлопочете; если-же ихъ нѣтъ, то зачѣмъ ихъ выставляете для смущенія другихъ". Вѣдь самъ Анатолій, примирившись со сказаннымъ папою, потомъ уничтожилъ этотъ канонъ. Наконецъ греки подтверждаютъ эту власть свою на трулльскомъ соборѣ [2]) въ Константинополѣ такъ: „епископъ константинопольскій получаетъ одинаковую власть послѣ римскаго" [3]) и этотъ частный соборъ наши греки присоединяютъ къ шестому вселенскому собору, какъ это подтверждаетъ Макарій Анкирскій: „не смотря на то, что они этотъ соборъ, по словамъ патріарха Тарасія (въ рѣчи къ св. отцамъ седьмого собора, совѣщаніе 4), составили черезъ 4 или 5 лѣтъ, по другимъ черезъ 10, по Ѳеофанію, константинопольскому патріарху—черезъ 27 лѣтъ послѣ шестого вселенскаго собора". Причину-же, но не сущность, этого присоединенія они оправдывали тѣмъ, что святые отцы не устанавливали каноновъ ни на пятомъ, ни на шестомъ вселенскихъ соборахъ. (Но) вселенскіе соборы могутъ быть и безъ каноновъ; они собираются, какъ говоритъ папа св. Левъ, для

---

[1]) Въ другомъ спискѣ этого письма на поляхъ прибавлено по-славянски: Новаго Рима епископъ епископу Ветхаго Рима равенъ честію царствія ради; почему епископы азіатскій, ѳракійскій и варварійскій епископомъ Константинограда да поставляются.—*В. М.*

[2]) Consilium Trullanum въ 680 г. и при Юстиніанѣ II въ 692 г. получилъ названіе отъ *труллума*—залы во дворцѣ императоровъ, гдѣ онъ собирался.—*В. М.*

[3]) Въ другой рукописи на поляхъ по-славянски: Константиногра(да) епископъ по римстѣмъ епископѣ равную пріялъ власть. Въ подлинникѣ: Constantinopolitanae civitatis episcopus post Romanum aequalem accipit potestatem.—*В. М.*

истребленія ереси и утвержденія каѳолической вѣры. Къ тому-же пятый вселенскій соборъ, бывшій за 129 лѣтъ передъ шестымъ, и безъ каноновъ имѣлъ свой непоколебимый авторитетъ: почему-же не могъ его имѣть и шестой? Все это они выдумали для того, чтобы своему частному трулльскому собору придать значеніе и авторитетъ вселенскаго собора. Кромѣ того на немъ не были епископы римскихъ странъ. Одинъ грекъ (Никита Никейскій) свидѣтельствуетъ: „однако-же, за отсутствіемъ римлянъ, каноны, которые называются канонами шестого собора, были обнародованы немного спустя, при Ринотметѣ (онъ-же Юстиніанъ [1]); съ этого времени стали появляться отпаденія римлянъ, что доказываютъ каноны 62, 64, 65, которые кажется не приняты римлянами и не подтверждены ихъ употребленіемъ“. Изъ сего слѣдуетъ, что трулльскій соборъ не имѣетъ авторитета вселенскаго собора. Подтвержденіемъ сего служатъ слова св. Стефана, новаго мученика, сказанныя собору иконоборцевъ: „какимъ-же образомъ вы, отвергшіе все святое, желаете признать этотъ соборъ священнымъ? О, безуміе! какимъ образомъ названъ будетъ вселенскимъ соборъ, на который не согласился римскій верховный святитель, безъ котораго церковныя дѣла не могутъ быть рѣшаемы“ [2]). Доказательствомъ служатъ также слова святыхъ отцовъ собора, направленныя противъ иконоборцевъ: „какимъ образомъ онъ (соборъ) можетъ быть великимъ и вселенскимъ, если его не приняли и не одобрили представители другихъ церквей, а предали проклятію, ибо на немъ не было тогдашняго римскаго папы, ни его священниковъ, ни викаріевъ, и онъ не былъ созванъ ни его викаріями, ни окружнымъ посланіемъ, какъ этого требуетъ законъ о соборахъ“. Вслѣдствіе такихъ вышеизложенныхъ каноновъ, не смотря на то, что по сему дѣлу были возраженія не только со стороны римской столицы, но и другихъ патрі-

---

[1]) Императоръ Юстиніанъ II названъ Ринотметомъ (урѣзаннымъ), такъ какъ за жестокость былъ свергнутъ съ престола, и соперникъ его Леонтій обрѣзалъ ему носъ и уши. Юстиніанъ вскорѣ завладѣлъ престоломъ вторично и наконецъ былъ казненъ.—*В. М.*

[2]) По-славянски на поляхъ: како убо, еже святая отвергше, свѣтъ сей оставити хощете (соборъ). О безмѣстія! Како и вселенскій наречется, о немъ-же не благоволи римскій первосвященникъ, безъ него-же немощно церковная правити.

В. М.

архов, обиженныхъ этимъ, столица константинопольская возвысилась среди другихъ въ патріархіи только на томъ основаніи, какое изложено въ сказанныхъ канонахъ. Алексѣй Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя это (основаніе), говоритъ: „такъ какъ этотъ городъ гордится и императоромъ и сенатомъ, то и получилъ главенство равное древнему Риму“ [1]). Такое константинопольское главенство [2]) подтверждено только канонами и этимъ авторомъ, т. е. не властію данною съ неба, а временною силою. И такъ какъ онъ (патріархъ царьградскій) считается главою равнымъ римскому епископу, то является двѣ главы въ церкви Божіей! Прочь чудовище! Такъ какъ тотъ-же Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя слова: *post Romanum* (послѣ римскаго), говоритъ, что онъ былъ вторымъ послѣ римскаго *не по почести, а по времени* [3]), то слѣдуетъ, что церковь Божія, столько сотъ лѣтъ тому назадъ Христомъ основанная, и не имѣя *двухъ главъ,* была вполнѣ совершенною. Напротивъ того, одинъ (Доксопатръ) говоритъ, что римская апостольская столица, вслѣдствіе перенесенія императорской столицы, лишилась и своего главенства: „такъ какъ городъ Римъ перестал быть императорскимъ и повелительнымъ, то, лишившись власти, онъ лишился привиллегій и первенства, этотъ-же, т. е. Константинополь, какъ владѣтельный, пользовался властію и дѣйствительно престолъ епископскій владѣтельнаго града Константинополя остался первымъ, когда первый, т. е. Римъ перестал повелѣвать“. Тоже самое говорятъ и другіе греки. Но здѣсь какъ противъ Аристина, такъ и противъ Доксопатра и другихъ самъ собою напрашивается (прямо въ глаза бросается) человѣку такой выводъ: такъ какъ власть константинопольскихъ христіанскихъ императоровъ перешла теперь уже къ турецкимъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и власть патріарховъ перешла къ духовнымъ турецкимъ и что церкви Божіей уже нѣтъ въ этомъ мірѣ, ибо нѣтъ ея главы: въ Римѣ нѣтъ, по мнѣнію его враговъ, а

---

[1]) На поляхъ по славянски: понеже царствомъ и боярствомъ почтенъ есть градъ сей и равное пріятъ началство ветхому Риму.—*В. М.*

[2]) Еп. Суша по невѣжеству или умышленію обходитъ вопросъ о томъ, что православная церковь принимаетъ главою своимъ только Іисуса Христа.—*В. М.*

[3]) Яко не быти ему второму по римстѣмъ честію, но временемъ (славян. текстъ).—*В. М.*

въ Константинополѣ—въ силу столь очевиднаго доказательства! Такъ гдѣ-же она? Ахъ, до чего доходитъ мысль человѣческая, опираясь не на Бога и Его слова, а на слова и постановленія человѣческія! Изъ права даннаго свѣтскими властями и изъ жалкаго честолюбія явился ненужный титулъ константинопольскихъ патріарховъ и то, что они называются *экуменическими*, т. е. вселенскими пастырями. На сколько это справедливо, даже слѣпые могутъ видѣть. Всѣ наши греки, противники римской столицы, считаютъ Ахиллесовою силою своего первенства то, что глава церкви назначался и долженъ назначаться опредѣленіями отцевъ и императоровъ. Старые православные (католики) совершенно иное утверждаютъ и расходятся съ ними въ мнѣніяхъ, ибо они говорятъ, что первенство къ римскимъ епископамъ перешло не отъ святыхъ отцовъ, а отъ Господа Іисуса Христа черезъ св. Петра, не отъ христіанскихъ императоровъ по ихъ постановленіямъ, а еще до нихъ. Было-бы полезно здѣсь упомянуть, что случилось съ Павломъ Самосатскимъ, патріархомъ антіохійскимъ во время второго антіохійскаго собора, передъ первымъ никейскимъ. Святые отцы, между которыми былъ и нашъ св. отецъ, Григорій чудотворецъ, свергли съ престола этого Павла за то, что онъ представлялъ Іисуса Христа простымъ человѣкомъ. Тотъ упрямо не уступаетъ. Святые отцы обращаются къ императору Аврелію, милостивому къ христіанамъ, и получаютъ такой отвѣтъ, какъ мы видимъ изъ славянскаго текста: „Онъ-же (императоръ) велѣлъ римскому епископу, или тѣмъ, кому этотъ епископъ поручитъ, изслѣдовать, справедливо-ли онъ (Павелъ) низложенъ, и изгнать его изъ христіанской церкви, что и случилось“, какъ пишетъ Евсевій Памфилитъ. Здѣсь я останавливаюсь и спрашиваю, по какому праву (обращались) къ императору Аврелію... (конца нѣтъ) [1]).

Сообщилъ **В. Т. М—чъ.**

19 февраля 1883 г.

---

[1]) P. S. Когда это письмо еп. Суши было уже переведено, я нашелъ отрывокъ другой рукописи, болѣе четкой, но безъ начала и конца, съ помѣткою: *остальною не достаетъ*. Въ этомъ новомъ спискѣ на поляхъ противъ соотвѣтственныхъ мѣстъ латинскаго текста помѣщенъ и славянскій переводъ, приведенный мною въ выноскахъ.—*В. М.*

Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в.

По современнымъ описаніямъ *).

Послѣ возвращенія запорожцевъ изъ Турціи въ подданство Россіи въ 1734 г., кіевскій генералъ-губернаторъ, за посредствомъ котораго велись переговоры о припятіи, становится „главнымъ ихъ командиромъ", какъ называютъ его указы того времени. Порядокъ внутренняго самоуправленія запорожцевъ не тронутъ былъ ни сколько, но посредство генералъ-губернатора требовалось для представленія всеподданнѣйшихъ ихъ просьбъ и жалобъ, для объявленія имъ высочайшей воли, въ особенности-же для внѣшняго представительства по пограничнымъ отношеніямъ Запорожья къ Турціи и Польшѣ. Для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями Коша, въ средѣ самой Сѣчи былъ устроенъ ново-сѣченскій ретраншаментъ съ командиромъ изъ русскихъ офицеровъ, а для разбора поземельныхъ споровъ съ ихъ сосѣдями и взаимныхъ жалобъ, особенно участившихся съ 1744 г., генералъ-губернаторъ посылалъ въ запорожскую Сѣчь особыхъ офицеровъ, кромѣ упомянутаго командира.

Благоволившаго къ запорожцамъ и способствовавшаго ихъ переходу въ Россію барона Вейбаха смѣнилъ генералъ-губернаторъ Леонтьевъ, который питалъ къ нимъ особое нерасположеніе и постоянно хлопоталъ предъ высшимъ правительствомъ объ отмѣнѣ ихъ самоуправленія. Безспорно Запорожье составляло самую хлопотливую для него „команду", а для посылаемыхъ имъ туда офицеровъ поѣздки эти были самыми тягостными командировками: запорожскіе порядки представлялись имъ крайне уродливыми во всѣхъ

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили два «дѣла» бывшей ген. губ. канцеляріи, найденныя въ растрепанномъ видѣ, безъ начала и конца, въ архивѣ кіев. губ. правленія.—*А. А.*

отношеніяхъ, а потому вопросъ о заведеніи „лучшихъ порядковъ“, „о прекращеніи своевольствъ“ не сходитъ у нихъ съ языка.

По поводу частыхъ жалобъ на запорожцевъ со стороны турецкихъ властей, ген. губ. Леонтьевъ нѣсколько разъ въ теченіи 1742 и 1743 г. обращался въ пр. сенатъ съ донесеніями о „своевольствахъ“ запорожцевъ, заявляя, что „ежели воровство и своевольство ихъ запорожское пресѣчено не будетъ, то могутъ важныя причины послѣдовать“. Правительствующій сенатъ, предписывая Леонтьеву для отвращенія запорожскихъ „своевольныхъ поступокъ“ самому „пристойные способы изыскивать и употреблять“, потребовалъ наконецъ отъ него мнѣнія о томъ, какія онъ съ своей стороны „лучшія учрежденія объ нихъ учинить разсуждаетъ“. Въ отвѣтъ на это Леонтьевъ въ 1744 г., сообщая цѣлый рядъ новыхъ жалобъ на запорожцевъ, для разбирательства которыхъ отправлялся въ Сѣчь подполковникъ Глѣбовъ, и обвиняя Кошевыхъ въ сочувствіи и потакательствѣ набѣгамъ и грабежамъ запорожцевъ, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ исключительно къ ограниченію запорожскаго самоуправленія. Вмѣсто обычнаго избранія Кошеваго всеобщей подачей голосовъ, онъ рекомендуетъ выборъ онаго возложить на „надежнаго и искуснаго штабъ-офицера“, при участіи старшинъ, куренныхъ атамановъ и лучшихъ козаковъ отъ трехъ до четырехъ съ куреня, назначеніе къ Кошевому писаря изъ опытныхъ канцеляристовъ войсковой генеральной канцеляріи и опредѣленія къ Кошевому-же особаго офицера, который-бы его по присылаемымъ указамъ и ордерамъ „исполненіе чинить принуждалъ“. Относительно куренныхъ атамановъ генералъ-губернаторъ допускаетъ свободный козачій выборъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ утверждался все-таки особыми указами и на куренныхъ лежала-бы обязанность главнымъ образомъ полицейская и исправное веденіе списковъ козаковъ, а также ежемѣсячные репорты Кошевому о наличныхъ и отлучныхъ козакахъ. Но, рекомендуя такой порядокъ, генералъ-губернаторъ и самъ не надѣялся на возможность скораго и безпрепятственнаго его осуществленія и рекомендовалъ соблюсти въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую постепенность, „дабы запорожцевъ, привыкшихъ къ своевольству и легкомыслію, единожды вовсе не озлобить и въ сумнѣніе не привесть, и не дать имъ повода говорить: чего де изстари не бывало, а нынѣ регулъ вводить стали“.

Правительствующій сенатъ не призналъ проэктовъ Леонтьева своевременными и полезными и велѣлъ ему къ воздержанію запорожцевъ отъ „своевольствъ“ изыскивать „пристойные способы“. Между тѣмъ пограничные споры и ссоры между татарами и запорожцами усиливались и привели въ концѣ 1748 г. къ учрежденію смѣшанной слѣдственной коммисіи, въ которую, въ качествѣ депутата со стороны русскаго правительства, былъ назначенъ Леонтьевымъ секундъ-маіоръ Александръ Никифоровъ. Этому-то русскому депутату и обязаны мы тѣмъ любопытнымъ документомъ, съ которымъ хотимъ познакомить нашихъ читателей.

Я не буду здѣсь касаться самаго слѣдствія [1]), въ которомъ пришлось участвовать Никифорову, ни тѣхъ пограничныхъ отношеній, съ которыми оно могло-бы насъ познакомить, имѣя въ виду лишь оставленное нашимъ депутатомъ описаніе внутреннихъ распорядковъ въ Сѣчи запорожской, которые онъ имѣлъ случай наблюдать. Но прежде слова два о томъ, при какихъ обстоятельствахъ составлено это описаніе и что послужило поводомъ къ представленію онаго по начальству.

---

[1]) Объ этомъ слѣдствіи имѣются свѣдѣнія въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго (см. 2 изд. 1846 г., ч. II, стр. 150—158) не совсѣмъ точныя. Въ запорожскомъ архивѣ, драгоцѣнный матеріалъ котораго остается до сихъ поръ неизданнымъ, г. Скальковскій нашелъ объ этомъ слѣдствіи очевидно неофиціальный документъ, озаглавленный такъ: «Журналъ всѣхъ разговоровъ и преній коммисіи» —и напечаталъ его почти цѣликомъ въ 1841 г. въ статьѣ своей «Сношенія Запорожья съ Крымомъ», ставшей теперь библіографическою рѣдкостію. Но не видно, чтобы у него были въ рукахъ самыя жалобы татарскія, представленныя Леонтьеву и возбудившія слѣдствіе. Подлинники татарскихъ писемъ сохранились (частію) въ томъ разбитомъ «дѣлѣ», о которомъ мы выше упомянули и которое представляетъ значительную часть всего слѣдственнаго производства. Укажу здѣсь лишь на немногія неточности извѣстій г. Скальковскаго объ этой коммисіи и противорѣчія тѣмъ несомнѣннымъ указаніямъ, какія найдены мною въ упомянутомъ «дѣлѣ». Г. Скальковскій говоритъ лишь о претензіяхъ крымскаго хана, тогда какъ одновременно предъявлены были и особыя претензіи буджацкаго сераскеръ-султана, отъ котораго и депутаты въ сказанную коммисію прибыли раньше. Кромѣ того г. Скальковскій говоритъ, что секундъ-маіоръ Никифоровъ прибылъ въ Сѣчь въ мартѣ мѣсяцѣ 1749 г., а крымскіе депутаты 8-го апрѣля того-же года, тогда какъ изъ подлинныхъ репортовъ Никифорова видно, что самъ онъ прибылъ въ Сѣчь 22 декабря 1748 г., а крымскіе депутаты 4-го мая слѣдующаго года, дѣйствія-же слѣдственной коммисіи открылись 25 мая.

Въ коммисію, въ которую былъ назначенъ Никифоровъ, онъ прибылъ очень рано, именно 22 декабря 1748 г., тогда какъ уполномоченные крымскаго хана и буджацкаго сераскеръ-султана явились лишь въ маѣ слѣдующаго года. Ему приходилось ждать въ Сѣчи болѣе 4-хъ мѣсяцевъ: донося Леонтьеву о своемъ прибытіи въ Сѣчь, Никифоровъ жаловался на продолжительность и трудность пути, на томительность ожиданія, на неудобства жизни въ дикомъ почти мѣстѣ, надѣясь вѣроятно разжалобить начальство и избавиться отъ тягостной коммисіи; но въ отвѣтъ на это Леонтьевъ прислалъ ему рѣзкій и „кусательный" выговоръ, называя его жалобы „бреднями, прихотями и курьезными церемоніями" и предписывая исполнять то, что указано ему инструкціею.

Чтобы не „праздно время препровождать" и поправить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ репортомъ, Никифоровъ сталъ присматриваться къ сѣчевымъ распорядкамъ, крайне ненавистнымъ Леонтьеву, и строчить о нихъ донесенія, которыя впрочемъ могли быть и прямо поручены ему инструкціею [1]). Въ помощь ему присталъ войсковый писарь Петръ Чернявскій, помогавшій ему въ составленіи *Описанія*, а можетъ быть и самъ настрочившій оное, какъ можно будетъ заключать изъ послѣдующаго. Никифорову, выросшему въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, запорожская вольница и неограниченная свобода выборовъ не могли иначе представляться, какъ верхомъ своеволія, безсмыслицы и безобразія, потому въ описаніи происходившихъ при немъ выборовъ не проглянула ни одна свѣтлая черта, а въ предшествовавшихъ донесеніяхъ онъ со всею силою настаиваетъ на отмѣнѣ выборовъ въ Запорожьѣ и подчиненіи его строгимъ регуламъ. Вѣрность такихъ убѣжденій, казалось ему, раздѣляла сама козацкая старшина, которая по секрету открывалась будто предъ нимъ въ своемъ за-

---

[1]) Вообще какъ бывшимъ въ Сѣчи офицерамъ, такъ и посылавшимся туда нарочито, поручалось нѣкоторое соглядатайство за дѣйствіями сѣчевой старшины, и о ней они сообщали свои аттестаціи. Мнѣ встрѣтилось особое дѣло 1747 г., такъ озаглавленное: «О развѣдываніи объ учрежденномъ на мѣсто бывшаго войска запорожскаго Кошевого атамана Василія Григорева Кошевомъ-же атаманѣ Павлѣ Козелецкомъ, какого онъ состоянія». Развѣдываніе, производившееся по порученію того-же Леонтьева, на основаніи указа прав. сената, кончилось въ пользу Козелецкаго.

вѣтномъ желаніи, „чтобъ какъ Кошевой атаманъ, такъ и судья, жалованы были отъ ея императорскаго величества или отъ правительствующаго сената, а куренные атаманы отъ высокаго генералитета, и чтобъ таковой былъ порядокъ, какъ въ войскѣ донскомъ". Понятно, что, вращаясь, какъ и изъ его репортовъ видно, въ кругу нѣсколькихъ недовольныхъ старшинъ, во главѣ которыхъ стоитъ темная личность писаря Чернявскаго, Никифоровъ все слышанное отъ нихъ не только на вѣру принималъ, но и обобщалъ, а историческій духъ общины былъ настолько выше его разумѣнія, насколько собственное его довѣріе превышало искренность бесѣдовавшихъ съ нимъ, которые не могли иначе и представить почтеннаго секундъ-маіора, какъ только въ роли развѣдчика. Самъ-же Никифоровъ въ своихъ репортахъ къ генералъ-губернатору всегда выдѣлялъ своихъ „почетнѣйшихъ" собесѣдниковъ, завѣряя его, что „во ономъ войскѣ запорожскомъ, кромѣ вышедонесенныхъ людей, другіе добросовѣстные едвали найдутся". Все это мы сочли необходимымъ сказать для опредѣленія значенія того описанія, которое Никифоровъ приложилъ къ репорту своему отъ 11-го генваря „для единаго извѣстія". Вотъ текстъ этого интереснаго описанія.

Описаніе о происшедшемъ въ Сѣчи запорожской выборѣ въ кошевые атаманы, въ судьи, писари и эсаулы, такожъ и въ разныя мѣста въ полковники, обыкновенно въ новомъ годѣ, сего 1749 года генваря 1-го дня, и до того числа что происходило и при томъ по ихъ обычаю что слѣдовало, значитъ у сего.

Къ празднику Рождества Христова находящіеся по степямъ и рыбнымъ ловлямъ изъ зимовниковъ козаки съѣхались въ Сѣчь, числомъ которыхъ изъ живущими въ Сѣчи болѣе не превосходило какъ до пяти тысячъ, между которыми по большей части были презѣльные пьяницы, изъ людей по здѣшнему называемые *сиромахи*, не имѣющіе у себя не точію лошадей или какого скота, но ниже на плечахъ платья, и чрезъ зиму валяются въ куреняхъ до весеннято времени.

Въ оной праздникъ Рождества Христова, по отслушаніи божественной литургіи, всѣ разошлись по куренямъ, а послѣ обѣда Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ долженъ былъ купленное вино въ трехъ бочкахъ, по цѣнѣ на сто пять рублей, для приласканія козаковъ роздать въ курени по равному числу, а сверхъ того безпрерывно приходящихъ къ нему поилъ виномъ-же и медомъ. То-жъ чинили судья Никита Сан-

бика и войсковый писарь Андрей Миргородскій съ нѣкоторою противъ Кошевого отамана убавкою, и такимъ образомъ продолжалось даже до перваго числа генваря; толь найпаче сиромахи находились въ безпрерывномъ пьянствѣ, чиня при томъ неописанное своевольство и старымъ и умнымъ козакамъ безпокойство и явное оскорбленіе, отъ коего угомщены не были. Ибо сей выборъ въ старшины не отъ старыхъ и умныхъ людей и не отъ куренныхъ атамановъ зависитъ, но отъ упоминаемыхъ сиромахъ. А незадолго до того онъ, Кошевой, по согласію съ судьею, съ виномъ погребá, дабы пьяницъ и своевольниковъ не умножилось, запечаталъ, яко-же въ оный день праздничный два человѣка изъ козаковъ отъ вина померли.

Помянутые сиромахи, или, по просту сказать, пьяницы и плуты, когда у нихъ во всю ту недѣлю пьянство продолжалось, между собой соглашались тайно, кого въ кошевые отаманы, въ судьи, въ писари, въ эсаулы, въ довбиши или литаврщики и пушкари выбрать.

Въ день 1-го сего генваря по отслушаніи божественной литургіи Кошевой и куренные атаманы, также и значные козаки и вся чернь разошлись по куренямъ и за городомъ по дворамъ.

Вскорости послѣ того лежащій въ церкви прапоръ или знамя (ибо по ихъ обычаю какъ клейноты, такъ бунчуки и знамена въ церкви хранятся) вынесено на дворъ и поставленно близь трапезныхъ дверей, да къ тому принесены литавры и какъ сіе скоро поставлено, тогда Кошевой атаманъ и войсковой судья, взявъ жалованныя, длинныя и серебромъ оправленныя, трости, да онъ же, Кошевой, притомъ съ собою взявъ войсковую печать, а писарь войсковую большую серебрянную чернильницу, эсаулъ простую палку безъ всякой оправы, изъ жилищъ своихъ вышли и пришедъ къ прапору, постановились въ одинъ рядъ по старшинству своихъ чиновъ, снявъ шапки; а куренные отаманы становились, зачиная правый флангъ отъ Кошеваго и такимъ порядкомъ кругомъ и лѣвый флангъ примыкаетъ къ войсковому эсаулу, безъ шапокъ-же. Вся чернь, въ презѣльномъ будучи пьянствѣ, числомъ найболѣе трехъ тысячъ, стояла за куренными отаманами и кругомъ церкви, такъ что въ ихъ городкѣ другимъ вмѣститься было невозможно, за чѣмъ немалое-жъ число сидѣли поверхъ куреней и на колокольнѣ, а иные стояли по валу и по рѣкѣ.

Какъ скоро всѣ собрались, тогда метали жеребьи, написанные на малыхъ ярлыкахъ о рѣчкахъ и озерахъ, которыя рыбною ловлею на который курень достанутся. Сіе такимъ образомъ слѣдовало: помянутый войсковой писарь заблаговременно всѣ рыбныя ловли по числу куреней росписалъ по ярлыкамъ и тогда, положа всѣ вдругъ въ шапку, трусилъ,

а куренные отаманы одинъ по одному разобрали, означенный-же писарь тѣ ярлыки всѣ вслухъ прочелъ, за что куренные отаманы, поблагодаря, разошлись по своимъ куренямъ, или кто куда хотѣлъ.

Какъ скоро помянутые отаманы разошлись, тогда, ради найбольшаго собранія козаковъ, довбишъ или литаврщикъ билъ на литаврахъ, къ чему еще много съѣхалось, такъ что многимъ не токмо чего слышать, но ниже того видѣть можно было.

По прибытіи того сбора, Кошевой отаманъ, судья, писарь и эсаулъ всему войску запорожскому на всѣ стороны кланялись и громкимъ голосомъ благодарили за начальство.

Сія вышеписанная чернь, выслушавъ сіе, закричали весьма громко, всякій своимъ голосомъ, и нѣкоторые, браня оную старшину скверными и непотребными словами, говорили, что надобно ихъ скинуть, упоминая при томъ, что де козачьяго хлѣба уже наѣлись, и кричали-же «положи» (сіе «положи» значитъ тако: когда уже старшину съ общаго согласія лишатъ того достоинства, тогда Кошевой, судья и эсаулъ повинны шапки свои положить на землю, а поверхъ того вышеупомянутыя жалованныя трости и печати, а писарь чернильницу, а послѣ, взявъ тѣ шапки, убѣгаютъ въ курени или куда далѣе скрываются, дабы убить не могли). Прочіе-же, по большей части держащіе партію Кошевого отамана, кричали, что быть сему Кошевому и писарю, полагая на ихъ главы песокъ и землю, а иные и за волосы тянули, говоря: будьте, паны, здоровы и *сырны*, противники-жъ тому выбору вступили въ драку, которую жестоко и на долгій часъ производили, а Кошевого и писаря прижали къ церкви, отчего они едва не померли. Наконецъ-же судью Никиту Санбика лиша того чина, выбрали другого: титоровскаго куреня Василія Богацько, да въ эсаулы васюринскаго куреня изъ простыхъ козаковъ Петра Давыда, а прежняго прогнали кулачьемъ, да въ полковники въ Гардъ, въ Колміусъ, въ Кайдакъ и въ протчія мѣста которыхъ надлежало пять человѣкъ, но вмѣсто того двадцать человѣкъ избрали, стараяся всякій отъ своего куреня въ таковые чины удостоить, чиня при томъ между собой жестокія драки и наконецъ, взявъ кошевого отамана, судью, писаря и эсаула, также и полковниковъ, вели въ комору кошевого отамана съ такою порядочною честью: они за волосы тянули, а они по бокамъ кулачьемъ и пинками били и такъ едва живыхъ до того мѣста довели и не оставили одного ребра, чтобъ которое помято не было. И вошедъ онъ, Кошевой, съ помянутою старшиною въ свою комору, заперся и никого болѣе не пустилъ, и такъ до самаго вечера, пребывая тамъ, отдыхали.

Сія-жъ предрѣченная чернь разошлась по куренямъ и за городокъ по дворамъ и на счетъ вновь выбраннаго судьи брали изъ одного шинка

вино котлами, коновками, ведрами и горшками, коего разобрано на немалыя деньги, и такъ веселились чрезъ всю ночь, чиня между собою согласно, чтобъ и завтрашній день выбранную 1-го дня генваря старшину лишить, а другую избрать и нѣкоторый бунтъ учинить, о коемъ ниже сего послѣдуетъ.

Генваря 2-го числа поутру рано рѣченная чернь, будучи внѣ городка, чинили выборъ въ пушкари при пушкарской коморѣ, гдѣ и стояли прибывшіе турки и татары, съ превеликимъ-же крикомъ и дракою, однако по несогласію никого выбрать не могли, а во весь день находились въ пьянствѣ и бродили какъ-бы безумные; прочіе-же постоянные и зажиточные люди, кои въ Сѣчь для смотрѣнія пріѣзжали, разъѣхались въ свои зимовики.

Въ самой скорости по отслуженіи вечерни вся та чернь, взявъ изъ церкви литавры (кои для того положены были, дабы своевольники бьючи тревоги не учинили) вмѣсто палокъ полѣньемъ били сборъ, къ чему всѣ тѣ голые собравшись и поймавъ одного бывшаго предъ нѣкоторымъ временемъ судью Ивана Водолагу въ судьи-же, а въ эсаулы одного пьянаго козака, не имущаго на себѣ одежды. И въ самый тотъ шумъ выбранные въ первый день генваря писарь Миргородскій, который и до сего писаремъ-же былъ, судья Богацько, эсаулъ Давыдъ сошлись къ Кошевому въ комору и сидѣли запершись, будучи въ превеликомъ страхѣ, дабы убиты не были. Однако отъ тѣхъ выборщиковъ немалая часть, прибѣжавъ къ Кошевому, просили, дабы онъ неотмѣнно на ихъ раду шелъ, который по необходимости и крайне опечалився, взявъ по ихъ обычаю войсковую печать и церемоніальную трость, а таковую-жъ и судьѣ давъ, пошли на раду. И какъ онъ Кошевой съ судьею и эсауломъ къ церкви выступили, тогда тѣ всѣ сиромахи, бросившись къ нему, возвратили въ его покои съ такою-же честью, какъ выше упомянуто, говоря при томъ, что ты нашъ батько и будь паномъ на здоровье и до тебе ведемъ вновь выбранныхъ судью и эсаула, о коихъ уже выше упоминается, и такъ оные, пришедши въ покои заперлись, а у прежняго судьи Богацько трость, а у эсаула обыкновенную палку отнявъ, прогнали.

Оные-жъ сиромахи или чернь, какъ имѣли до сего согласіе и потому при семъ случаѣ намѣрены были свои мѣры самымъ дѣйствіемъ показать, чтобъ живущихъ за городкомъ ихъ-же запорожскихъ козаковъ, всѣми потребностями торгующихъ, тако-жъ котляровъ, кузнецовъ, пушкарей, шинкарей, тожъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, грековъ и армянъ, для торгу здѣсь пребывающихъ, разбить и разогнать, а лавки отбивъ, всѣ лежащіе деньги и товары растащить, а напитки

изъ бочекъ выпустить. И къ тому охотно со всякою скоростью изъ городка начали выбѣгать было, таща съ собою литавры, и въ оные били сборъ, дабы охотниковъ сбиралось; къ чему нѣкоторые два человѣка куренные отаманы тѣхъ сиромахъ поощряли, да и сами между ими замѣшались.

Какъ скоро базарные о таковомъ бунтѣ провѣдали, тогда, ради защищенія себя и недопущенія до раззоренія, тотчасъ собрались съ ружьемъ и дубьемъ до четырехъ сотъ человѣкъ и оныхъ бунтовщиковъ, не допуская ихъ до намѣреннаго дѣла, встрѣтили при самой колокольнѣ (которая стоитъ надъ самымъ рвомъ и служитъ за башню) и вонъ изъ городка въ форштатъ не выпустили; а хотя нѣкоторые оттуда и выбѣжали, оныхъ били дубьемъ смертельно, причемъ и изъ оныхъ куренныхъ отамановъ одного били немилосердно. И такъ между ними происходила суетная драка, шибая изъ стороны въ сторону полѣньемъ, а сиромахи, видя озорность базарныхъ людей, принуждены были надъ колокольнею ворота запереть, а означенные базарные, опасаясь нападенія, принуждены чрезъ всю ночь не спать и при самыхъ воротахъ и при нужныхъ проходахъ стоять съ дрекольемъ. Кошевой атаманъ въ самое то время съ судьею, писаремъ и эсауломъ, сидя въ своей коморѣ, чрезъ посыланныхъ отъ себя служителей, всячески трудились, дабы куренные отаманы, всякій своего куреня, старались сиромахъ отъ такого бунта отвратить, а сами для того изъ коморы выйти опасались; почему нѣкоторые старые и умные отаманы, слушаясь того повелѣнія, своихъ подчиненныхъ отъ злаго намѣренія битьемъ палками и всякимъ увѣщеваніемъ отвратили.

Въ день 3-го генваря, по отслушаніи божественной литургіи, Кошевой отаманъ Акимъ Игнатовичъ учинилъ куреннымъ отаманамъ сходку и о вчерашнемъ зломъ сиромаховомъ предпріятіи имъ отаманамъ напоминалъ и увѣщевалъ, дабы своевольниковъ унимали и таковыхъ въ куреняхъ отнюдь не держали, упоминая при томъ, что таковое дѣло, чего сначала Запорожья не бывало, какъ въ началѣ Всевышнему, такъ и ея императорскому величеству и высокому генералитету и всему государству великая противность и предосужденіе войску запорожскому.

А при той сходкѣ, по единогласному совѣту, положили быть судьѣ прежде выбранному Богацькѣ, эсаулу Петру Давыду, а прочимъ нижнимъ чинамъ всѣмъ быть прежнимъ, кои до сего были.

По скончаніи того разошлись всѣ по своимъ куренямъ и такъ, по благодати Божеской, тотъ день прошелъ безъ всякаго мятежа и пьяныхъ рѣдко было, понеже Кошевой отаманъ во всѣхъ шинкахъ винную продажу запретилъ.

Выше мы высказали предположеніе, что въ составленіи этого описанія Никифорову помогалъ, а можетъ быть и самое описаніе состряпалъ, войсковый писарь Петръ Чернявскій, который видно больше другихъ сблизился съ Никифоровымъ. На эту мысль навела насъ найденная нами въ разнообразныхъ бумагахъ обширная секретная записка Чернявскаго на высочайшее имя, которую онъ въ октябрѣ 1749 г. изготовилъ и препроводилъ къ генералъ-губернатору вѣроятно черезъ того-же секундъ-маіора Никифорова. Въ ней Чернявскій главнымъ образомъ распространяется на ту же тему о преимуществахъ „безперемѣннаго Кошеваго атамана“ и въ этомъ одномъ видитъ спасеніе отъ всѣхъ происходящихъ непорядковъ и хотя не думаетъ, какъ Никифоровъ, что предлагаемое уничтоженіе выборнаго начала „безъ всякаго отъ козаковъ препятствія легко учинить возможно“, но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что такой перемѣны желаютъ будто-бы *старики*, которые якобы поручали ему уже въ такомъ смыслѣ и прошеніе написать, а судья „въ знакъ закрѣпы того прошенія“ и войсковую печать было отдалъ ему, но убоялись безъ особой высочайшей грамоты сдѣлать это,—„многаго страха ради отъ того подлого народа, что можетъ всимъ тимъ, кои будутъ въ томъ совѣтѣ, послѣдовать смертное убивство и великое и всенародное смятеніе“. Вотъ тотъ пунктъ записки, въ которомъ Чернявскій изображаетъ обычный порядокъ выборовъ весьма сходно съ описаніемъ Никифорова.

«Въ Запорожской Сѣчи при войсковомъ Кошу, во время выбору въ Кошовые и въ протчую старшину, соберутся изо всѣхъ мѣстъ и изъ степей запорожскихъ и изъ куреней множество народу. Изъ нихъ хотя сойдутся по старымъ своимъ обычаямъ и добрые во заслугахъ козаки, но только по большой части подлой народъ въ радѣ войсковой находится, и кто таковымъ подлому народу, по ихъ надобности, имъ чинить волю и въ разбояхъ и воровствахъ и въ протчихъ самовольствахъ позволеніе, объ оныхъ собрався съ таковыми непостоянными людьми усилно, не слушая заслуженныхъ и добрыхъ козаковъ, къ тому выбору голосу съ великимъ крикомъ и въ безмѣрномъ пьянствѣ взявъ, кто имъ по ихъ прихотямъ надобенъ, ведутъ къ постановленію въ старшины, а тѣхъ добрыхъ и заслуженныхъ козаковъ, напавъ на нихъ и на приведенныхъ ими въ Кошевые и въ протчую старшину добросовѣстныхъ людей, чтобъ имъ таковые не чинили въ воровствѣ и въ разбоѣ препятствія, которое злодѣйство отъ онаго подлаго народу при такомъ-же

выбираніи въ радѣ и оказалось въ прошломъ 1739 г. (выбраннаго въ Кошевые отамана Якова Тукала убили до смерти), почему и въ нынѣшнихъ временахъ о такихъ достойныхъ выбираемыхъ въ Кошевые и протчую старшину съ великою дракой перемога всячески отъ тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ постановленіе бываетъ, но точію болѣе по ихъ подлого народа упорству чинится хотѣнію; и притомъ выборѣ великія страженія курень съ куренемъ имѣютъ, а паче тѣ злодѣи, согласясь для своего въ воровствѣ угодія между собой, и тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ, кои хотятъ выбирать достойныхъ въ старшину, нѣсколько до смерти убиваютъ, а кои, хотя и не до смерти убиты, но и тѣ отъ такихъ побоевъ лежавъ нѣсколько времени, помираютъ-же; и при тихъ частыхъ выборахъ народу весьма множество отъ того пропадаетъ, а знатные и заслуженные старики отъ того выбору не тако уже, како въ древнія времена бывало, что при такихъ выборахъ они въ первенствѣ находилися, но и убѣжавъ въ незнакомыя мѣста или запершись въ то время въ коморы, гдѣ-бъ ихъ и сыскать не могли, страха ради въ такомъ смертномъ убивствѣ и мятежѣ, убѣгаютъ. Въ прошломъ 1749 г. при выборѣ въ Кошевые атаманы и въ протчую старшину великое и богомерзкое учинили смятеніе такимъ случаемъ: какъ оніе подлой и подозрительной народъ не могъ упрямствомъ своимъ усилство учинить, что не по ихъ хотѣнію постановили въ Кошевые и въ протчую старшину, которая старшина по выборѣ того-жъ числа въ надлежащія свои въ здѣланныхъ въ церквѣ Божіей особливыхъ для старшинъ мѣстахъ во время службы Божіей въ вечернемъ пѣніи установились, въ то время тотъ подлой и подозрительный народъ, забывъ страхъ Божій, съ превеликимъ крикомъ гикнули и, ворвався въ ту церкомъ Божію, вытащивъ изъ мѣста за волосы новую старшину, кричавъ скверныя слова, учали бить и драть немилостиво и между собой въ той церкви въ кровь передралися и перебилися едва не до смерти и учинили то, что желали, по своему хотѣнію, чего ради принужденъ былъ служащій въ то время священникъ остановить и службу Божію, отъ котораго мятежа и кровопролитія, даже пока оная освятилась, была нѣсколько времени безъ службы Божіей».

Представляя свою записку, Чернявскій проситъ, чтобы какъ записка, такъ и его имя сохранены были въ величайшемъ секретѣ, дабы запорожцы, узнавъ объ этомъ, „не предали его и прочихъ старшинъ смертному убивству, если-жъ удержать секретъ невозможно, то повелѣно было-бы его, Чернявскаго, по особливому указу, яко-бы для знатнаго секрету, въ Кіевъ или другое мѣсто взять“.

Это обстоятельство, а равно и цѣлый рядъ писемъ Чернявскаго къ подполковнику Алексѣю Глѣбову, которыя находятся въ разсмотрѣнномъ мною „дѣлѣ“ и въ которыхъ Чернявскій, трепеща за свою судьбу, старается что-либо знать о судьбѣ записки, обличаютъ лживость его увѣреній, будто сама старшина добивалась проэктированныхъ имъ перемѣнъ и невольно подрываютъ довѣріе къ вѣрности нарисованной Никифоровымъ и Чернявскимъ картины выборовъ въ Запорожьѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ фактъ, что когда генералъ-губернаторъ Леонтьевъ, внявъ донесеніямъ Никифорова и Чернявскаго и возбужденный начерченными ими картинами запорожскихъ безобразій, вновь представилъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Запорожьѣ войсковой старшины по назначенію, то получилъ слѣдующій отвѣтъ въ сенатскомъ указѣ 29 мая 1749 года: „понеже такой порядокъ учредитъ правительствующій сенатъ, по извѣстному ихъ запорожцевъ непостоянному нраву и противъ ихъ древняго обыкновенія, весьма за невозможное и съ высочайшими ея императорскаго величества интересами несходное быть признаваетъ, и для того-бъ нынѣ оного не чипить и впредь о томъ въ правительствующій сенатъ не писать и тѣмъ напрасно не утруждать“.

Не угомонились и послѣ этого ни Леонтьевъ, ни Чернявскій, добиваясь отмѣны самоуправленія Запорожья и рисуя оное самыми черными красками. Первый пустилъ въ ходъ извѣстную уже записку Чернявскаго, приложивъ къ ней опять свое мнѣніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ прежнихъ, а послѣдній вновь составилъ на высочайшее-же имя и отправилъ къ Леонтьеву столь-же обширную записку, въ которой оставилъ намъ слѣдующую краткую замѣтку о произошедшихъ въ 1750 году запорожскихъ выборахъ:

«Сего 1750 г. генваря въ 1-й день въ Сѣчи Запорожской при войсковомъ Кошу былъ въ кошевые и въ протчую старшину выборъ, и тогда, съѣхавшись со степовъ, подлой и злодѣйственной народъ бывшого кошевого отамана Якима Малого, съ рангу отставивъ, въ смерть убить намѣревали за то, что онъ Малый, по высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, за чинимыя ими предерзости безъ упущенія штрафовалъ, и егда бы добрые козаки не оборонили, то-бъ всеконечно отъ нихъ, злодѣйственнаго и безсовѣстнаго народа, убитъ былъ. На мѣсто-же его Кошевымъ (хотя и не лежало) Василій Сычъ опредѣленъ».

Не смотря однако на всѣ эти страхи и ужасы, которые такъ краснорѣчиво изображали секундъ-маіоръ Никифоровъ и первый изъ „людей“ запорожской старшины, Чернявскій, первый послѣ кошеваго и судьи, „во всенижайшей рабской покорности“ секретно сочинявшій записки объ уничтоженіи выборнаго начала въ войскѣ запорожскомъ, обычные выборы сохранялись тамъ до самаго уничтоженія Сѣчи, и кошевые атаманы выбирались безъ всякаго смертоубійства. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ существованія Сѣчи, въ тяжелые годы борьбы за свое существованіе, постоянно выбирался тѣми-же „презѣльными пьяницами“, какими представлялись русскимъ офицерамъ всѣ запорожцы, все одинъ и тотъ-же Кошевой Петръ Калнишевскій, уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что, не смотря на видимую безпорядочность выборовъ, сознаніе собственныхъ дѣйствительныхъ „пользъ и нуждъ“ далеко не было чуждо всей той массѣ „сиромахъ“, которая, составляя „славетное войско запорожское низовое“, распоряжалось выборами своихъ представителей.

Ал. Андр—скій.

Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ.

Въ исторіи днѣпровскаго козачества ясныя и связныя историческія данныя начинаются лишь съ половины XVII столѣтія. Продолжительная борьба, возникшая при Богданѣ Хмельницкомъ, и крупный переворотъ въ исторіи южно-русскаго края, бывшій ея результатомъ, вызвали многочисленные историческіе труды современниковъ, посвященные описанію самой борьбы и ея послѣдствій; кромѣ польскихъ и иностранныхъ писателей, появился цѣлый циклъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, которые составляли повѣтствованія о войнахъ Богдана Хмельницкаго и затѣмъ передавали свой трудъ преемникамъ, дополнявшимъ мѣстное лѣтописаніе дальнѣйшими свѣдѣніями о исторіи козачества во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ. Но о времени, предшествовавшемъ Богдану Хмельницкому, т. е. объ исторіи козачества за все XVI и первую половину XVII столѣтія, мѣстные лѣтописцы имѣли лишь самыя неточныя и общія свѣдѣнія, дошедшія до нихъ путемъ изустнаго преданія. У польскихъ писателей XVI столѣтія свѣдѣнія эти встрѣчались только въ видѣ крайне отрывочныхъ, случайныхъ и очень часто сбивчивыхъ извѣстій, отмѣчавшихъ лишь болѣе крупные факты на значительномъ разстояніи времени другъ отъ друга. Такимъ образомъ точныхъ данныхъ объ исторіи козачества до времени Богдана Хмельницкаго не существовало до послѣдняго времени, когда многочисленныя изданія документовъ и другихъ историческихъ памятниковъ дозволили, хотя въ нѣкоторой степени, уяснить подробности исторіи козачества въ указанное время. Недостатокъ историческихъ свѣдѣній отразился въ трудахъ первыхъ составителей исторіи козачества: они или наполняли свои сочиненія свѣдѣніями ясно вымышленными, подобно составителю „Исторіи Руссовъ", или-же, желая изгладить многочисленные пробѣлы, вносили въ нихъ, подобно Бантышу-Каменскому

и Маркевичу, разсказы къ исторіи козачества не относящіеся и гипотезы не всегда удачныя. Впрочемъ отсутствіе точныхъ свѣдѣній отразилось на сочиненіяхъ названныхъ писателей не только скудостью фактическихъ данныхъ, но и невѣрнымъ представленіемъ о бытѣ козачества въ періодъ времени до половины XVII столѣтія: совершенно невольно писатели эти предполагали, что весь строй козачества, хорошо извѣстный имъ послѣ Богдана Хмельницкаго, былъ точно также развитъ и до него; они представляли себѣ гетмана, генеральную и полковую старшину, козацкія полки и сотни въ началѣ XVI столѣтія въ такомъ-же видѣ и съ такимъ-же устройствомъ, какими знали ихъ въ XVIII столѣтіи; вся трудность, по ихъ мнѣнію, состояла лишь въ томъ, что нельзя было указать послѣдовательнаго ряда гетмановъ и окружавшихъ ихъ старшинъ, и писатели эти направили всѣ усилія для того, чтобы составить такой рядъ для всего времени первоначальнаго существованія козачества за полтора столѣтія. Пользуясь неясными и неточными намеками польскихъ писателей, они приписывали званіе козацкаго гетмана всякому лицу, о которомъ нашли свѣдѣнія, что оно предводительствовало какимъ-либо козацкимъ отрядомъ, или даже любымъ ополченіемъ, ошибочно названнымъ козацкимъ; такимъ образомъ составился для XVI столѣтія рядъ мнимыхъ козацкихъ гетмановъ, въ число которыхъ были записаны и старосты украинные: Дашкевичъ, Лянцкоронскій, Вишневецкіе и т. д., и предводители шляхетской вольницы, какъ Сверчовскій, и политическіе иноземные авантюристы, какъ Подкова, и наконецъ лица никогда не существовавшія, какъ прославленный Ѳедоръ Богданъ. Въ исходѣ XVI столѣтія историческія свѣдѣнія нѣсколько становятся яснѣе: съ началомъ козацкихъ реакцій противъ Польши, крупныя козацкія возстанія, а также участіе козаковъ въ крупныхъ военныхъ столкновеніяхъ польскаго государства отмѣчены довольно подробно у польскихъ историческихъ писателей, хотя все таки между отдѣльными событіями остаются довольно значительные промежутки, которые историки Малороссіи пытались замаскировать всевозможными натяжками.

Для примѣра укажемъ время съ 1596 года, когда усмирено было козацкое возстаніе Наливайка, по 1618 г., когда польское правительство признало козацкимъ гетманомъ Петра Сагайдачнаго. Исторія Руссовъ, разсказавъ смерть Наливайка въ 1597 году, ут-

верждаетъ, что уже въ 1598 выбранъ былъ въ гетманы генеральный обозный (sic) Петръ Конашевичъ, которому польская партія противупоставила будто своего кандидата „сотника Дамьяна Купку", но такъ какъ о дѣяніяхъ ни Конашевича, ни Купки у автора не было подробныхъ свѣдѣній, то онъ наполняетъ указанный промежутокъ времени очень краснорѣчивымъ разсказомъ о насильственномъ введеніи уніи, о притѣсненіяхъ вообще южно-руссовъ поляками, о переходѣ въ католичество южно-русскихъ дворянъ, которыхъ онъ представляетъ себѣ чиновною козацкою старшиною, убоявшеюся лишенія „мѣстъ своихъ и ранговыхъ имѣній" и, наконецъ, разсказомъ о первомъ самозванцѣ. Маркевичъ и Бантышъ-Каменскій слѣдуютъ въ описаніи даннаго времени по пути проложенному авторомъ Исторіи Руссовъ и наполняютъ данный промежутокъ времени длинными цитатами изъ его книги; Бантышъ-Каменскій вноситъ только двѣ незначительныя поправки: начало гетманства Сагайдачнаго онъ относитъ къ 1605 году и имя Купки поправляетъ въ Костку, при чемъ называетъ его не гетманомъ, а Кошевымъ запорожскимъ.

Между тѣмъ, если мы соберемъ данныя изъ изданныхъ понынѣ документальныхъ источниковъ, то получимъ возможность въ значительной мѣрѣ восполнить факты, относящіеся къ указанному промежутку времени. Послѣ казни Наливайка реестровые козаки оставались въ пользованіи прежнихъ своихъ войсковыхъ правъ: они выбирали начальниковъ, въ томъ числѣ и гетмана (котораго польское правительство называло „старшимъ войска запорожскаго"), имѣли свой судъ, свое управленіе, призывались въ военные походы, оберегали границу отъ татарскихъ набѣговъ, оказывали поддержку православной церкви въ борьбѣ ея съ уніею и т. д. Гетмановъ козацкихъ въ указанное время мы всѣхъ не знаемъ, такъ какъ они мѣнялись весьма часто и вѣроятно выбирались только на годичный срокъ; но восемь именъ можемъ назвать, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Въ 1596 году, послѣ сдачи Наливайка, старшимъ войска запорожскаго признанъ былъ *Христофоръ Нечковскій*, которому въ томъ-же году правительство поручило охраненіе границъ отъ татарскаго набѣга [1]).

[1]) Listy Stanisława Żołkiewskiego (1584—1620). Краковъ, 1868, стр. 82.

Въ 1597—1598 году старшимъ былъ *Тихонъ Байбуза*, вполнѣ преданный польскому правительству и вызвавшій своимъ поведеніемъ реакцію въ Запорожьи; изъ переписки его съ гетманомъ Жолкевскимъ мы видимъ, что многіе козаки, недовольные его управленіемъ, бѣжали въ Запорожье, выбрали старшимъ бывшаго участника возстанія Наливайка—*Полоуса*, разбили отрядъ, посланный противъ нихъ Байбузою подъ предводительствомъ асаула *Скалозуба*, и овладѣли войсковою казною и флотиліею [1]).

Въ 1600—1602 годахъ старшимъ войска запорожскаго былъ *Самуилъ Кошка*, имя котораго уцѣлѣло въ народной памяти, благодаря прекрасной народной думѣ, въ которой имя Кошки связано съ разсказомъ объ освобожденіи невольниковъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1600 году козаки подъ предводительствомъ Кошки участвовали въ походѣ поляковъ на Молдавію, затѣмъ въ 1601—1602 годахъ ходили по призыву польскаго правительства воевать со шведами; во время этого похода козаки, не получая жалованья и продовольствія отъ правительства, сильно страдали отъ голода и недостатка, вслѣдствіе чего принуждены были насильно сбирать провіянтъ въ Бѣлой Руси, пришли въ столкновеніе съ жителями Витебска и разграбили этотъ городъ. Въ началѣ 1602 года Самуилъ Кошка убитъ былъ въ сраженіи со шведами и тѣло его препровождено для погребенія въ Кіевъ. Изъ переписки этого гетмана съ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, мы знаемъ, что козаки до выступленія своего въ походъ потребовали предварительно гарантію своихъ вольностей, обезпеченныхъ имъ привиллегіею короля Баторія: права судиться исключительно своимъ судомъ, неприкосновенности козацкой поземельной собственности и т. п. [2]).

Преемникомъ Кошки въ 1602 году былъ *Гаврило Крутневичъ*, или *Кортневичъ*, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи [3]). Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Куцковичъ*, который, не находя возможности удержать дисциплину среди козаковъ, не

---

[1]) Ibidem. стр. 86—90.

[2]) Ibidem. стр. 107—110, 114—117. Боркулабовская хроника въ «Матеріалахъ, изданныхъ Кулишемъ, стр. 75—76.

[3]) Ibidem., стр. 117; Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 318—319.

получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года. Мѣсто его занялъ *Иванъ Косый*, подъ предводительствомъ котораго козаки возвратились наконецъ въ Украйну [1]).

Въ 1606 году козацкимъ гетманомъ былъ *Григорій Изаповичъ*, универсалъ котораго, предостерегавшій жителей юго-западной Руси о предстоящемъ вторженіи татаръ, дошелъ до насъ [2]).

Наконецъ въ 1610 году извѣстенъ намъ козацкій гетманъ *Григорій Тискиневичъ*, оказывавшій весьма энергическую поддержку православному духовенству въ борьбѣ его съ уніатами, разразившейся по поводу занятія уніатскимъ оффиціаломъ Грековичемъ соборной церкви св. Софіи въ Кіевѣ [3]).

Къ этому далеко неполному списку козацкихъ предводителей въ промежутокъ времени съ 1596—1618 годъ, мы можемъ прибавить еще одно имя—*Дмитрія Богдановича Барабаша*, бывшаго козацкимъ гетманомъ въ 1617 году, какъ это явствуетъ изъ приложеннаго документа [4]). Имя этого гетмана связано и съ послѣдующею исторіею козачества: извѣстный современникъ и соперникъ Хмельницкаго Иванъ Барабашъ, былъ сыномъ Димитрія Барабаша; на книгахъ пожертвованныхъ имъ въ черкасскую рождественскую церковь онъ подписался „Иванъ Дмитріевичъ Барабашъ" [5]).

Изъ самаго акта мы можемъ извлечь одну бытовую подробность для исторіи козачества въ данное время. Это положительное указаніе на существованіе самостоятельнаго и независимаго козацкаго суда, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ гетмана изъ коллегіи, названной въ документѣ „радою гетманскою зуполною".

В. Антоновичъ.

---

[1]) Ibidem. стр. 118—121; Боркулабовская хроника, стр. 80—81.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 152—153.

[3]) Акты южной и западной Россіи, томъ II, стр. 66—67.

[4]) Документъ этотъ сообщенъ намъ обязательно И. В. Лучицкимъ, открывшимъ его копію, писанную почеркомъ конца XVII столѣтія въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи Малороссіи (переяславская сотня—приложенія № 55).

[5]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 402.

Приказъ козацкаго гетмана Дмитрія Богдановича Барабаша переяславской козацкой старшинѣ о томъ, чтобы она озаботилась о возвращеніи козаку переяславскому Гаврилу Колушкевичу участка земли, отнятаго у него безправно переяславскими козаками Сачченками. 1617 г., марта 7-го.

Дмитръ Богдановичъ Барабашъ, гетманъ, зо всѣмъ рицерствомъ войска его королевское милости запорожского.

Старшему на тотъ часъ надъ товариствомъ у переясловскихъ товаришовъ, такъ на тотъ часъ, яко и на потомніе часы будучему, зичимъ вашмосцемъ отъ пана Бога зо всѣмъ товариствомъ своимъ доброго здоровя, зе всими радостними помыслными потехами въ незамероные лѣта, яко самъ собе.

Приходилъ до *рады нашое зуполное* товаришъ нашъ козакъ войска запорожского Гаврило, обиватель переясловскій, перекладаючи передъ нами жаль свою на Сачченки, суседовъ своихъ, которые ему въ кгрунтахъ отцовщини его безправне, такъ въ сеножатехъ, яко и засеянемъ пашнѣ на нивахъ власное отцовщини его кривди и утиски безправне чинять и тихъ грунтовъ не будучи посессорами и ни жадними дедичами, нетъ ведома за якимъ правомъ, оного Гаврила, товариша нашего, оттерши отъ кгрунту, отцовщини его уживають. Якожъ зрозумѣли есмо зъ декрету отъ него намъ поданного, же се то ему въ такомъ обелженю великая кривда дѣеть, зрозумѣли есмо; прото срокго а сурове росказуемо, подъ ласкою нашею войсковою и подъ срокгимъ каранемъ войсковимъ, убитку товаришевѣ нашему, тому Гавриловѣ таковото обелженя, кривды и утисковъ тимъ Сачченкамъ въ кгрунтахъ его чинить надъ тое писане наше не допущать рачили. А што пашни свое власное посеяли на нивахъ кгрунту его, аби ему десетину давши, больщей уживать тихъ нивъ не важилися, яко и сеножатей косить, ихъ на пожитокъ свой оборочать не хотели, але и овшемъ, яко кгрунтъ отцовизний его власное, къ нему обернувши, потреби жадное не мели и моци жадное вечними часи не денжали, жеби се тежъ тотъ товаришъ нашъ Гаврило Колушкевичъ зъ жалемъ до насъ не приходилъ и намъ всему войску трудности не задавалъ. Писанъ у Черкасовѣ року 1617, Марта 7 дня. (М. П.).

Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго.

Подъ именемъ „бумагъ Котляревскаго“, въ отдѣленіи рукописей петербургской публичной библіотеки, хранится связка изъ пяти тетрадей, принесенная въ даръ А. В. Терещенкомъ въ 1858 году. Перечень этихъ бумагъ сдѣланъ былъ въ біографической замѣткѣ о Котляревскомъ, составленной при содѣйствіи того-же Терещенка и напечатанной въ 1861 г., въ „Основѣ“. Тамъ упоминались: „Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса противъ турокъ“ 1806 г., веденный Котляревскимъ, въ бытность его адъютантомъ начальника корпуса, графа Мейендорфа, переводъ обширнаго богословскаго сочиненія, черновыя рукописи, переписка и документы. Просматривая въ нынѣшнемъ году эти бумаги, до сихъ поръ оставлявшіяся почему-то безъ вниманія біографами Котляревскаго, я нашелъ только рукописи, относящіяся къ двумъ послѣднимъ рубрикамъ: письма и документы. Куда дѣвались „Журналъ военныхъ дѣйствій“, черновыя „Энеиды“ и „Наталки“, заключавшія любопытныя варіанты, и богословскій трудъ—неизвѣстно. Свидѣтельствомъ ихъ пребыванія въ библіотекѣ осталась только записка Терещенка, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Котляревскій оставилъ послѣ своей смерти многія рукописи, которыя неизвѣстно гдѣ и по чьимъ рукамъ ходятъ и которыя до сихъ поръ кроются... Неожиданность привела меня въ Полтаву, гдѣ я постарался отъискать мѣсто его жилища, потомъ посѣтилъ его могилу и затѣмъ розъискивалъ, нѣтъ-ли у кого его рукописей. Такія рукописи оказались въ семьѣ одного изъ друзей Котляревскаго, г. Стеблина-Каминскаго, который и передалъ ихъ мнѣ“. Утраченный „Военный журналъ“ обнималъ время съ 15 ноября по 16 декабря 1806 г., а богословскій трудъ былъ переводомъ сочиненія Дюкеня „L'Evangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suirant la concorde des quatres evangelistes“. Переводъ носилъ названіе „Размышленія о расположеніи,

съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. писаніи“ и распадался на восемь частей и 359 разсужденій. По словамъ Терещенка, изъ замѣтки сочинителя, обозначенной на краяхъ бумаги, видно было, что началъ онъ писать въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюля 1838 г., незадолго до кончины. „Твореніе это исполнено благоговѣйныхъ мыслей, простотою и ясностью изложенія и духомъ смиренія и упованія на будущую жизнь“. Такъ, въ концѣ 359 размышленія, говорится: *живый и умирающій въ церкви вами основанной* (св. апостолами) *я сообщаюсь съ вами для полученія воздаянія, которое вы научили насъ испрашивать и надѣяться*... Не имѣя прямаго литературнаго значенія, этотъ послѣдній трудъ писателя являлся свидѣтелемъ глубоко-религіознаго настроенія, охватившаго его въ послѣдніе годы жизни. Это явленіе любопытно по общности его многимъ изъ крупнѣйшихъ малорусскихъ художниковъ: таковы были послѣдніе годы Квитки, славнаго живописца В. Л. Боровиковскаго, Гоголя... Нельзя не пожалѣть объ утратѣ этой рукописи. Въ собраніи писемъ, собственныхъ рукописей Котляревскаго конечно нѣтъ, кромѣ двухъ черновыхъ записокъ дѣловаго характера. Но есть письма къ нему другихъ лицъ, рисующія ту интересную эпоху и иллюстрирующія житейскія и литературныя отношенія поэта.

Въ порядкѣ годовъ идутъ сначала два письма втораго малороссійскаго генераль-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, весьма благосклоннаго къ полтавскому поэту за его остроуміе и веселость. Въ домѣ Лобанова, отличавшагося художественными наклонностями, Котляревскій былъ своимъ человѣкомъ и душею устраивавшихся часто домашнихъ спектаклей. По порученію князя, Котляревскій принималъ участіе въ формированіи малороссійскихъ „козачьихъ полковъ“ въ эпоху отечественной войны. Первое письмо и относится къ одному изъ эпизодовъ этой импровизированной мобилизаціи; второе—офиціальное „отношеніе“.

I.

Черниговъ, 4 сентября, 1812 г.

Кто лучше васъ знаетъ основаніе, на коемъ формируются козачьи полки, слѣдственно и сами вѣдать можете, что нѣтъ у меня власти *не бывшаго* ни въ милиціонной службѣ принимать въ офицерское званіе, а вы, не объясняя то об-

стоятельство наилучшему моему пріятелю, уложили въ повозку вручителя сего, какъ будто на то, чтобъ мѣсто одного недовольнаго сдѣлать двухъ, а самому, какъ за пустое дѣло, добиться *гонки;* далъ-бы доброй, естлибъ досугъ былъ и не усталъ отъ практики, въ коей содержутъ меня и безъ васъ. Прощайте, не дурите впредь и будьте всегда благополучны. *Князь Лобановъ-Ростовскій.*

На оборотѣ письма, рукою князя написано: „Похвальный листъ".

II.

Господину капитану и кавалеру Котляревскому.

Отправляясь до мѣста Высочайшаго Его Императорскаго Величества пребыванія, имѣете вы, по прибытіи въ Дрезденъ, взять отъ толь подлежащее пути вашему направленіе и потомъ, явясь къ его сіятельству графу Алексѣю Александровичу Аракчееву, съ пріобщаемымъ къ нему пакетомъ, донесть, что ожидать будете приказаній его особы о порученномъ вамъ на Высочайшее имя донесеніи; когда-жъ послѣдуетъ отправленіе, надлежитъ вамъ предпринять немедленно обратный путь.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ *князь Лобановъ-Ростовскій.*

Полтава, 1 мая 1813 г.

Письмо князя Н. П. Репнина, смѣнившаго Лобанова и еще болѣе расположеннаго къ Котляревскому, касается дѣла, которому поэтъ посвятилъ свои лучшія силы,—театра. Большой любитель сцены и самъ хорошій комическій актеръ, Котляревскій былъ директоромъ и режиссеромъ труппы, приглашенной княземъ Репнинымъ въ Полтаву и ранѣе сформированной антрепренеромъ Штейномъ. На сценѣ „полтавскаго вольнаго театра" впервые въ 1819 году шла „Наталка-Полтавка". Приходится опять сѣтовать на наше центральное книгохранилище. Въ публичной библіотекѣ не оказалось афишъ вольнаго полтавскаго театра и надо отказаться отъ заманчивой мысли возстановить первую афишу „Наталки". Можетъ быть такихъ афишъ въ „вольномъ театрѣ" не было вовсе? Пьеса дана была безъ цензуры, по личному разрѣшенію кн. Репнина. Извѣстно, что въ ней игралъ Щепкинъ, который, чрезъ нѣсколько лѣтъ, хотѣлъ поставить ее въ Харьковѣ, въ свой бенефисъ. Въ своей „Украинской Старинѣ" г. Данилевскій передаетъ интересный разсказъ харьковскихъ старожиловъ о томъ, какъ устроился этотъ спектакль: „Квитка сказалъ Щепкину: назначьте какую нибудь старинную пьесу и, передъ самымъ днемъ бенефиса, сошлитесь на нездоровье какого нибудь актера и просите офиціально дать, за поспѣшностью,

„Наталку-Полтавку“, пьесу уже разрѣшенную для Полтавы. Такъ дана была пьеса“... Обычная исторія малорусскихъ спектаклей, повторяющаяся и до нашихъ дней!..

Письмо касается внутреннихъ неурядицъ, царившихъ въ труппѣ, и имѣетъ очевидною цѣлью поддержать за кулисами авторитетъ Котляревскаго.

III.

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Попеченіе, которое вы имѣли о здѣшнемъ театрѣ, пріобрѣло ему одобренье публики и необходимо нужно для его благоустройства, почему я прошу васъ покорнѣйше продолжать оное и на будущее время, объявляя при томъ именемъ моимъ актерамъ и актрисамъ, что они обязаны совершеннымъ повиновеніемъ и что, въ случаѣ какого-либо противу сего проступка, строго за сіе съ нихъ взыщется, ибо я нисколько не подорожу талантомъ, какимъ-бы то ни было, ежели не соединяется съ нимъ благонравіе и доброе поведеніе.

Примите при семъ случаѣ увѣреніе всегдашней и искренней моей дружбы.

Кн. Репнинъ.

Полтава, 25 мая 1820 г.

Провинціальные театры рѣдко находятъ историковъ. Нѣсколько свѣдѣній о театрѣ Штейна, этой колыбели малорусской драматургіи, находимъ въ „Запискахъ М. С. Щепкина“ и въ статьѣ Квитки „Исторія театра въ Харьковѣ“ [1]). Замѣчательная труппа Штейна появилась въ Харьковѣ около 1814—15 годовъ. Онъ поднялъ театръ въ Харьковѣ и построилъ театральное зданіе въ 1816 г. Около 1816 года въ этой труппѣ появился Щепкинъ, пріѣхавшій изъ Курска. „Мы всѣ, говоритъ Квитка, не видѣвшіе дальше провинціальныхъ театровъ, въ Щепкинѣ начали понимать, что есть и каковъ долженъ быть актеръ“.

Труппу Штейна взялъ къ себѣ въ Полтаву подъ свое покровительство князь Репнинъ. Тогда въ Полтавѣ узнали Щепкина. Доходы въ Полтавѣ, съ добавляемой суммой собственно отъ князя Репнина, не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ по театру. Какъ ни желалъ князь имѣть постоянно труппу при себѣ, но не было возможности. На полную труппу съ балетомъ требовались

---

[1]) «Литературная газета», 1841 г., № 15.

десятки тысячъ. Поэтому, на крещенскую и успенскую ярмарки, труппа переѣзжала въ Харьковъ. Щепкинъ, новый репертуаръ изъ комедій и оперъ, порядокъ, устройство—все привлекало публику; за ярмарку зарабатывали тысячъ 15. Штейнъ взялъ потомъ опять всю труппу на свое содержаніе. Въ Харьковъ пріѣзжалъ онъ къ успенской ярмаркѣ и потомъ, если публика поддерживала его абонировкою, оставался до поста. Онъ тратилъ все на улучшеніе и оставилъ послѣ смерти долги.

М. С. Щепкинъ, въ своихъ неоконченныхъ „Запискахъ", сообщаетъ немного о пребываніи своемъ въ Полтавѣ и у Штейна. Съ обычною скромностью, говоря вскользь о себѣ, въ воспоминаніяхъ о томъ времени, онъ останавливается съ любовью на одномъ изъ своихъ товарищей по сценѣ, актерѣ Угаровѣ, оставившемъ по себѣ память самобытнаго и оригинальнаго таланта. „Угаровъ, пишетъ Щепкинъ, былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу. Естественность, веселость, живость, при увлекательныхъ средствахъ, поражали васъ и къ сожалѣнію все это было направлено Богъ знаетъ какъ, все игралось на авось. Но если случайно ему удавалось попадать вѣрно на какой-нибудь характеръ, то выше этого, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ничего себѣ создать не можетъ. Къ несчастью это было весьма рѣдко, потому что мышленіе было для него дѣломъ постороннимъ; но за всѣмъ тѣмъ онъ увлекалъ публику своей жизнью и веселостью. Какъ въ человѣкѣ, въ немъ все было перемѣшано; въ какомъ-то странномъ безпорядкѣ стояли рядомъ: добродушіе и плутоватость, театръ и карты, охота покутить. Все это было смѣшано до такой степени, что не знаешь, бывало, чему онъ отдавалъ преимущество. Несмотря на всѣ его недостатки, я любилъ его какъ человѣка и уважалъ какъ талантъ".

Изъ этого портрета видно, что Угаровъ былъ представителемъ типа, извѣстнаго въ мірѣ кулисъ подъ именемъ „мочаловскаго",— типа актера, играющаго по вдохновенію, безъ школы, одними нервами, подъ вліяніемъ настроенія. Такіе актеры могутъ подыматься необычайно высоко и спускаться ниже самой горькой посредственности. Въ знаменитыхъ статьяхъ о Мочаловѣ, этотъ артистическій типъ блистательно изслѣдованъ Бѣлинскимъ. Талантъ такихъ людей съ болью укладывается въ рамки извѣстной дѣятельности и ихъ

кипучій нравъ отличается нерѣдко неуживчивостью и безпорядочностью. Возможно, что цитированное выше письмо Репнина, съ его рѣзкимъ концомъ, относилось къ Угарову, такъ какъ онъ только съ Щепкинымъ были двумя признанными „талантами“ труппы.

Слѣдующія письма переносятъ насъ въ міръ литературныхъ отношеній автора „Энеиды“. Первое изъ нихъ касается переговоровъ о полномъ изданіи этого произведенія, переговоровъ, не приведшихъ ни къ чему, такъ какъ вполнѣ „Энеида“ издана впервые только въ 1842 году, три года спустя послѣ смерти автора. Корреспондентъ Котляревскаго, нѣкій Н. Мельгуновъ, получилъ отъ него, какъ видно, порученіе найдти издателя его труду и письмо свое начинаетъ оправданіями...

IV.

Москва, 1820 г., іюня 12

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Не знаю, какъ выразить вамъ все замѣшательство, которое я теперь ощущаю; не знаю, какъ оправдать себя въ столь продолжительномъ молчаніи. Скоро совершится годъ, какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ удовольствіе быть у васъ въ Полтавѣ и получить лестный для меня подарокъ вашъ — экземпляръ «Энеиды». Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ освѣдомлялся и справлялся у здѣшнихъ книгопродавцевъ, не пожелаютъ-ли купить «Энеиду» вашу, съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ пѣсней и какую назначатъ за нее цѣну. Но многіе отъ нее вовсе отказывались, говоря, что сія книга мало найдетъ себѣ охотниковъ въ Россіи и что не иначе какъ въ Малороссіи слѣдовало-бы издать ее; другіе давали 800 и 1000 рублей. Изъ числа послѣднихъ Ширяевъ и г. Полевой, издатель «Московскаго Телеграфа», брался напечатать ее на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы ему, по выручкѣ, возвращенъ былъ употребленный на то капиталъ съ законными процентами. Многіе брали ее на коммисію, но ни одинъ рѣшительно не согласился дать и половинной цѣны той, какую вы назначили. Увѣряю васъ, что я съ своей стороны прилагалъ всевозможное стараніе къ выгодной для васъ сдѣлкѣ, но все осталось тщетнымъ. Теперь остался одинъ способъ: отнестись къ петербургскимъ книгопродавцамъ съ симъ предложеніемъ; хотя и сей способъ не очень вѣренъ, ибо Слепинъ печатаетъ однѣ *новыя* книги, Смирдинъ взялъ на себя огромныя предпріятія, которыя едва ли рѣшится умножать новыми. Не попытать-ли харьковскихъ книгопродавцевъ? Новое изданіе вашей «Энеиды» ожидаютъ съ жадностью въ Малороссіи; тому я имѣю многія доказательства» ...

V.

Письмо Д. Бантышъ-Каменскаго.

Москва, 1829 г., октября 29.

Милостивый государь Ив. Петровичъ!

Давно слѣдовало-бы мнѣ принести вамъ чувствительную благодарность за сообщенныя любопытныя свѣдѣнія, но разныя досады и хлопоты невольно воспрепятствовали исполнить долгъ сей. Простите великодушно и вѣрьте, что я всегда и вездѣ сохраню къ вамъ одинакія чувства душевнаго уваженія, коими преисполненъ. Удивляюсь, какимъ образомъ вы не получали отъ меня въ Полтавѣ экземпляра «Малороссійской Исторіи»? Въ семъ случаѣ я кругомъ виноватъ передъ вами. У князя Никол. Григор. должны храниться нѣсколько экземпляровъ сей Исторіи. Потрудитесь взять себѣ, сколько пожелаете. Если-же означенные экземпляры (о которыхъ я съ моего отъѣзда не имѣю никакого понятія) расхищены, въ такомъ случаѣ пріятнѣйшею обязанностью, по полученіи увѣдомленія, поставлю исполнить лестное требованье ваше. Первыя двѣ части новаго изданія уже печатаются; третью и послѣднюю кончилъ, но не отдавалъ въ цензуру. Нужны мнѣ койкакія справки. Одолжите сообщеніемъ сихъ свѣдѣній. Совѣстно мнѣ, что я еще безпокою васъ; но увѣренъ, зная доброе сердце ваше, что вы не будете досадовать на имѣющаго честь и проч. *Д. Бантышъ-Каменскаго.*

Слѣдуетъ рядъ вопросовъ о произношеніи малороссійскихъ словъ, о свадебныхъ обычаяхъ и т. д. Въ статьѣ „Основы" перепечатана изъ бумагъ Котляревскаго „Замѣтка о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ", составляющая обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы, заданные Бантышъ-Каменскимъ.

Авторъ послѣдняго письма Орестъ Сомовъ довольно ревностно самъ подвизался въ сочинительствѣ. Подъ именемъ Порфирія Байскаго, онъ напечаталъ въ 30-хъ годахъ массу забытыхъ нынѣ, повѣстей („Юродивый", „Гайдамака", „Оборотень", „Сватовство", „Ночлегъ Гайдамаковъ", „Живой въ обители блаженства вѣчнаго", „Кіевскія Вѣдьмы" и пр. и пр.) Онъ издавалъ также книги для юношества (въ родѣ „Друга молодыхъ дѣвицъ или новыя повѣсти, служащія къ образованію склонностей ума и сердца" Спб., 1831 г.), учебники и т. п. Его письмо—типичная литературная болтовня того времени, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя, при всей своей пустотѣ, будятъ умъ погрязшаго въ провинціальной глуши литератора, говоря ему о происходящемъ гдѣ-то, сравнительно большемъ, умственномъ движеніи. Изъ него видно также, какъ интересовался Котляревскій литературными новостями.

VI.

Спб., 1830 г., мая 26.

Письмо ваше отъ 19-го апрѣля получилъ я назадъ тому дней десять: бо николи було до почты чволати, а при листі була пьятидесятная гнацыя, то треба було самому взяти и листъ и гроши. Тотчасъ по полученіи денегъ пустился я къ нашимъ лучшимъ книжникамъ и фарисеямъ, Смирдину и Сленину, чтобы узнать о выходѣ требуемыхъ вами книгъ. Вотъ вамъ полный отчетъ о моихъ поискахъ: «Монастырки» 2-й части отпечатано 13 листовъ; затѣмъ Погорѣльскій уѣхалъ и не оставилъ *оригинала* (по терминологіи наборщиковъ) и до сихъ поръ еще не шлетъ оставшагося. Посему я рѣшился взять покамѣсть одну первую часть съ тѣмъ, чтобы доставить вамъ вторую, лишь только она здѣсь появится. О романѣ «Что такое хорошій тонъ?» мнѣ сказали также, что онъ допечатывается слишкомъ медленно, по буквѣ въ день, ибо и донынѣ еще не вышелъ. Между тѣмъ переводчикъ (Мосальскій) женился, вѣроятно для поддержанія хорошаго тона, и выдалъ замужъ сестру, вѣроятно для того, чтобы ей не было завидно. Де-Шаплетъ также, говорятъ, допечатываетъ свой переводъ «Карла Великаго»; но видно также допечатываетъ не такъ смѣло, какъ герой его воевалъ, ибо до сихъ поръ еще не появилась ни одна часть его перевода. Слухъ идетъ впрочемъ, что онъ выдастъ всѣ пять частей вмѣстѣ, но я усталъ ждать и для того спѣшу вамъ доставить покамѣсть одну «Монастырку», тѣмъ болѣе, что давно имѣлъ неотразимое желаніе писать къ вамъ. При «Монастыркѣ» прилагаю маленькую книжонку для дѣтей, три повѣсти, мною написанныя, а изданныя Слениным и украшенныя безтолковымъ лицевымъ титуломъ и заглавною виньеткой; это обыкновенныя слѣдствія книгопродавческихъ изданій. Наши книжники всегда умѣютъ перемудрить, когда сами примутся за дѣло, не спросясь у автора..

Вотъ вамъ кое-что изъ литературно-свѣтскихъ здѣшнихъ новостей: Булгаринъ уѣхалъ въ Дерптъ, въ свою деревню писать «Петра Ив. Выжигина» и хочетъ посадить своего героя въ книжной лавкѣ, гдѣ онъ будетъ судить о литературѣ и о большомъ свѣтѣ. Нѣкто Струйскій, являющійся въ стихахъ и прозѣ подъ именемъ Трилуннаго, пишетъ также романъ «Дмитрій Самозванецъ». Въ Москвѣ готовится еще нѣсколько романовъ и тамъ-же А. Пушкинъ женится на 17-тилѣтней красавицѣ Гончаровой. Здѣсь еще печатается очень любопытный романъ Морьера «Хаджи-Баба въ Лондонѣ», переведенный съ англійскаго оріенталистомъ Сенковскимъ...

Едва-ли есть надобность печатать многочисленныя письма сестры Котляревскаго, Анны и зятя его Сем. Троф. Скоробогача, бывшаго, какъ видно изъ переписки, управляющимъ огромнаго имѣнія Лопухиныхъ м. Злотополя. Это—обращенія къ „братцу и благодѣтелю“, съ вѣчными просьбами о займѣ денегъ, клятвами объ отдачѣ, мольбами къ небу о здоровьи и проч. Какъ видно, письма достигали цѣли у добраго Ивана Петровича, такъ какъ заключаютъ не мало изъявленій благодарности. Скоробогачъ былъ „обремененъ семьей“:

у него было восемь дѣтей, въ воспитаніи которыхъ Котляревскій принималъ нѣкоторое участіе. Въ одномъ изъ писемъ Скоробогачъ говоритъ между прочимъ: „съ Володей хотѣлъ было поступить жестоко, совершенно противно условіямъ почтеннаго письма вашего. Но вы меня вразумили, и я дѣйствительно согласенъ, что совѣсть, буде оная господствуетъ въ человѣкѣ, скорѣй можетъ исправить не застарѣлые пороки, нежели страхъ опрометчивой власти"... Сестра посылаетъ лошадей за дѣтьми къ празднику и спрашиваетъ совѣта въ письмѣ: „кому подарить дюжину салфетокъ хорошихъ, при семъ посылаемыхъ: Павлу Степановичу или новому начальнику дѣтей, г. Шелкановцеву?" Подарокъ достался, кажется, вновь взошедшему свѣтилу... Эти и подобныя черты времени слишкомъ извѣстны, чтобъ умножать передачею ихъ наши выписки.

Литературную извѣстность при жизни доставили Котляревскому первыя части „Энеиды" и „Наталка". Это дѣйствительно лучшее, что онъ произвелъ. Двѣ послѣднія части „перелицованной поэмы" блѣдны и слабы, „Москаль", при всей своей веселости, не болѣе какъ грубоватый фарсъ. Но вѣчно юная „Наталка" упрочитъ за отцомъ новой малорусской литературы незыблемую славу. Помимо достоинствъ типичной картины нравовъ, живой и трогательной, она имѣла сильное вліяніе на изученіе украинской народности и, вмѣстѣ съ „Думами" кн. Цертелева, явилась первымъ сборникомъ народныхъ пѣсень. Послѣднее изданіе сочиненій Котляревскаго (Кіевъ, 1875 г.) убійственно по своей фантастической орѳографіи и наиболѣе тщательнымъ остается до сихъ поръ маленькое изданіе Кулиша, исчезнувшее изъ продажи. Біографическій очеркъ, приложенный къ кіевскому изданію, составленный г. Катрановымъ, не исчерпываетъ и десятой доли извѣстныхъ печатно свѣдѣній о жизни полтавскаго поэта. Этотъ очеркъ на первой-же страницѣ украшенъ едва вѣроятнымъ курьезомъ. Разсказывая объ извѣстномъ „домикѣ Котляревскаго", біографъ замѣчаетъ: „домикъ Ив. Петр., далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки и теперь еще существуетъ. Его показываютъ *какъ библіографическую рѣдкость!*" Увы! Этотъ восхительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, и на мѣстѣ его стоитъ полпивная уродливой новой постройки. Кому понадобился этотъ актъ вандализма и не грѣхъ-ли было полтавскому городскому управленію допустить сломку почтенной, старой, мирной „библіографической рѣдкости".

В. Горленко

Библіографія.

Исторія русской церкви Макарія митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII, Спб., 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора).

На XII томѣ пересѣкся великій трудъ Карамзина: «*Исторія государства россійскаго*»; XII томомъ заканчивается нынѣ и другой, не менѣе монументальный и долговѣчный трудъ— «*Исторія русской церкви*» Макарія митроп. московскаго. Оба названные томы изданы послѣ смерти ихъ авторовъ, оба обрываются на XVII столѣтіи, хотя митроп. Макарій ушелъ немного дальше своего предшественника: Карамзинъ не докончилъ XII тома; митроп. Макарій написалъ начало и XIII тома; Карамзинъ остановился на 1612 г., митроп. Макарій дошелъ до 1667 г. Есть сходство и въ манерѣ изложенія. Преосв. Макарій давно уже оставилъ свою искусственную систематическую архитектонику, по которой располагалъ первые главы своей исторіи, и обратился къ простому, ясному, основанному на внимательномъ изученіи источниковъ, обстоятельному разсказу, какой мы находимъ и въ послѣднихъ томахъ Карамзина.

Послѣдній томъ исторіи митроп. Макарія обнимаетъ собою событія съ 1652 по 1667 г., слѣдовательно всего 12 лѣтъ. Центральнымъ лицемъ этого тома служитъ патріархъ Никонъ. Къ удивленію и отчасти къ стыду русскихъ историковъ, предшественникомъ своимъ въ изученіи патр. Никона высокопреосв. авторъ имѣлъ не кого-либо изъ русскихъ ученыхъ, а англичанина Пальмера. «Никто столько не потрудился надъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи патр. Никона, (говоритъ митроп. Макарій XII, 10—11, въ подстр. прим.), сколько потрудился извѣстный англійскій ученый Пальмеръ. Онъ посвятилъ этому дѣлу десятки лѣтъ, и все, собранное имъ о Никонѣ на русскомъ и другихъ языкахъ, перевелъ на англійскій и напечаталъ вмѣстѣ съ своими оригинальными со-

ображеніями о значеніи дѣятельности Никона и о послѣдствіяхъ его низложенія въ шести большихъ томахъ подъ заглавіемъ: «The Patriarch and the Tsar. By William Palmer. London». 1871—1876 г.

Какъ не интересны жизнь и дѣятельность патр. Никона, но спеціальныя задачи *«Кіевской Старины»* заставляютъ насъ оставить Никона въ сторонѣ и обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ сравнительно немногихъ страницъ изъ XII тома *Исторіи* митр. Макарія, гдѣ идетъ рѣчь о судьбахъ южнорусской церкви (стр. 11—111 и 535—591).

Въ указанныхъ страницахъ изображается состояніе южно-русской церкви въ то смутное и переходное время, когда Малороссія, подъ водительствомъ Богдана Хмельницкаго и его преемниковъ по гетманству, отъ Польши отстала, а къ Москвѣ рѣшительно и безповоротно еще не пристала. *Шатость и колебаніе* въ мысляхъ и поступкахъ служатъ характерною чертою этого переходнаго времени; *шатость и колебаніе* не только между мірянами, но и между лицами духовнаго чина. Хмельницкій объявлялъ себя борцомъ *за святую* православную *вѣру;* подъ его знамена стекались православные русскіе люди также воевать *за вѣру; благочестивое,* т. е. православное духовенство, благословляло своихъ насомыхъ *на защиту вѣры*; подъ державу московскаго государя Хмельницкій въ концѣ концовъ преклонился главнымъ образомъ по причинѣ *единовѣрія.* Естественно, по видимому, было-бы ожидать, что малороссійское духовенство съ радостію будетъ привѣтствовать рѣшимость гетмана присоединиться къ православной единовѣрной державѣ и если само не приметъ на себя почииъ этого присоединенія, то по крайней мѣрѣ съ полнымъ сочувствіемъ отнесется къ совершившемуся факту. На дѣлѣ было не то. Митроп. Сильвестръ Коссовъ правда привѣтствовалъ витіеватою рѣчью пословъ московскаго государя, явившихся въ Кіевъ принять этотъ городъ подъ царскую руку, но въ то-же время послалъ заявить въ гродскомъ луцкомъ судѣ слѣдующую протестацію: *«Москва, завладѣвъ Кіевомъ, принуждаетъ отца митрополита, архимандрита й все духовенство къ противузаконнымъ поступкамъ, чтобъ, оставивъ короля, его милость, не считали его государемъ, а поддались-бы и присягнули московскому государю. Но все духовенство не желаетъ этого сдѣлать, а желаетъ имѣть государемъ короля, и какъ прежде духовные никогда не были бунтовщиками, такъ и теперь не будутъ, о чемъ по всѣмъ городскимъ судамъ они дѣлаютъ заявленія.* Дальнѣйшія отношенія митроп. Сильвестра Коссова къ московскому правительству исполнены недоразумѣній и пререканій, а послѣдующіе митрополиты Діонисій Балабанъ (избранъ 6 дек. 1657 г., поставленъ 23 февр. 1658 г., скончался 10 мая 1663 г.) и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій совсѣмъ не жили въ

Кіевѣ, гдѣ стоялъ московскій гарнизонъ, а пребывали во владѣніяхъ польскаго короля, подъ его державою и въ его подданствѣ.

Ярый руссопетъ не задумался-бы обвинить тогдашнихъ кіевскихъ митрополитовъ въ двоедушіи, фарисействѣ, измѣнѣ и предательствѣ.

Митроп. Макарій, какъ опытный историкъ, привыкшій взвѣшивать условія мѣста, времени и обстоятельства, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ дѣятельность человѣческая, судитъ спокойнѣе и основательнѣе, и потому мягче и справедливѣе. Вотъ образчикъ его сужденій. Когда московскіе воеводы заявили митрополиту Сильвестру Коссову, что они хотятъ строить крѣпость на мѣстѣ близъ софійскаго собора, то митрополитъ отвѣчалъ, что на томъ мѣстѣ онъ города (крѣпости) ставить не дастъ, и произнесъ: *„если начнете на томъ мѣстѣ ставить городъ, я начну съ вами биться"*. По поводу этихъ словъ митроп. Макарій замѣчаетъ: «московскимъ воеводамъ эти слова могли показаться страшнымъ преступленіемъ, но въ Литвѣ и во всей Малороссіи они вовсе не имѣли такого смысла: тамъ обыкновенно подобнымъ образомъ отстаивались имѣнія даже противъ королевскихъ указовъ не только свѣтскими, но и духовными владѣльцами. Такія сопротивленія королевскимъ грамотамъ и посланцамъ не разъ оказывали сами кіево-печерскіе иноки, а еще прежде и православные владыки» *).

Что касается до основнаго вопроса, чѣмъ объяснить шатость и колебаніе малороссійской іерархіи, которая не крѣпко тянула къ единовѣрной Москвѣ, то въ объясненіе этого находимъ у митроп. Макарія три причины: внѣшнюю, внутреннюю и формально-каноническую.

Первая причина состояла въ томъ, что малороссійскіе іерархи не были увѣрены въ полномъ и окончательномъ торжествѣ Москвы надъ Польшею. «Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ боялся, что если онъ начнетъ сноситься съ московскимъ государемъ и просить его о принятіи Малороссіи въ подданство, а государь на это не согласится, то ему, митрополиту, со всѣмъ его духовенствомъ, съ церквами и монастырями, придется плохо отъ поляковъ въ случаѣ ихъ побѣды надъ козаками. Даже и теперь, когда царь московскій согласился взять Малороссію подъ свою руку, и когда гетманъ и старшины козацкіе уже присягнули ему, даже и теперь Коссовъ съ своимъ духовенствомъ считалъ за лучшее показывать полякамъ видъ, что онъ покоряется Москвѣ противъ воли: бо́льшая часть православныхъ кіевской митрополіи жила внѣ Ма-

*) Крѣпость близъ софійскаго монастыря, не смотря на сопротивленіе митроп. Сильвестра Коссова, была все-таки построена. Остатки крѣпостнаго вала, въ которомъ засыпаны были Ярославы Золотыя врата, раскопаны уже въ послѣдніе годы при планировкѣ Львовской площади. Память о крѣпости уцѣлѣла въ названіяхъ двухъ улицъ *Рейтарской* и *Стрѣлецкой*.

лороссіи, подъ властію Польши, и ихъ участь, и безъ того тяжелая, сдѣлалась бы еще невыносимѣе, въ случаѣ открытія измѣны митрополита; а съ другой стороны нельзя еще было ручаться, что поляки не овладѣютъ вновь Кіевомъ и Малороссіею и не расправятся тогда съ измѣнниками» (стр. 58—59). Дѣйствительно это послѣднее предположеніе со всею очевидностію было высказано митроп. Сильвестромъ Коссовымъ въ его перебранкѣ съ московскими воеводами: *„не ждите начала, ждите конца: увидите сами, что вскорѣ надъ вами будетъ"*. Эта причина имѣла очень большую силу, особенно по отношенію къ западной Украйнѣ, которая, за исключеніемъ Кіева, осталась во власти поляковъ. Москва не успѣла возсоединить съ собой всей Малороссіи. Царь Алексѣй Михайловичъ, долженъ былъ, по его собственнымъ словамъ, *половину святаго хлѣба бросить собакамъ.* Бывали моменты, когда власть Москвы колебалась и въ восточной Украйнѣ, напримѣръ послѣ конотопскаго пораженія.

Была и другая, болѣе общая, важная и глубокая причина *шатости* малороссійскаго духовенства на пути его сближенія съ Москвою. Въ теченіе 400 лѣтъ отдѣльной жизни *двѣ русскія народности* — великороссійская и малороссійская выработались въ два типа, не только различные, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно противуположные. Это различіе достаточно отчетливо изложено въ извѣстной статьѣ Н. И. Костомарова (*Монографіи*, т. 1), и намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь ея выводовъ. Замѣтимъ только, что у малороссовъ на столько-же преобладаетъ начало личности, на сколько у великороссовъ начало общности, а въ религіозномъ отношеніи малороссъ на столько-же склоненъ къ мечтательному піэтизму, на сколько великороссъ къ буквѣ и обрядности. Неудивительно поэтому, что два родные брата—великороссъ и малороссъ, встрѣтившись между собою послѣ долгой разлуки, взглянули другъ на друга враждебно. Это отразилось во всѣхъ частностяхъ жизни, въ томъ числѣ и въ іерархическихъ отношеніяхъ. У преосв. Макарія имѣется на эту тему не мало любопытныхъ фактовъ. Въ Малороссіи іерархи выбирались вольными голосами; въ Москвѣ назначались правительствомъ. Число лицъ, участвовавшихъ въ элекціи, было не очень значительно и повидимому исключительно принадлежало къ духовной и свѣтской аристократіи *); при *элекціи* бывали безпорядки и злоупотре-

*) Актъ избранія Сильвестра Коссова подписали болѣе 20 духовныхъ особъ и до 50 свѣтскихъ. Относительно того, кто долженъ былъ участвовать въ элекціи, повидимому обязательныхъ правилъ не было, а все опредѣлялось удобствомъ и обстоятельствами. Такъ выбираются въ настоящее время въ приходахъ церковные старосты, и мы едвали ошибемся, если въ томъ-же родѣ будемъ представлять себѣ *элекцію* малороссійскихъ архіереевъ.

бленія *); но тѣмъ не менѣе элекція была дорога для малороссіянъ, потому что соотвѣтствовала общему складу ихъ быта. Между тѣмъ малороссіяне не безъ основанія опасались, что Москва уничтожитъ *элекцію* вольными голосами, а будетъ посылать въ Кіевъ своего митрополита, назначаемаго правительствомъ. Одна мысль объ этомъ наполняла ихъ яростію и негодованіемъ. «Если, говорили кіевскіе духовные, по изволенію государя, будетъ у насъ московскій митрополитъ, *а не по нашему избранію*, то пусть государь велитъ скорѣе всѣхъ насъ казнить, нежели мы на это согласимся. Какъ только пріѣдетъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ только за шею и за ноги выволокутъ насъ оттуда; тогда и будетъ московскій митрополитъ въ Кіевѣ... Лучше намъ принять смерть, нежели быть у насъ въ Кіевѣ московскому митрополиту» (стр. 588—589). Только такіе свѣтскіе карьеристы, какъ Брюховецкій, готовы были просить изъ Москвы русскаго святителя, и только такіе духовные карьеристы, какъ нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ (въ архіереяхъ Меѳодій) готовы были принимать архіерейское поставленіе въ Москвѣ. За то малороссійскіе духовные и не хотѣли подчиняться Меѳодію, поставляя на видъ между прочимъ то, что «онъ посвященъ на епископство безъ всякой елекціи (какая бывала въ епархіяхъ кіевской митрополіи) и что онъ только по своему желанію, не имѣя никакихъ заслугъ предъ церковію, выпросилъ себѣ блюстительство» (стр. 575—576).

Но не изъ за потери только дорогаго права *элекціи* безпокоились малороссіяне; еще болѣе опасались они религіозной нетерпимости Москвы въ соединеніи съ упорною преданностію ея буквѣ и обряду. Въ самомъ ходячемъ и вульгарномъ, хотя и невѣрномъ, видѣ это опасеніе формулировалось такъ: *Москва будетъ насъ перекрещивать* (стр. 67 и стр. 589). Въ буквальномъ смыслѣ такое опасеніе было несправедливо, но это было только усиленное выраженіе для обозначенія тѣхъ постоянныхъ пререканій и недоразумѣній, какіе возникали на каждомъ шагу при новомъ сближеніи двухъ давно раззнакомившихся русскихъ народностей. «Люди злонамѣренные», говоритъ митроп. Макарій. «могли съ умысломъ распространять объ этомъ слухи (т. е. о перекрещиваніи) въ народѣ, чтобы возбуждать противъ присяги московскому царю» (стр. 61).

Была наконецъ и третья причина нежеланія Малороссіи стать подъ іерархическую власть Москвы, причина формальная и легальная,

*) Такъ наприм. въ ноябрѣ 1673 года было избрано на кіевскую митрополію сразу двое: Антоній Винницкій и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, и митрополитомъ остался тотъ, кому элекція давала на сіе менѣе права.

—это вѣковая, со времень Владиміра св., зависимость ея отъ константинопольскаго патріарха. На нее съ особенною силою указывалъ въ своей челобитной царю Алексѣю Михайловичу посланный отъ митроп. Сильвестра Коссова печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, утверждая, что она «служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей». Какъ порвать эту зависимость безъ согласія самаго патріарха? Кто припомнитъ недавнюю исторію греко-болгарскаго церковнаго вопроса, тотъ пойметъ, какія настойчивыя усилія требовались для того, чтобы освободиться изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха, который не прочь былъ хотя изрѣдка употребить духовную власть противъ ослушниковъ своей каѳедры, какъ показываетъ примѣръ Меѳодія (Филимоновича), мѣстоблюстителя кіевской митрополіи, котораго онъ предалъ проклятію *). Съ другой стороны зависимость отъ него южно-русской церкви, говоритъ митроп. Макарій, была только номинальною и давала полный просторъ кіевскому митрополиту жить и править своею церковію по своей волѣ, независимо ни отъ кого и безъ всякаго контроля (стр. 80). И въ самой Москвѣ хорошо знали, что по канонамъ церкви одинъ патріархъ не можетъ взять себѣ митрополіи, принадлежащей другому патріарху, безъ его на то согласія (стр. 83). Но для того, чтобы получить согласіе цареградскаго патріарха, нужно было время; еще болѣе времени нужно было для того, чтобы покончить тягостную войну съ Польшею; и еще болѣе времени для того, чтобы пріучить малороссовъ къ мысли о іерархическомъ подчиненіи Москвѣ. Для того, чтобы наполнить это переходное время, московская церковная политика создала учрежденіе *мѣстоблюстительства кіевской митрополіи*, каковую должность занимали епископы Лазарь Барановичъ и Меѳодій Филимоновичъ.

Указаніемъ этой основной мысли изслѣдованій митроп. Макарія о положеніи южно-русской церкви въ началѣ второй половины XVII ст. мы и ограничимся въ нашей замѣткѣ о его обширномъ посмертномъ изданіи, предоставляя любопытныя и драгоцѣнныя подробности онаго вниманію самихъ читателей.

Т—скій.

---

*) Читая XII-й томъ *исторіи* митроп. Макарія, поражаешься обиліемъ проклятій, раздаваемыхъ направо и налѣво. Архимандритъ Ѳеодосій Василевичъ проклинаетъ жителей Могилева, преданныхъ Москвѣ (стр. 101); царь Алексѣй Михайловичъ выражаетъ желаніе, чтобы патр. Никонъ предалъ проклятію архим. Василевича и шляхтича Поклонскаго (ibid.) Митроп. Діонисій Балабанъ грозитъ *неблагословеніемъ* полтавскому полковнику Пушкарю (стр. 547). Патр. Никонъ проклинаетъ крутицкаго митроп. Питирима между прочимъ за то, что онъ поставилъ Меѳодія епископомъ въ чужую церковную область (стр. 570); патріархъ цареградскій анаѳематствуетъ Меѳодія (стр. 57.. и т. д.

В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.

Родственная намъ, миньятурная, сравнительно съ колоссомъ россійскимъ, Галиція гораздо богаче насъ изслѣдованіями отдѣльныхъ мѣстностей и городовъ, у насъ-же только въ послѣднее время начали появляться изрѣдка книги такого рода. Не удивительно, что всѣ онѣ встрѣчаются публикой, особенно мѣстной, сочувственно и ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ. Также точно встрѣчена была полтавскимъ обществомъ и книга г. Бучневича. Къ сожалѣнію, оно обмануло́сь въ своихъ ожиданіяхъ отъ этой книги.

Въ своей книгѣ г. Бучневичъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о Полтавѣ (7—34), о великой сѣверной войнѣ и въ частности о полтавской битвѣ (34—147), о полтавскихъ генералъ-губернаторахъ, гражданскихъ губернаторахъ и епархіальныхъ архіереяхъ, со времени открытія полтавской губерніи (147—157), о достопримѣчательностяхъ Полтавы, а именно: первомъ памятникѣ въ воспоминаніе битвы 1709 г., памятникѣ, воздвигнутомъ въ столѣтній юбилей ея, памятникѣ на мѣстѣ отдыха Петра I, спасской церкви, крестовоздвиженскомъ монастырѣ шведской могилѣ, николаевской, рождество-богородичной, воскресенской, соборно-успенской и срѣтенской церквахъ, о домикѣ Котляревскаго и бывшей въ Полтавѣ славянской семинаріи (152—196), о селахъ: Жуки, Горбаневка и Пушкаревка, о мѣстечкѣ Диканькѣ (196—212) и объ учебныхъ заведеніяхъ г. Полтавы (212—222); текстъ книги заключается «біографическимъ указателемъ уроженцевъ г. Полтавы, извѣстныхъ своею служебною и литературною дѣятельностію» (222—227), а въ концѣ книги приложены примѣчанія (I—XLIX).

Да не подумаетъ кто-нибудь, что это изслѣдованіе самостоятельное, или что въ книгѣ есть какія-либо новыя свѣдѣнія. Самъ авторъ въ предисловіи къ ней говоритъ, что единственною цѣлію его труда было собрать въ одно цѣлое всѣ замѣтки и цѣлыя описанія историческихъ памятниковъ и частей города. Дурнаго въ этомъ намѣреніи ничего мы не видимъ: о полтавской губерніи есть нѣсколько весьма обширныхъ и серьезныхъ изслѣдованій, каковы: Бодянскаго — «Памятная книжка полтавской губерніи», Арандаренко — «Записки о полтавской губерніи», Богдановича, Терещенко и друг. Въ нихъ и о самой Полтавѣ говорится весьма обстоятельно, и какъ названныя книги въ настоящее время довольно рѣдки, притомъ касаются всей губерніи, то дѣйствительно желаніе, хотя бы на основаніи только ихъ, составить исторію г. Полтавы, имѣетъ свой резонъ. Но г. Бучневичъ, заручившись этими книгами, а

сверхъ того—исторіей Устрялова, Бантышъ-Каменскимъ и другими, не принялъ на себя трудъ состряпать хотя-бы какую-нибудь компиляцію, а просто выписываетъ буквально изъ указанныхъ книгъ подходящія мѣста, не указывая даже, что откуда заимствовано, какъ это дѣлается въ хрестоматіяхъ. Г. Бучневичъ списанное рискуетъ выдавать за свое собственное и, перечисляя изслѣдованія, на основаніи которыхъ будто-бы составлены его «Записки», скрываетъ именно тѣ книги, изъ которыхъ дѣлаетъ прямыя заимствованія, какъ сочиненія Орандаренко и Бодянскаго. Таковы буквальныя и обширныя выписки изъ названныхъ сочиненій, составляющія всю главу Записокъ о войнѣ со шведами.

Въ основу списыванія у Бучневича положена книга Бодянскаго, въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ Бодянскій разбавляется преимущественно Орандаренкомъ, а за тѣмъ Устряловымъ, Бантышъ-Каменскимъ и друг. Бываетъ даже такъ, что первая половина мысли выписана изъ одной, а другая изъ другой книги. Иногда же Бучневичъ беретъ на себя трудъ перифразировать чужую рѣчь, или дѣлаетъ перестановки въ словахъ и выраженіяхъ. Можно-бы такимъ образомъ всю положительно книгу Бучневича разложить на ея составныя части; но и тѣхъ указаній, какія мы на этотъ счетъ сдѣлаемъ, будетъ достаточно, чтобы подтвердить сказанное нами. Буквально выписаны изъ Бодянскаго слѣд. страницы: 19—20 (см. Бод. 20—21), 30—31 (Бод. 32—33), 41—42 (Бод. 30—31), 70—93, 103 (Бод. 35—46), 107—111 (Бод. 78—83), 147—152 (Бод. 70—75), 152—153 (Бод. 96—97), 153—157 (Бод. 90—101). Изъ числа первыхъ 12 стр. (текстъ книги начинается 7-й стр.) 5 заключаютъ описаніе (процитованное) Полтавы кн. И. М. Долгорукаго, а остальныя взяты главнымъ образомъ у Орандаренко. Стр. 36—41 выписаны буквально изъ исторіи Устрялова (т. II, 57—60). Слѣдующія страницы списаны буквально также изъ Бодянскаго, но въ перемежку съ выписями изъ другихъ авторовъ: 57—59 (см. Бод. 32—34 и дал. отрывками), 158—164 (Бод. 87—94), 164—171 (Бод. 84—86) и такъ далѣе.

Но бѣда въ томъ, что г. Бучневичъ и списать не съумѣлъ толково, обнаруживая и въ этой работѣ совершенное непониманіе и чисто механическое отношеніе къ своему труду. Списываетъ онъ все подъ рядъ, не разбирая, что относится къ дѣлу, а что нѣтъ, почему книга его и представляетъ ужаснѣйшую нескладицу и какой-то венигретъ. Видно, что объ исторіи и географіи авторъ не имѣетъ ровно никакого представленія, и это онъ доказываетъ на каждомъ шагу.

Было-бы утомительно и безполезно перечислять встрѣчающіяся въ огромной массѣ едва не на каждой страницѣ грубые промахи и искаженія историческія, географическія, логическія и даже грамматическія.

Для примѣра довольно указать, что у г. Бучневича полтавская губернія постоянно отождествляется съ Малороссіей и Украйной, Золотая Орда противуполагается Ордѣ Батыевой, великая сѣверная война заканчивается полтавской битвой, царствованіе Сигизмунда III отодвигается къ 50-мъ годамъ XVII ст., кіево-межигорскій монастырь основывается въ началѣ XV в. *греками, пришедшими съ первымъ кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ*, часы на соборной колокольнѣ устраиваются только по *окончаніи постройки* колокольни, городъ Полтава весь въ садахъ и на болотахъ, базары—*ежедневно* по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ и проч. и проч.

О языкѣ книги г. Бучневича нѣкоторое понятіе могутъ дать слѣдующія на удачу выбираемыя мѣста: «въ 1648 г. *воздвигся* Богданъ Хмельницкій» (стр. 19), «избранный народнымъ *волненіемъ*» (20); «приказалъ построить оборонительную линію *отъ* засѣкъ, заваловъ и рвовъ» (37); «приняты были *съ чувствительнымъ оказаніемъ сожальнія* о ихъ несчастіи» (48); «*хотя* предполагаемое нападеніе было отмѣнено, *то* нѣкоторымъ образомъ»... и «*засѣсть открыто въ лѣсу*» (68); «*увѣрялъ своею милостію*», «*содержать* ихъ какъ пищею, такъ присмотромъ и лѣченіемъ» (111); «первоначально *куполу* церкви *служила* (?) деревянная крыша» (174); «колоколъ называли еще субботникомъ, потому что въ него звонили *по субботамъ, а также* въ небольшіе праздники и *къ разнымъ литургіямъ*» (180); «внутренность церкви отличается благолѣпіемъ и *вкусомъ иконостаса*, рѣзной, богато *позлащенной работы*» (182); «*за стекломъ* на холстѣ *написана* икона» (188); «городъ... принимаетъ молитвенное *состояніе духа*» (207); «*остатками* этой обители... уцѣлѣла каменная церковь» (208) и проч. и проч.

Знаки препинанія и правописаніе представляютъ также неисчислимую массу ошибокъ, въ которыхъ трудно отличить ошибки типографскія отъ погрѣшностей автора, какъ напримѣръ: «король согласиться; крепость; двѣ тріод*а*; конарисный; *кив*отъ; авонпостъ; никойкихъ; отразивш*iи* полтавцы; колонада; пастырь; отсюду (вм. отовсюду); Бутуринъ; на четвер*инь*кахъ; *в*акзалъ; лучшія *Ш*ленскія овцы Силезской породы; стольнику Юрьѣ Сапегѣ» и т. д. Такія и другія ошибки дѣлаютъ почти невозможнымъ чтеніе книги.

Книга г. Бучневича довольно объемистая: она заключаетъ въ себѣ 278 стр.; собственно къ Полтавѣ относится около 100 стр., остальныя-же посвящены слѣдующимъ предметамъ: 112 стр. занимаетъ великая сѣверная война, описаніе которой должно было-бы ограничиться одной лишь полтавской битвой, на что потребовалось-бы не 112, а стр. 10,— 15 стр. отдѣлены на описаніе окрестныхъ селъ и наконецъ 49 стр. на

совершенно ненужныя и безполезныя для исторіи Полтавы примѣчанія. Распространяясь объ излишнемъ и ненужномъ, г. Бучневичъ оставилъ безъ вниманія многое, что могло-бы имѣть существенное значеніе въ сочиненіи, спеціально посвященномъ Полтавѣ. Въ добавокъ ко всѣмъ указаннымъ нами недостаткамъ книги г. Бучневича, при ней нѣтъ плана города, рисунковъ памятниковъ, зданій и даже герба.

Иванъ Матченко.

Полтава 25 марта 1883 г.

Географія кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.

Названная книга по предмету своему не подходитъ къ разряду книгъ, разсмотрѣніе которыхъ входитъ въ программу нашего журнала, и мы бы не коснулись ея въ нашемъ библіографическомъ обзорѣ, если-бы съ одной стороны она не была посвящена такой территоріи, которой каждый уголокъ вызываетъ на историческія замѣтки, а съ другой—не были сами убѣждены, что для географіи столь-же важно историческое освѣщеніе, сколько для исторіи географическая основа. По видимому, и самъ авторъ названной книги не иначе смотрѣлъ на свой трудъ, судя по разсѣяннымъ въ ней во множествѣ историческимъ поясненіямъ и замѣткамъ, равно по исчисленнымъ имъ въ предисловіи источникамъ и пособіямъ, которыми онъ руководствовался при составленіи своего труда и въ длинномъ ряду которыхъ стоятъ такія солидныя изданія, какъ Записки юго западнаго отдѣла географическаго общества, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край (юго-западный отдѣлъ) Чубинскаго, Сказаніе о населенныхъ мѣстахъ кіевской губерніи Похилевича, Описаніе Кіева—Закревскаго, Описаніе кіевской губерніи, изд. Фундуклея, и т. под.

Мы вполнѣ понимаемъ трудность работы автора, имѣвшаго предъ собою строго опредѣленную педагогическую задачу—передать ученикамъ начальнаго училища въ сжатомъ видѣ и доступной формѣ свѣдѣнія объ ихъ родинѣ и въ тоже время соблюсти научную точность и возможную полноту изложенія. Но авторъ, какъ мы отчасти уже замѣтили, не ограничился въ своей книгѣ только географическими свѣдѣніями о кіевской губерніи, а пожелалъ присоединить къ нимъ нѣкоторыя историческія и этнографическія поясненія. Такая сложность задачи, а быть можетъ неодинаковый уровень развитія учащихся въ его школѣ привели его

къ тому, что онъ въ изложеніи своего предмета не держался строго ни аналитическаго, ни синтетическаго метода, а примѣнилъ свой особый планъ, мало удовлетворяющій общимъ научнымъ требованіямъ, но быть можетъ представлявшій извѣстныя выгоды въ распредѣленіи обширнаго и разнообразнаго матеріала и ознакомленіи съ нимъ учащихся.

Послѣ краткаго предисловія г. Мукаловъ приступаетъ сразу къ обозрѣнію географическаго положенія Кіева и дѣленія его на части, описываетъ его поверхность и почву и съ особою подробностію достопримѣчательности Кіева, знакомитъ съ особенностями климата и вѣтровъ, трактуетъ о естественныхъ произведеніяхъ Кіева, его населеніи, промышленности, торговлѣ и тутъ-же перечисляетъ кіевскія учебныя заведенія; за симъ онъ довольно обстоятельно говоритъ о болѣе примѣчательныхъ мѣстечкахъ и селахъ, въ различныхъ направленіяхъ отъ Кіева и наконецъ, дѣлаетъ общій обзоръ всего кіевскаго уѣзда въ административномъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Такимъ-же порядкомъ онъ описываетъ всѣ другіе 11 уѣздовъ кіевской губерніи, начиная съ историко-географическаго описанія уѣзднаго города. продолжая такими-же свѣдѣніями о главнѣйшихъ мѣстечкахъ и городахъ и заключая общимъ обзоромъ всего уѣзда. За симъ идетъ общее обозрѣніе губерніи, ея границъ, пространства, народонаселенія, поверхности, почвы, орошенія, климата, растительности, животныхъ и произведеній ископаемыхъ, промышленности добывающей и обработывающей, съ указаніемъ ремесленныхъ производствъ и крестьянскихъ заработковъ, —о торговлѣ, путяхъ сообщенія и учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, въ видѣ приложенія къ своей книгѣ, г. Мукаловъ даетъ этнографическую характеристику кореннаго населенія—малороссовъ, ихъ характера и домашней обстановки, говоритъ о монастыряхъ и пустыняхъ, расположенныхъ на окраинахъ Кіева и прилагаетъ таблицу съ опредѣленіемъ пространства и населенія уѣздовъ кіевской губерніи, а также списокъ мѣстечекъ и селеній кіевской губерніи, въ которыхъ находятся такъ называемыя министерскія школы, существующія независимо отъ школъ церковно-приходскихъ, а иногда и рядомъ съ ними.

Это общее обозрѣніе содержанія разсматриваемой книги показываетъ, что она страдаетъ отчасти безсистемностію, особливо во 2-й ея части, а это неизбѣжно ведетъ иногда автора къ повтореніямъ. Приложенія къ книгѣ, имѣющаго такое разнородное, ничѣмъ не связанное содержаніе, мы совсѣмъ понять не можемъ. Вѣроятно недостатокъ средствъ не позволилъ автору снабдить книгу картою кіевской губерніи и планомъ г. Кіева. Особою заслугою автора мы готовы были бы считать сообщеніе историческихъ свѣдѣній о большей части мѣстностей кіевской

губерніи; но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія весьма часто такъ кратки что не даютъ никакого представленія о судьбахъ и значеніи извѣстнаго города или историческаго памятника, какъ напримѣръ: «Въ старинное время Чигиринъ былъ очень важнымъ пунктомъ въ Малороссіи, вслѣдствіе чего и служилъ главнымъ городомъ», или: «Умань—городъ древній, знаменитый по подвигамъ Гонты и Желѣзняка», и только. Между тѣмъ надлежащее историческое освѣщеніе извѣстнаго географическаго пункта—столь-же важный педагогическій пріемъ при изученіи географіи дѣтьми старшаго возраста, сколько такъ называемая наглядность въ объясненіяхъ съ дѣтьми младшаго возраста. Не будемъ касаться недостатковъ книги въ другихъ отношеніяхъ, но не можемъ не указать на такой недосмотръ, какъ то, что извѣстный сахарный заводъ гр. Бобринскихъ въ м. Смѣлой показанъ принадлежащимъ гр. Браницкимъ и имъже приписывается заводъ въ Русской Полянѣ, принадлежащій, какъ извѣстно, администраціи б. заводовъ Яхненка и Симиренка.

Не смотря однако на указанные недостатки книги, она имѣетъ много хорошихъ качествъ: основной методъ ея подходитъ отчасти къ такъ называемому концентрическому; необходимыя свѣдѣнія собраны весьма тщательно; особенною полнотою отличаются свѣдѣнія статистическія. Языкъ книги въ большей части простъ и понятенъ; цѣна ея весьма умѣренная, всего 50 коп. Во всякомъ случаѣ не можемъ не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этой первой попыткѣ честнаго труженика-педагога на собственныя скудныя средства дать своимъ питомцамъ обстоятельное учебное пособіе по родиновѣдѣнію. Пожелаемъ, что бы эта полезная книга была принята, какъ учебное пособіе, во всѣхъ безъ различія какъ министерскихъ, такъ и церковно-приходскихъ школахъ кіевской губерніи. Главная цѣль нашей замѣтки была—указать на необходимость и пользу примѣненія историческаго пріема въ изученіи столь важнаго въ элементарномъ курсѣ предмета, какъ географія. Рядъ такихъ книгъ, составленныхъ съ большею или меньшею самостоятельностію, по частнымъ, не всякому доступнымъ источникамъ, могъ-бы способствовать не только пополненію географическихъ и статистическихъ свѣдѣній въ каждой данной мѣстности, но внесенію въ нашу историческую науку нерѣдко новыхъ данныхъ, а главное—распространенію хотя самыхъ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній въ средѣ учащихся въ нашихъ элементарныхъ школахъ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ и быть можетъ долго еще не будетъ мѣста отечественной исторіи.

Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.

Такое заглавіе носитъ брошюра, написанная еще въ 1839 году покойнымъ И. И. Срезневскимъ и напечатанная теперь вторымъ изданіемъ харьковскимъ профессоромъ г. Сокальскимъ. Издатель предпослалъ тексту брошюры весьма интересный очеркъ біографіи и литературной и ученой дѣятельности покойнаго автора до 1846 года, т. е. того времени, пока онъ переѣхалъ изъ Харькова въ Петербургъ; въ примѣчаніяхъ къ очерку помѣщены полный списокъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ Срезневскимъ въ Харьковѣ до 1846 года, а также библіографическій указатель сочиненій и статей, посвященныхъ мѣстной исторіи Слободской Украйны. Весь указатель впрочемъ обнимаетъ только 12 названій и свидѣтельствуетъ о значительной скудости исторической литературы по данному предмету; въ виду этого обстоятельства, издатель оказалъ несомнѣнную услугу мѣстной исторіографіи, повторивъ изданіе труда знаменитаго ученаго, сдѣлавшееся въ наше время библіографическою рѣдкостью, и занимающее понынѣ весьма почетное мѣсто среди немногочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ изученію Слободской Украйны.

Сама брошюра И. И. Срезневскаго представляетъ краткій, но весьма отчетливый очеркъ исторіи колонизаціи слободско-украинской области, затѣмъ сообщаетъ важнѣйшія характеристическія черты ея первоначальнаго устройства и исторію постепенныхъ видоизмѣненій этого устройства до того времени, когда, вслѣдствіе указа императрицы Екатерины II, послѣдовавшаго въ началѣ 1765 года, слободскіе полки были преобразованы по образцу общегосударственнаго устройства и составили одну изъ губерній россійской имперіи.

Заселеніе Слободской Украйны произошло только въ половинѣ XVII столѣтія (1640—1654 г.) и развилось весьма быстро. Переселенцы явились сюда изъ польской Украйны, укрываясь за предѣлами польскаго государства отъ тѣхъ религіозныхъ, національныхъ и экономическихъ притѣсненій, которымъ подвергались на родинѣ. Они въ теченіи 14 лѣтъ составили населеніе пустынной до того времени области, достигавшее цыфры 80—100 тысячъ. Русское правительство, предоставивъ въ пользованіе переселенцамъ свободныя земли, возложило на нихъ исключительно обязанность военной службы, необходимой для огражденія границъ отъ татарскихъ набѣговъ, и освободило ихъ отъ всякихъ другихъ государственныхъ повинностей, предоставивъ притомъ пришлому населенію право устроиться и управляться почти совершенно независимо.

Переселенцы сгруппировались въ три козацкіе полка: сумскій, ахтырскій и харьковскій, къ которымъ къ концу столѣтія прибавилось еще два: изюмскій и острогожскій; полки состояли въ управленіи выборныхъ полковниковъ и старшинъ и распадались на сотни, управлявшіяся также выборными сотниками и сотенною старшиною. Въ такомъ положеніи слободскіе полки находились до начала XVIII столѣтія, когда видоизмѣнившіяся историческія условія края, ослабленіе крымскаго ханства и быстрое развитіе на югѣ русской колонизаціи сдѣлали излишними существованіе пограничной козацкой стражи и побудили правительство къ ряду постепенныхъ мѣропріятій, клонившихся къ тому, чтобы прекратить особенное устройство края и подвести его подъ общую норму быта всего государства. Исторія этихъ мѣропріятій разсказана И. И. Срезневскимъ весьма подробно и доведена до указа 1765 года, уравнившаго права и обязанности жителей Слободской Украйны и устройство этой области съ правами и устройствомъ, установленными для всего государства.

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ШКОЛА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ПѢВЧИХЪ, НАЗНАЧАВШИХСЯ КО ДВОРУ.

Какъ извѣстно, Малороссія въ прежнее время служила мѣстомъ, откуда поставлялись въ столицы лучшіе пѣвцы. Пѣвцы и музыканты изъ малороссіянъ служили не только при дворѣ, но и у русскихъ вельможъ; наприм., въ домѣ кн. Меншикова „при спѣвальной музицѣ" состоялъ малороссіянинъ Афанасій Ревуковичъ [1]). Царица Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, во время пребыванія гетмана Данила Апостола въ Москвѣ въ 1728 году, обращалась къ нему съ требованіемъ дать универсалъ посылаемому въ Малороссію служителю Василію Евстратову „для сыску двухъ пѣвчихъ алцѣстъ, которые необходимы къ ея двору". По этому случаю гетманъ, между прочимъ, писалъ царицѣ, что „разными временами посылаючіеся въ Малую Россію для выбиранія пѣвчихъ многіе чинятъ обывателямъ тамошнимъ обиды, и якихъ не надобно, и такихъ, токмо для взятковъ, насильно отымаютъ хлопцовъ". Вслѣдствіе этого Апостолъ обѣщалъ самъ, по возвращеніи въ Малороссію, распорядиться о прінсканіи двухъ пѣвцовъ-алцѣстъ и прислать ихъ ко двору царицы [2]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года, по возвращеніи въ Глуховъ, гетманъ получилъ вторичное требованіе прінскать еще двухъ дискантовъ. Гетманъ

---

[1]) Матеріалы для отечеств. исторія Судіенка, II, 11.

[2]) Тамъ-же, стр. 108.

отвѣчалъ царицѣ: „Имѣючи я въ незабвенной памяти, что въ бытность мою въ Москвѣ соблагоизволили ваше высочество требовать присылки двохъ пѣвчихъ алцѣстъ, которымъ надобно быть при дворѣ вашего высочества, прибывши-же сюда въ Глуховъ, посылалъ отъ себе въ полки рейменту моего малороссійскіе таковыхъ пѣвчихъ искать; а теперь получилъ вторично вашего высочества предложеніе, дабы до музыки спѣванной ко двору вашего высочества двохъ дишкантовъ, а двохъ алтовъ прислать; и я по тому вашего высочества требованію, которіе теперъ могли вынайтись хлопцы зъ тихъ, а именно двохъ дишкантовъ, а двохъ алтовъ отправляю, и хотя еще къ тому оные не обучены, ибо обученнихъ сыскать теперъ весма трудно, понеже тутъ, въ Малой Россіи, спѣванные музики звелися, за бывшимъ здѣшнимъ премѣненіемъ, однакъ, надѣюсь, когда обучатся, то до спѣвання будуть не неугодни. Если-жъ съ временемъ могутъ и способнѣйшіе обискатись для прислуги вашему высочеству, моей милостивѣйшей государинѣ, переслать потщуся“ [1]).

При Аннѣ Іоанновнѣ въ особенности много отправлялось пѣвчихъ изъ Малороссіи въ Петербургъ, какъ къ ея двору, такъ и ко двору царевны Елисаветы Петровны. Эти пѣвчіе набирались по всѣмъ полкамъ Малороссіи и подготовлялись въ Глуховѣ. По крайней мѣрѣ такъ было въ 1736—1738 годахъ.

На содержаніе подготовлявшихся пѣвчихъ въ Глуховѣ употреблено было изъ малороссійскихъ доходовъ въ 1736 г. 50 рублей, 1737 г. 100 руб., въ 1738 г. 250 руб. Изъ указанной суммы давалось каждому обучавшемуся пѣнію по 3 копѣйки на день, также изготовлялась одежда и обувь. Регенту назначалось также содержаніе.

Въ августѣ 1738 года изъ 19 человѣкъ пѣвчихъ, подготовлявшихся въ Глуховѣ, выбраны были 11, которые и отправлены ко двору Анны Іоанновны вмѣстѣ съ регентотъ Өедоромъ Яворскимъ. А 21 сентября того-же года послѣдовалъ царскій указъ, на имя майора лейбъ-гвардіи Шипова, въ которомъ, между прочимъ, пред-

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи, находящійся при харьков. универс. Дѣло о присылкѣ пѣвчихъ изъ Малой Россіи къ дворцовой капеліи въ Москву къ царицѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, 1728 г., № 4199.

писывалось: „изъ оставшихся за отсылкою сюда пѣвчихъ оставить одного регента, которой-бы въ пѣніи четверогласномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ и учредить небольшую школу, въ которую набирать со всей Малой Россіи изъ церковниковыхъ, також изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и протчихъ, и содержать всегда въ той школѣ до двадцати человѣкъ, выбирая, чтобъ самые лутчіе голоса были и велѣть ихъ оному регенту обучать кіевского, також и партеснаго пѣнія, а при томъ, сыскавъ искуссныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и изъ малороссіянъ, велѣть изъ оныхъ-же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно: на скрыпицѣ, на гусляхъ и на бандорѣ, дабы могли на оныхъ интрументахъ съ нотъ играть; и которые пѣнію, також и на струнной музыкѣ обучены будутъ, и съ тѣхъ по вся годы лутчихъ присылать ко двору ея императорскаго величества человѣкъ по десяти, а на тѣ мѣста паки вновь набирать, и пока тѣ учители тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитаніе и платье и обувь сколько потребно по разсужденію его майора Шипова изъ малороссійскихъ доходовъ“.

Подробности относительно устройства школы были развиты канцеляріей министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ, которая изложила ихъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) Для содержанія пѣвчихъ и струнной музыки въ Глуховѣ устроить школу въ особномъ мѣстѣ, на которомъ построить описныхъ маетностей подданными двѣ горницы съ комнаты да пекарню; да изъ оныхъ-же маетностей для варенія въ школѣ е(ѣ)сть взять двухъ бабъ и одного мужика. 2) О пріисканіи угодныхъ къ пѣнію кіевскаго и партесного пѣнія регента, человѣка добраго и въ пѣніи и въ составленіи нотъ искусснаго, и о присылкѣ въ Глуховъ онаго регента, и лучшихъ голосовъ къ тому пѣнію хлопцовъ человѣкъ до двадцати къ архіереямъ кіевскому, переяславскому и къ присутствующимъ въ консисторіи черниговской писать. 3) Какъ отъ оныхъ архіереевъ къ пѣнію и къ ученію хлопцовъ искуссный регентъ и лутчихъ голосовъ хлопцы присланы будутъ и которыхъ хлопцовъ, набравъ, приведетъ посланный въ нѣжинскій и черниговскій полки сотникъ Брежинской, то изъ тѣхъ выбравъ оставить угодныхъ въ Глуховѣ при школѣ, а именно регента одного, хлопцовъ лутчихъ голосовъ семнадцать, да для игранія на струнной музыкѣ пріискать

мастеровъ гуслиста, бандуриста изъ малороссіянъ, которые-бъ довольно играть знали на гусляхъ, на бандурѣ и на скрипицѣ, и чтобъ оные мастера на оныхъ инструментахъ изъ показанныхъ хлопцовъ семь человѣкъ обучали струнной музыкѣ по нотѣ. 4) Для содержанія оныхъ пѣвчихъ, гуслиста и бандуриста, всего двадцати человѣкъ, ассигновать канцеляріи министерскаго правленія изъ наличныхъ денегъ сто рублевъ, и изъ тѣхъ денегъ расходъ держать, записывать особъ учиненную книгу съ росписками, и давать онымъ регенту, хлопцамъ, мастерамъ, гуслисту и бандуристу на одежду и на протчая въ годъ со вступленія ихъ къ показанному обученію, а именно: регенту 50 рублевъ, басисту одному 5 рублевъ, да ему-жъ басисту, такожъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, всего на 17 человѣкъ, на платья, на кафтаны, на штаны сукна каждому по пяти аршинъ, цѣною аршинъ по 80 копѣекъ, ибо хотя малымъ хлопцамъ пяти аршинъ сукна будетъ со излишествомъ, оное излишнее можетъ употреблено быть большимъ, которымъ либо и достать не можетъ; на полукафтаны всякому по 2 рубля, на прикладъ и за работу по два-жъ рубля, да вышепоказаннымъ-же пѣвчимъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, которымъ денежного окладу не написано, шестнадцати человѣкамъ, на сапоги, на рубахи, на порты, на шапки, на рукавицы и на протчая по два рубли; а егда изъ оныхъ хлопцовъ которые будутъ обучаться ревностнѣе, онымъ давать по десяти копѣекъ на мѣсяцъ каждому. Гуслисту да бандуристу, когда они пріисканы будутъ, въ годъ каждому по двадцати рублевъ, да онымъ-же регенту съ хлопцы и гуслисту и бандуристу въ школу въ годъ на свѣчи пять рублевъ, да имъ-же пѣвчимъ, такожъ гуслисту и бандуристу, всѣмъ двадцати человѣкамъ на пропитаніе каждому на день по двѣ копѣйки, да хлѣба на мѣсяцъ каждому муки по полуосмины, крупъ по два гарнца, которой хлѣбъ взять изъ описного Марчихина-будьянскаго (с. Марчихина-Буда) дворца и держать въ росходъ съ росписками, а когда оная школа въ показанныя науки вступитъ, тогда къ смотрѣнію оной и чтобъ ученики не своеволили и не гуляли, опредѣлить изъ глуховского гарнизона ундеръ-офицера, человѣка доброго, которому, какъ, будучи при той школѣ у смотрѣніи, поступать, дать инструкцію.

Управлявшій Малороссіей А. И. Румянцевъ, который находился въ то время въ Переяславѣ, распорядился, чтобы остававшіеся за отсылкою ко двору четыре человѣка пѣвчихъ съ регентомъ были присланы къ нему изъ Глухова. А по явкѣ въ Переяславль, онъ командировалъ ихъ во всѣ малороссійскіе полки съ тѣмъ, чтобы они выбирали хлопцевъ съ лучшими голосами и къ аппробаціи высылали бы къ нему, „а дабы оные пѣвчіе во время того набору либо изо взятковъ какихъ кого изыщутъ лутчихъ не отпускали и не таили и поступали-бъ въ томъ порядочно, для смотрѣнія въ томъ за ними опредѣлить и послать съ ними нарочныхъ и унтеръ-офицеровъ, и въ иные полки, и значковыхъ товарищей по одному, а о неучиненіи пѣвчимъ во взятьи тѣхъ лучшихъ голосовъ хлопцовъ никакого препятствія во всѣ малороссійскіе полки послать указы"... [1]).

Въ силу этихъ распоряженій, забрано было въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ свыше восьмидесяти человѣкъ хлопцевъ. Изъ числа ихъ оказалось годныхъ 33 человѣка, а именно: басиста 2, тенористовъ 5, дышкантистовъ 6, алцистовъ 16, да опредѣлены въ музыканты 4. Выбраннымъ пѣвчимъ отведено было помѣщеніе въ Переяславѣ и на содержаніе давано каждому по алтыну въ день. Деньги отпущены изъ отписныхъ Кантокузинскихъ маетностей; для изготовленія же пищи и для услуги назначено два человѣка да двѣ бабы изъ подданныхъ тѣхъ же маетностей [2]).

Такъ-какъ Румянцевъ находился въ Переяславѣ недолго, то, по всей вѣроятности, школа пѣвчихъ была переведена въ Глуховъ. Впрочемъ дальнѣйшая судьба школы мнѣ неизвѣстна.

Въ заключеніе настоящей замѣтки считаю не лишнимъ привести историческую справку о бандуристахъ. Находящіеся нынѣ въ загонѣ бандура и бандуристы въ прошломъ столѣтіи были въ большомъ почетѣ. Какъ видно изъ приведеннаго выше, искусству играть на бандурѣ были обучаемы нѣкоторые изъ пѣвчихъ, назначавшихся ко двору, и это дѣлалось въ силу именного указа импе-

---

[1]) Предписаніе 11 января 1739 г.

[2]) Дѣло архива малор. коллегіи, находящагося при харьков. университетѣ, объ учрежденіи въ Глуховѣ школы для обученія пѣвчихъ и о наборѣ оныхъ, 1738 г., № 9184.

ратрицы Анны Іоановны. При Елизаветѣ Петровнѣ находился придворный бандуристъ Григорій Михайловичъ (слѣпой), который даже пожалованъ былъ въ дворяне. Къ этому бандуристу хаживали въ гости, въ бытность въ Петербургѣ, именитые наши паны, въ родѣ Маркевичей, и съ нимъ и съ придворными пѣвчими „куликали". Мода держать бандуристовъ распространилась и между петербургскими вельможами. Такъ, по словамъ Я. Маркевича, утекшій отъ него кравчикъ Данилко служилъ въ Петербургѣ въ бандуристахъ при Нестеровѣ. При самомъ Маркевичѣ находился *бандурка*, мальчикъ игравшій на бандурѣ, котораго онъ въ 1723 г. подарилъ кн. Голицыну, а въ 1728 г. встрѣтилъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ у Давыдова, адъютанта кн. Барятинскаго. Въ Малороссіи въ панскихъ домахъ бандура занимала почетное мѣсто въ числѣ прочихъ инструментовъ; ее даже размалевывали [1]).

П. Ефименко.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

24 генваря с. г. въ Черниговѣ скончался соборный протоіерей о. Евфимій Пучковской. Для погребенія его избрано было мѣсто за алтарной стѣной зимняго соборнаго храма во имя св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Когда рабочіе, приступивъ къ рытью могилы, стали копать, отступя на одинъ аршинъ отъ стѣны пристроеннаго къ древнему храму алтаря, то на небольшой глубинѣ встрѣтили каменный сводъ; тогда они отступили еще на два аршина и стали копать могилу въ 3 арш. длины и въ $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Тутъ продольная стѣна могилы, ближайшая къ алтарю, пошла по стѣнѣ кирпичнаго склепа древней кладки [2]); по снятіи мерзлаго верхняго слоя, земля оказалась разрыхленною. Рабочіе продолжали копать и на глубинѣ $2\frac{1}{4}$ аршинъ нашли человѣческій остовъ, а при немъ черепъ и челюсти съ отлично сохранившимися, бѣлыми

[1]) Дневныя записки малорос. подскарбія А. Маркевича, I, 28, 55, 271; II, 161, 169. 180, 191).

[2]) Состоящая изъ рядовъ длинныхъ кирпичей и дикаго камня, связанныхъ очень крѣпкимъ цементомъ.

не испорченными зубами; нѣсколько ниже выкопанъ другой человѣческій остовъ, въ челюстяхъ котораго зубы оказались уже не всѣ и не такъ бѣлы. Открытый позже остовъ лежалъ въ деревянномъ дубовомъ гробѣ; стѣнки послѣдняго, плотно приставшія къ землѣ, по вынутіи ихъ кусками выброшенные изъ могилы, обратились въ прахъ. По положенію обоихъ скелетовъ видно, что погребенныя тѣла обращены были лицами къ востоку. Время было къ вечеру; рытье могилы производилось безъ всякой предосторожности, никто не ждалъ найти въ разрытой могилѣ что нибудь особенное, тѣмъ болѣе, что лѣтъ 20-ть назадъ на этой мѣстности былъ вырытъ довольно большой ровъ подъ фундаментъ для алтаря. Очень можетъ быть, что рабочіе, вынувъ первый черепъ, ногами и заступами смѣшали верхнюю землю съ истлѣвшею крышкою гроба и даже вовсе не замѣтили перваго гроба, болѣе разрушившагося; могли они также растоптать и находившіяся въ гробахъ вещи и смѣшать ихъ съ землею; тѣмъ не менѣе нашлись уцѣлѣвшія и вынутыя изъ земли вещи. Это, во первыхъ, два золотые, круглые медальона; въ верхней части ихъ вмѣсто ушка дугообразная золотая проволока, что придаетъ имъ нѣкоторое сходство съ висячими круглыми замками. Медальоны эти, выпуклые по срединѣ, съужены къ краямъ; внутри ихъ замѣтна пустота, по серединѣ съ обѣихъ сторонъ находятся покрытые эмалью кружки, отороченные рядомъ жемчужинъ; но послѣднія уцѣлѣли лишь на одномъ изъ медальоновъ, въ числѣ 19-ти, на другомъ-же замѣтны только ихъ мѣста; по краямъ медальоновъ рельефныя небольшія украшенія въ византійскомъ стилѣ, на эмалевыхъ кружкахъ въ увеличительное стекло можно замѣтить на одной сторонѣ медальоновъ розетку, нѣсколько похожую на крестъ, и подъ нею круглое очертаніе, а на другой—надъ такимъ-же очертаніемъ украшеніе изъ акантовыхъ листовъ; каждый изъ медальоновъ величиною въ діаметрѣ въ 1 верш., вѣсомъ—одинъ съ уцѣлѣвшими жемчужинами $7\frac{1}{2}$, а другой съ выпавшими жемчужинами около 7 золотниковъ. Судя по выпуклости медальоновъ, они вѣроятно открывались, но въ настоящее время затрудняются ихъ открыть изъ опасенія повредить. Къ сожалѣнію, въ Черниговѣ нѣтъ искуснаго ювелира, а было-бы весьма любопытно знать, нѣтъ-ли внутри медальоновъ какого нибудь изображенія или надписи.

Вмѣстѣ съ медальонами найдены двѣ серебрянныя, сильно окисленныя, цѣпи. Одна изъ нихъ сплетена изъ довольно толстой проволоки и оканчивается прикрѣпленною къ ней змѣиною головою, съ другого-же конца такая-же голова отломана; но обѣ, какъ видно, соединялись кольцомъ; длина этой цѣпи 1 арш. 6 верш. Другая разломанная цѣпь, оканчивающаяся также змѣиною головою, изъ серебряной тонкой проволоки, внутри пустая, снаружи представляетъ мелкую сквозную рѣшетку, похожую на змѣиную чешую; длина ея съ разломанными частями $^1/_2$ аршина, а толщина $^1/_4$ верш. Эта послѣдняя цѣпь затѣйливой работы и представляетъ большое сходство съ змѣею или ужемъ. Къ одной изъ описанныхъ цѣпей долженъ принадлежать найденный, тоже окисленный крючекъ.

Кромѣ описанныхъ вещей, найдены съ ними вмѣстѣ три золотыя серьги овальной формы и 8-мь золотыхъ колецъ, похожихъ съ перваго взгляда на серьги, но меньшихъ размѣровъ. На серьгахъ не осталось ни одной жемчужины; на кольцахъ также видны мѣста украшавшихъ ихъ жемчужинъ или другихъ камней. Въ числѣ открытыхъ вещей находится также какой-то камень (кажется порфиръ), имѣющій видъ небольшаго цилиндра, просверленнаго внутри. Всѣ эти вещи имѣютъ признаки византійской работы.

Такова находка; попытаемся сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Змѣи всегда имѣли эмблематическое различное значеніе: у язычниковъ—жезлъ Меркурія и Эскулапа, у первыхъ христіанъ епископскіе жезлы украшались и теперь еще украшаются змѣиными головами, какъ эмблемою мудрости; змѣю согнутую кольцемъ, держащую во рту свой хвостъ, считаютъ эмблемою вѣчности. Итакъ найденныя змѣеобразныя цѣпи могли имѣть и эмблематическое христіанское значеніе и служить вмѣстѣ съ тѣмъ женскимъ украшеніемъ. Такія украшенія византійскіе императоры дарили крестившимся въ Константинополѣ скифамъ и вѣроятно женамъ ихъ вождей и дружинниковъ [1]). На черниговской гривнѣ, найденной 1821 года и двухъ Ониксахъ (intaglio), найденныхъ въ Готѣ 1834 года проф. дерптскаго универ. Крузе, съ помощію которыхъ онъ могъ разобрать надпись, не разобранную прежде на черниговской гривнѣ,

---

[1]) Домашній бытъ русскихъ царицъ, И. Забѣлина, Москва, 1869 г., стр. 571.

а также на другихъ подобныхъ гривнахъ (таковы: найденная на Куликовомъ полѣ и описанная г. Напирскимъ, находящаяся въ мюнцъ-кабинетѣ казанскаго университета и описанная проф. Эрдамономъ и наконецъ гривна-медаль найденная близь села Городища, стародубскаго уѣзда, черниговской губерніи, хранящаяся теперь въ ризницѣ черниговскаго архіерейскаго дома и въ свое время описанная пр. Филаретомъ, черниговскимъ архіепископомъ) помѣщаются съ одной стороны человѣческая голова, окруженная змѣями, а съ другой на Ониксахъ надписи священнаго содержанія, а на медаляхъ, кромѣ надписей, еще и изображенія: на черниговской и казанской архистратига Михаила, на найденной на Куликовомъ полѣ образъ пресвятыя Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на послѣдней св. Георгія Побѣдоносца. По объясненію упомянутыхъ ученыхъ, змѣи съ одной стороны и священное изображеніе и надписи съ другой заключали въ себѣ символическое значеніе попранія язычества христіанствомъ въ побѣдоносной брани съ зміемъ, изображенной въ Апокалипсисѣ XII, 7—12 и у пророка Даніила X, 21 [1]).

Мы склонны предполагать, что найденныя цѣпи весьма древняго и при томъ византійскаго происхожденія. Аллегорическій смыслъ зміиныхъ головъ понятенъ самъ собою и не могъ быть инымъ, какъ общепринятымъ въ языческомъ и христіанскомъ мірѣ; что-жъ касается символическаго значенія другой части медальоновъ, то сказать о немъ что либо опредѣленное затрудняемся, такъ какъ лишь на одномъ изъ нихъ едва примѣтно изображеніе креста, а что внутри ихъ, пока неизвѣстно, хотя очень можетъ быть, что какъ наружныя, такъ и внутреннія изображенія погибли отъ неосторожности рабочихъ. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что найденные скелеты христіанскіе. Думать, какъ это хочется нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ цѣнителей древностей, что это была языческая могила, нѣтъ никакого повода; открытые скелеты, по обычаю христіанъ, обращены къ востоку; мѣста двухъ языческихъ кладбищъ въ Черниговѣ хорошо опредѣлены профессоромъ Самоквасовымъ и находятся на Болдиной горѣ, близь троицкаго архіерейскаго дома и елецкаго монастыря, самое-же мѣсто, на кото-

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1836 г., ч. IX, стр. 335—363. Описаніе черниговской епархіи, архіеп. Филарета, стародубск. уѣздъ, книга 7, стр. 52. Черниговъ, 1873 г.

ромъ сооруженъ борисоглѣбскій храмъ, находилось въ древней крѣпости; наконецъ значительныхъ лицъ язычники сожигали, а простые люди не могли имѣть дорогихъ украшеній, къ каковымъ несомнѣнно принадлежатъ описанныя нами.

Черниговскій борисоглѣбскій соборъ, близъ котораго найдены эти вещи, сооруженъ черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ, отцемъ преподоб. Николы Святоши, въ 1120 году, и въ немъ погребены какъ самъ храмоздатель, такъ и сынъ его, великій князь Изяславъ, всѣ-же другіе черниговскіе князья погребены въ соборѣ спасскомъ. Итакъ, судя по найденнымъ вещамъ, можно думать, что въ раскопанной случайно могилѣ были похоронены въ гробахъ, поставленныхъ одинъ на другомъ, двѣ какія-то знатныя особы женскаго пола, можетъ быть, черниговская бояриня и ея дочь временъ князя Давида Святославича или его сына.

А. Ханенко.

ПИСЬМО ИЗЪ ВАРШАВЫ ОТЪ 6-го АПРѢЛЯ 1790 Г.

Помѣщаемое подъ такимъ заголовкомъ письмо поступило къ намъ изъ бывшаго архива секретаря Потемкина В. С. Попова. На послѣдней страницѣ надпись позднѣйшаго времени: „по приказанію императрицы Екатерины II переведено съ польскаго статсъ-секретаремъ В. С. Поповымъ". Итакъ письмо это было въ рукахъ Екатерины, относительно которой содержится въ немъ весьма важное, хотя, какъ увидимъ далѣе, совсѣмъ неосновательное обвиненіе. Кѣмъ и къ кому писано письмо, когда и какъ попало въ руки русскихъ властей, не извѣстно. Писано оно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершавшихся въ Варшавѣ событій, обозначавшихъ собою послѣдніе дни существованія Польши, и передаетъ такъ сказать новости дня. Одною изъ самыхъ крупныхъ новостей въ то время былъ сочиняемый не въ первый разъ приходившею въ отчаяніе волынскою шляхтою мнимый бунтъ на Волыни, сопровождавшійся на этотъ разъ арестомъ и заключеніемъ въ крѣпость слуцкаго архимандрита, впослѣдствіи минскаго и потомъ черниговскаго архіепископа Виктора Садковскаго, и съ нимъ нѣсколькихъ православныхъ священниковъ Волыни. Варварскія казни надъ участниками Коліив-

щины, производившіяся главнымъ образомъ на Волыни, не давали покоя такъ настойчиво требовавшей въ свое время кровавой кары шляхтѣ, и она въ свою очередь ожидала такого-же для себя возмездія. Опасенія и страхи усиливались въ виду раздраженія народнаго, видимаго тяготѣнія всего русскаго и православнаго въ сторону Россіи, обычныхъ въ то время такъ называемыхъ „похвалокъ" и наконецъ очевиднаго для всѣхъ окончательнаго разложенія Польши. Полякамъ не вѣрилось, что ихъ отчизна умираетъ смертью, которую сама для себя подготовила, и они искали причинъ оной въ постороннемъ вмѣшательствѣ и подущеніяхъ. Въ теченіи почти полустолѣтія сыпались уже со стороны поляковъ на русское правительство обвиненія въ тайномъ подущеніи къ бунтамъ православнаго населенія Польши, между тѣмъ какъ это послѣднее болѣе полутораста лѣтъ само стремилось къ единенію съ Россіею, напрягая для этого всѣ свои силы, поднимая страшное кровопролитіе, но каждый разъ было отбрасываемо въ ненавистныя ему руки Польши, что еще разъ доказываетъ, что инстинкты народные выше пониманія такъ называемыхъ государственныхъ дѣятелей. Одно изъ такихъ обвиненій содержится въ приводимомъ письмѣ, при томъ въ видѣ несомнѣнной, свѣжо добытой письменной улики. Нелѣпость этого обвиненія понятна сама собою. Екатеринѣ не было надобности въ подстрекательствѣ русскаго населенія Волыни противъ Польши, когда сама Польша была всецѣло въ ея рукахъ и русскія войска наводняли польскія провинціи. Бунта и истребленія поляковъ, о которомъ здѣсь рѣчь, не послѣдовало, а спустя три года наступилъ окончательный раздѣлъ Польши и возвращеніе ея русскихъ областей въ лоно Россіи. Викторъ Садковскій томился четыре года въ заключеніи и выпущенъ на свободу, по настоянію Россіи, лишь предъ самымъ раздѣломъ Польши.

Какъ однако могло появиться извѣстіе объ отысканіи у Виктора Садковскаго письма или манифеста, посланнаго будто-бы Екатериною къ православному духовенству и населенію Волыни и возбуждающаго „чернь противъ дворянства польскаго"? Объясненіе этого не представитъ затрудненія, когда припомнимъ обстоятельства возникновенія возстанія на Украйнѣ въ 1768 году и появленія такъ называемой *Золотой грамоты*. И теперь, какъ и тогда, народъ слѣпо вѣрилъ въ защиту Россіи и что она приметъ его въ

свое подданство, не смотря на то, что она-же помогала Польшѣ усмирять ея непокорныхъ подданныхъ. Очень можетъ быть, что и теперь появился какой-либо подложный манифестъ отъ имени Екатерины, въ родѣ золотой грамоты 1768 г., или подобная вѣсть, либо мнѣніе передавалось въ какомъ-либо частномъ письмѣ, найденномъ у Виктора Садковскаго или кого-либо изъ арестованныхъ съ нимъ; очень можетъ быть, что находились и теперь люди, вѣрившіе въ подлинность такого манифеста и желавшіе воспользоваться имъ, какъ въ 1768 г., для поднятія народнаго возстанія. „Сами знатнѣйшіе вельможи польскіе не безъизвѣстны были" о письмѣ Екатерины, т. е. вѣрили въ существованіе онаго. Нигдѣ однако, кромѣ приводимаго письма, мы не встрѣчаемъ другаго подобнаго указанія, не говоря о томъ, что производившееся долгое время надъ Викторомъ Садковскимъ слѣдствіе не открыло за нимъ никакого политическаго проступка.

Помѣщаемое письмо содержитъ и другія любопытныя извѣстія, не требующія однако какого либо объясненія; читатели ознакомятся съ ними изъ слѣдующаго текста письма въ современномъ переводѣ.

«Допросы архимандрита слуцкаго окончены. Депутація, къ тому опредѣленная, послала оныя сеймующимъ штатамъ, и вскорѣ дѣло сіе начнется въ сеймовыхъ судахъ. У архимандрита и священниковъ найдено писанныхъ бумагъ 400 листовъ, коими обнаружилось ужасное намѣреніе истребленія поляковъ; и между прочими находится письмо Ея Величества Императрицы россійской, коимъ она увѣщеваетъ архимандрита и священниковъ къ возмущенію черни противу дворянства польскаго, обнадеживая ихъ великими наградами и достоинствами, ибо симъ дѣйствіемъ и русскія области къ Польшѣ и Литвѣ принадлежащія возвратятся въ подданство скипетра ея, какъ единой покровительницы греческаго исповѣданія. О таковомъ злоумышленіи знатнѣйшіе изъ нашихъ вельможей были небезъизвѣстны. До 50-ти священниковъ сдѣлали присягу ея императорскому величеству въ вѣрномъ исполненіи предположеннаго намѣренія. Сколь скоро судъ надъ архимандритомъ начнутъ производить, то сеймующіе штаты принесутъ торжественно жалобу предъ лицемъ всѣхъ державъ противу Ея Величества Императрицы всероссійской, какъ губительницы польскаго государства.

Въ Галиціи нѣмцы много опасаются, чтобъ не послѣдовало возмущенія; почему изданы тамо указы, чтобы народъ наблюдалъ, не собирается ли къ оному дворянство и за донесеніе опредѣлены великія награжденія. Чернь много тѣмъ пользовалась, ибо коль скоро видѣла дворянина верхомъ ѣдущаго, тотчасъ доно-

сила директору и получала заплату, но когда посыланныя команды никого не находили, то доносители сказывали, что дворяне подозрительные убѣгали въ лѣсъ. Нѣмцы, узнавъ сіи обманы, больше уже награды не даютъ.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Стамбула отъ посланника Потоцкаго, старосты Щиржецкаго, курьеръ съ весьма важными письмами, о коихъ въ сеймовомъ засѣданіи чрезъ три часа по выходѣ не принадлежащихъ къ сейму особъ (semotis arbitris) разсужденіе продолжалось. Помянутой посланникъ весьма уважается въ Стамбулѣ не токмо отъ султана и дивана, но даже и отъ всѣхъ иностранныхъ министровъ и присутствуетъ во всѣхъ совѣтахъ. Съ министрами прусскимъ, англійскимъ и шведскимъ частыя имѣетъ конференціи, послѣ коихъ тотчасъ подаетъ ноты министрамъ дивана.

Войсковая коммисія отдала приказы нѣкоторымъ воинамъ, хоругвямъ народовой кавалеріи и региментамъ пѣхотнымъ идти на Украйну. Сіе войско, составляющее 12,000 человѣкъ, имѣетъ расположиться лагеремъ повыше Смѣлы подъ командою князя Михайла Любомирскаго. Недавно пошло отселѣ войско въ Литву съ 12 пушками и военными снарядами.

Король Леопольдъ прислалъ здѣшнему императорскому резиденту г. де-Кагель извѣстіе объ кончинѣ брата его императора Іосифа II, гдѣ упоминаетъ также, что вскорѣ пришлетъ къ нашему двору полномочнаго посланника съ изъявленіемъ дружбы своей къ Рѣчи Посполитой польской.

По ревизіи оказалось, что въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ находилось жидовъ 28,000, кои дѣлали много помѣшательства здѣшнимъ мѣщанамъ въ торговлѣ и рукодѣліяхъ, но нынѣ Варшава отъ сея кучи освободится».

КНЯЗЬ ЯБЛОНОВСКІЙ ВЪ НЕЛОВКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія м. Стеблевомъ (кіев. губ., канев. у.) владѣлъ польскій магнатъ князь Яблоновскій, послѣдній представитель знатной польской фамиліи: онъ умеръ бездѣтнымъ. Народная память забыла даже его имя, но не забыла личности этого оригинальнаго князя. Не смотря на свой громкій титулъ, на свое высокое положеніе въ Рѣчи Посполитой, князь Яблоновскій любилъ говорить по-украински, одѣвался по-крестьянски, въ будніе дни носилъ свиту или жупанъ, широкіе крестьянскіе шаровары, смушевую шапку. Разсказываютъ, что онъ часто являлся лично на громадскія сходки, происходившія въ орандѣ, обширномъ старинномъ зданіи среди мѣстечка, сохранившемся донынѣ, принималъ

участіе въ обсужденіи громадскихъ дѣлъ и послѣ сходокъ любилъ побалакать съ мужиками въ орандѣ и даже нерѣдко пилъ съ ними „по чарці, сидя за столомъ на беседі". Былъ-ли это капризъ знатнаго магната, или-же въ этомъ обнаруживалось демократическое направленіе небольшой фракціи польской шляхты, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но въ мѣстномъ населеніи сохранилось очень хорошее воспоминаніе о Яблоновскомъ, какъ о помѣщикѣ. Онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Съ этимъ-то княземъ Яблоновскимъ, вѣроятно вскорѣ послѣ присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, примѣрно 1794 или 1795 г. случился очень непріятный казусъ, по всей вѣроятности ускорившій его кончину.

Домъ князей Яблоновскихъ стоялъ на островѣ Замкѣ, образуемомъ рѣкою Росью и ея рукавомъ Самовілкою. Этотъ островъ вѣроятно представлялъ безопасное мѣсто отъ нападенія козаковъ и гайдамаковъ, благодаря скалистымъ отвѣснымъ берегамъ Роси и Самовілки. Послѣдній Яблоновскій оставилъ этотъ старинный палацъ, вскорѣ обратившійся въ развалины, и основалъ свой *дворъ* близъ самаго мѣстечка. Ворота двора выходили прямо на базарную площадь. Одно зданіе въ этомъ панскомъ дворѣ, двухъ-этажный павильонъ, вѣроятно предназначенный для ночлега гостей, сохранился до настоящаго времени. Въ этомъ-то новомъ панскомъ дворѣ разыгралась траги-комедія, имѣвшая печальныя послѣдствія для князя Яблоновскаго.

Князь Яблоновскій въ старости имѣлъ привычку въ лѣтніе жары отдыхать послѣ обѣда въ костюмѣ праотца Адама, запершись въ своей опочивальнѣ. Въ такомъ видѣ, вѣроятно отъ скуки, онъ часто надѣвалъ на себя какіе-то ордена, которые у него были, но которыхъ онъ никогда не носилъ, становился передъ огромнымъ зеркаломъ и произносилъ слѣдующую рацею, обращаясь къ отраженію своей персоны, убранной въ ленты и кресты:

— Князю Яблоновській! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чого тільки твоя душа забажае. Въ тебе волы, въ тебе отары овець, въ тебе сила хліба, грошей, людей. Въ тебе такі коні, якъ ни въ одного пана. Ты маешь ласку у короля. Тебе знае вся Польща. Въ тебе всяки регаліи. Тобі хиба птичого молока недостае. Князю Яблоновській! Який ты розумный! Чи е хто въ Польщи розумніший одъ тебе? Ты розумніший одъ усіхъ.

При этомъ князь указывалъ перстомъ на свое чело, какъ на вмѣстилище необыкновеннаго ума.

Любопытные лакеи успѣли подсмотрѣть и подслушать, что творилъ и что говорилъ князь, запираясь въ своей спальнѣ. Нашелся одинъ шутникъ лакей, которому вздумалось подшутить надъ старикомъ и напугать его. Яблоновскій былъ суевѣренъ и боялся нечистой силы. Однажды лакей этотъ спрятался въ огромномъ старинномъ каминѣ, находившемся въ спальнѣ. Яблоновскій по обыкновенію раздѣлся, надѣлъ всѣ ордена, сталъ передъ зеркаломъ и началъ читать рацею самовосхваленія.

— Князю Яблоновській! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чого тільки душа твоя забажае. Въ тебе багато земли, въ тебе волы, въ тебе кони, въ тебе вівці. Въ тебе сила хліба, грошей. Тебе всі люблять, всі поважають. Въ тебе розуму сила. Ты розумный, розумный! розумніший одъ царя Соломона...

Въ этотъ моментъ въ комнатѣ раздался едва слышный, но отчетливый голосъ:

— Князю Яблоновський! Ты дурень, дурень, великій дурень!

Князь Яблоновскій оглянулся, услышавъ странный таинственный голосъ, отвѣчавшій въ тонъ его рѣчи, какъ эхо. Онъ осмотрѣлъ всѣ углы въ комнатѣ. Попробовалъ дверь—дверь заперта. Заглянулъ за зеркало, никого нѣтъ; посмотрѣлъ подъ кровать—никого нѣтъ. Онъ перевернулъ подушки, посмотрѣлъ подъ тюфякъ—нигдѣ никого и ничего. Яблоновскій успокоился, вѣроятно подумалъ, что ему послышалось, опять сталъ передъ зеркаломъ, поправилъ ленты на груди и началъ свою рацею: „князю Яблоновській“... но едва онъ произнесъ: „ты, князю, розумный, розумный, розумніший одъ усіхъ“, опять послышался на этотъ разъ болѣе отчетливый голосъ, какъ будто раздающійся надъ головою князя въ воздухѣ: „князю Яблоновській! Ты дурень, дурень, дурніший одъ усіхъ“. Яблоновскій струсилъ, поблѣднѣлъ, отперъ дверь и какъ былъ, въ костюмѣ Адама и въ орденахъ, опрометью бросился бѣжать на базарную площадь. Крестьяне и жиды, удивленные появленіемъ князя среди бѣлаго дня на базарѣ въ такомъ странномъ костюмѣ, окружили его и выслушали разсказъ о приключеніи. Князь разсказывалъ, что въ его спальнѣ завелся нечистый. Въ это время всѣ замѣтили черную фигуру, вылѣзшую изъ трубы и прыгнувшую на

крышу панскаго дома. Яблоновскій сейчасъ догадался, кто сыгралъ роль нечистаго и напугалъ его. Онъ крикнулъ: „давай рушницю!“ Ему подали заряженное ружье. Раздался выстрѣлъ, и нечистый свалился съ крыши на землю мертвымъ. За эту кару нечистаго князь попалъ подъ судъ и въ тюрьму и вскорѣ послѣ этого непріятнаго приключенія умеръ. Вѣроятно вся эта исторія случилась уже послѣ присоединенія Кіевщины къ Россіи, при новыхъ порядкахъ. Въ блаженныя времена шляхетскихъ вольностей въ старой Польшѣ конечно все окончилось-бы благополучно для Яблоновскаго. Сохранилось одно распоряженіе въ Хировской экономіи 1796 г. (Хировка—сосѣднее село, тогда принадлежало Яблоновскому), подписанное уже рукою жены Яблоновскаго, княгинею Франциcкою Яблоновскою.

И. Л.

ЗАПИСАВШІЙСЯ ВО ВЛАСТЬ ПОМѢЩИКА СВЯЩЕННИКЪ.

Канувшее навсегда въ вѣчность крѣпостное право оставило намъ на память слѣды отношеній помѣщиковъ не только къ бывшимъ у нихъ въ безапелляціонной зависимости крестьянамъ, но и къ духовнымъ руководителямъ сихъ послѣднихъ—священникамъ. Ниже приводимый документъ, списанный нами съ подлинника, хранящагося въ рождество-богородичной церкви села Масловой, чигиринскаго уѣзда, кіевской губерніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ недалекомъ прошедшемъ, именно въ первой трети настоящаго столѣтія, право полученія священническаго сана и мѣста во многихъ случаяхъ зависѣло не только отъ личныхъ достоинствъ и заслугъ искателя священнаго сана, но и отъ согласія господина, владѣвшаго прихожанами извѣстной деревни. Можно полагать, что такому согласію помѣщиковъ придавалось не малое значеніе и высшею епархіальною властію.

Вотъ этотъ документъ, переписанный нами съ соблюденіемъ орфографіи подлинника:

„1825-го года февраля 16-го дня, я, нижеподписавшійся, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, мѣстечка Шполи, свято-троецкой церкви діаконъ Василій Гдешиньскій далъ сію подписку по-

мѣщику Василію Григоріеву сыну Цымбалистову въ томъ, что я съ рукоположенія во священника въ село Маслову къ рождествабогородичной церквѣ, состоящей въ чигиринскомъ повѣтѣ, никакихъ съ прихожанъ вымагательствъ лишнихъ требовать не стану, а такъ какъ по указному положенію; и весть себя честно и добропорядочно, какъ церковные правила священному сану дозволяютъ, чтобы пиянства, ссоры, драки и буянства ни съ кимъ иникогда не было; также чтобы раждаемые младенцы безъ крещенія, а старые безъ исповѣды и безъ удостоенія святыхъ таинъ причащенія не умирали, и простолюдинами погребены не были; такоже у воскресные и праздничные дни церковъ безъ богослуженія не оставалась, въ противномъ-же случаи могло-бъ что послѣдовать выше прописанные пороки, то имѣетъ право помѣщикъ Цымбалистовъ безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой *отъправыть*; и начто выше помянутый діяконъ согласенъ, въ томъ своеручно и подписался діяконъ Василій Гдешинскій".

Тутъ одно изъ двухъ: или сказанный помѣщикъ Цымбалистовъ былъ столь усерднымъ радѣтелемъ религіозныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, что въ условіи съ будущимъ священникомъ прописалъ чуть не всѣ пункты ставленнической священнической грамоты, или искатель священническаго мѣста въ с. Масловой только путемъ такихъ условій съ помѣщикомъ, равно при протекціи послѣдняго, и могъ достигнуть священническаго сана. Какъ-бы то ни было, а Василій Гдѣшинскій удостоенъ былъ священства и прослужилъ въ с. Масловой лѣтъ около 30. Послѣдній пунктъ приведеннаго документа, предоставляющій право помѣщику Цымбалистову „безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой отправить", ясно характеризуетъ взглядъ тогдашнихъ низшихъ членовъ причта на казавшееся имъ могущество помѣщиковъ въ своихъ владѣніяхъ.

Священникъ **П. Саббатовскій.**

1883 года, февраля 21 дня.

С. Толмачъ.

КЪ ИСТОРІИ БУГСКИХЪ КОЗАКОВЪ *).

Господину генералу отъ кавалеріи и кавалеру Михельсону 1-му генералъ-лейтенанта, командующаго войсками въ 13-й девизіи состоящими, инспектора ихъ Дюка Де-Ришелье

РАПОРТЪ.

Войска бугскаго наказный атаманъ г-нъ полковникъ князь Кантакузенъ рапортуетъ мнѣ, что сформированные имъ молдавскіе волонтирскіе полки въ Кишиневѣ 1-й и 3-й пѣшіе, 2-й и 4-й конные, изъ коихъ 1-й подъ командою маіора Визиряна выступилъ на службу въ Бендеры, 2-го коннаго одна сотня съ хорунжимъ Снапѣевымъ въ Фалчи выкомандирована; 4-й конной полковаго есаула Шеміота выступилъ сего февраля 2-го числа. Остаются въ Кишиневѣ готовыми 2-го полка двѣ сотни, подъ командою ротмистра Гулдарія и третьяго пѣшаго 3 сотни подполковника Бицилія, за неполученіемъ оружія изъ ожидаемыхъ мѣстъ.

Вербовка въ волонтиры начало свое воспріяла съ небольшимъ полтора мѣсяца тому назадъ, въ столь короткое время успѣлъ полковникъ князь Кантакузенъ, собрать и устроить при малой помочѣ отъ казны до 2000 человѣкъ на службу. Ведаю совершенно, что онъ на пользу государственную не щадилъ здоровья и послѣдняго имѣнія своего; истиннымъ усердіемъ, отличными дѣяніями, рвеніемъ и неутомимыми трудами къ высочайшей его императорскаго величества службѣ, заставляетъ обязанностію моею отдать настоящую ему въ томъ справедливость. Онъ князь Кантакузенъ сверхъ того употребленъ мною заграницею къ соглашенію Булгаръ и другихъ христіанъ въ переселеніи оттоль ихъ на нашу сторону и въ семъ предметѣ показалъ успѣхи въ успѣшномъ сформированіи тѣхъ четырехъ волантирскихъ полковъ; полковникъ князь Кантакузенъ свидѣтельствуетъ оказанную дѣятельность и совершенное усердіе. Содѣйствовавшихъ ему въ подвигахъ подполковника *Бицилія*, полковаго есаула *Шеміота*, ротмистра *Гулдирія*, сотниковъ *Петрулина*, *Грибовецкаго* 2-го, прапорщика *Самарина*, бугскаго козачьяго войска урядниковъ *Ромоданова* и *Боднирскаго* вашему высоко-превосходительству. Осмѣливаясь представить все описанное на милости-

*) «Кіевская Старина», 1882 года.

вое благоуваженіе, всепокорнѣйше прошу къ поощренію на дальнѣйшее служеніе и въ воздаяніе отличныхъ трудовъ исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя императора, полковнику князю Кантакузену и протчимъ выше поименованнымъ чиновникамъ слѣдующихъ по заслугамъ каждому наградъ. Подлинной подписалъ генералъ-лейтенантъ *Дюкъ Де-Ришелье.*

Съ подлиннымъ вѣрно, князь Кантакузенъ".

№ 748.
Въ Одессѣ.
Февраля 2 дня, 1807 года.

Этотъ документъ списанъ съ безграмотнаго списка, но онъ интересенъ для памяти потомковъ упомянутыхъ бугскихъ чиновъ, которые теперь въ дѣтяхъ и внукахъ находятся въ нашемъ краѣ.

А. Скальковскій.

ЕЩЕ ОБЪ УКРАИНСКОЙ ЗЛОПОЛУЧНИЦѢ.

Въ январской и апрѣльской книжкахъ „Кіевской Старины" за настоящій годъ, въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ" сообщены варіанты пѣсни о несчастной дѣвушкѣ, соблазненной и убитой заѣзжими людьми, которые называются то чужеземцами, то козаками, то татарами, то наконецъ „двораками" и „дворянами", какъ въ варіантѣ сѣдлецкомъ.

Къ тому, что сообщено доселѣ объ этой пѣснѣ, мы прибавимъ, что она въ самыхъ разнообразныхъ варіантахъ распространена почти повсемѣстно и у поляковъ [1]). Во всѣхъ извѣстныхъ намъ польскихъ варіантахъ пѣсни основная мысль та-же, что и въ малорусскихъ, но форма самая разнообразная. Не всегда соблазнителей три, чаще у поляковъ одинъ—„chłopiec czudzej krainy" или просто „Jaś" и обыкновенно жертва погибаетъ въ „głębokim Dunaju", послѣ того, какъ съ нея сняли „bogaty strój" и отняли деньги. О происхожденіи пѣсни, происшествіи, послужившемъ поводомъ къ

---

[1]) См. Kolberg O. Lud polski, I, № 5 a—z, VI № 316; Zbiór wiadomości do Antropologji kraiowej II, str. 78, № 89 и 90; IV str. 129, № 105.

составленію пѣсни, и личности соблазнителя трудно установить какой либо опредѣленный взглядъ. Несомнѣнно то, что пѣсня эта весьма древняя, подвергалась измѣненіямъ и наслоеніямъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ и окрашивается чисто мѣстными тонами; личность убійцы-соблазнителя совершенно зависитъ отъ мѣстныхъ общественныхъ условій. Роль такого соблазнителя и жестокаго убійцы на Украйнѣ усвояется татарину или донцу, польская-же пѣсня ищетъ героя вообще среди людей „obcych“ и даже родныхъ „Jasiów“. Большинство варіантовъ украинскихъ и польскихъ оканчивается нравоученіемъ: умирающая дѣвушка взываетъ ко всѣмъ матерямъ или дѣвицамъ, указывая на печальныя послѣдствія то знакомства съ неизвѣстными людьми, то бѣгства отъ матери и отца,—послѣднее преобладаетъ въ пѣсняхъ польскихъ.

Намъ кажется, что авторъ замѣтки о подляской злополучницѣ, сообщая варіантъ, въ которомъ соблазнитель носитъ названіе: „дворянинъ“, „дворакъ“, „двораченько“, и увлекшись созвучіемъ этого названія съ великорусскимъ словомъ дворянинъ, напрасно предполагаетъ такихъ соблазнителей въ средѣ дворянства и говоритъ по поводу этой пѣсни о ненависти подляскихъ малороссовъ къ своему дворянству, заклеймившему себя народнымъ и религіознымъ отступничествомъ. Малороссу, особенно подляскому, не извѣстно слово „дворянинъ“ въ смыслѣ русскаго дворянства, для котораго онъ имѣетъ общеупотребительное названіе „панъ“, а иногда „шляхтичь“. Подляское „дворакъ“ и „дворянинъ“ отвѣчаетъ украинскому „двірський, дворовый“; „dworzanin“ и „dworak“ встрѣчаются постоянно въ пѣсняхъ польскихъ въ значеніи людей изъ панской дворни, къ которымъ народъ также по разнымъ причинамъ относится весьма недружелюбно, но которые при своей обезпеченности и нарядности играютъ роль деревенскихъ львовъ. Кромѣ основной мысли пѣсни, въ польскихъ ея варіантахъ можно замѣтить очень много мѣстъ почти тождественныхъ съ соотвѣтственными мѣстами въ спискахъ малорусскихъ. Возьмемъ слѣд. мѣсто малорусскаго текста:

Привезли дівчину до зеленої сосны.
Вернись, дівчино, бо буде тошно!
Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь.

Этому мѣсту отвѣчаютъ слѣдующіе стихи той-же пѣсни, записанной въ плоцкой губерніи:

I powędrowali do ciemnego lasu,
Wracaj się, Kasiuniu, do domu zawczasu!
Na cóż ja tę nockę z tobą wędrowała,
Abym się do domu sama wracać miała?

Первый стихъ седьмого куплета кѣлецкаго варіанта: „*spójrzała Kazieniu wysoko po jedli*" очень напоминаетъ стихъ подлясскаго списка: „*Ой стала дівчина, совны полічила*".

Принадлежитъ-ли эта пѣсня къ бродячимъ, какой народъ и у кого позаимствовалъ ее? Перенятъ-ли только сюжетъ и оформленъ по своему, или сдѣланъ просто первоначально переводъ?— всѣ эти вопросы остаются открытыми. Интересныя указанія могло-бы дать собраніе мелодій этихъ варіантовъ; къ сожалѣнію, я не знаю ни польской, ни малорусской музыки этой пѣсни.

Ц. Г. Нейманъ.